

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XXII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XXII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1948 Ленинград

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор — член-корреспондент АН СССР *А. Д. Удальцов*
Зам. ответственного редактора *Т. С. Пассек*

Члены редколлегии:

С. Н. Бибиков, С. В. Киселев, А. Л. Монгайт,
С. А. Тараканова

ПАМЯТИ
БОРИСА ВЛАДИМИРОВИЧА
ФАРМАКОВСКОГО
(1870—1928)

Б. В. ФАРМАКОВСКИЙ

БОРИС ВЛАДИМИРОВИЧ ФАРМАКОВСКИЙ

Биографическая справка, составленная А. Н. Карасевым

Борис Владимирович родился 31 января 1870 г. в гор. Кирове (б. Вятка), в семье педагога Владимира Игнатьевича Фармаковского.

Окончив в 1892 г. с дипломом первой степени Историко-филологический факультет б. Новороссийского университета в Одессе, Борис Владимирович был оставлен при Университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре истории искусств. В 1894 г. по ходатайству Одесского университета он был командирован за границу. Вернувшись через год на родину, Борис Владимирович сдал магистерский экзамен, после чего вновь был командирован за границу, где изучал музеи и дело ведения раскопок. За три года пребывания за границей он работал в библиотеках и научных учреждениях Греции, Италии, Франции, Англии, Германии, Австрии и Турции.

По возвращении в 1897 г. в Россию Борис Владимирович короткое время преподавал древние языки в СПб. VI гимназии. В феврале 1898 г. он был назначен ученым секретарем Русского археологического института в Константинополе.

За время трехгодичной работы в Константинополе Борис Владимирович, помимо несения прямых обязанностей ученого секретаря, вел большую исследовательскую работу, написал ряд трудов, совершал археологические поездки по Малой Азии и участвовал в раскопках близ с. Патели в Македонии. В начале 1901 г. он был отозван из Константинополя и назначен членом Археологической комиссии, где и работал до 1918 г.

Полевую археологическую деятельность Б. В. Фармаковский начал в 1896 г. раскопками некрополя Ольвии и на острове Березани. С самого начала своей работы в Археологической комиссии Борис Владимирович сосредоточил все свое внимание на исследовании Ольвии и ее периферии. Летом 1901 г. он продолжил изучение ольвийского некрополя, а с 1902 г. начал систематические полевые исследования городской территории.

Раскопками 1902—1908 гг. были установлены границы города в эллинистический период, исследованы в разных частях верхнего плато Ольвии культурные слои, открыты эллинистические оборонительные сооружения и стены римской цитадели.

С 1909 по 1915 г. работы переносятся на территорию нижнего города, где основное внимание исследователя сосредоточивается на раскрытии сравнительно хорошо сохранившихся остатков богатых жилых домов эллинистического периода.

Первая мировая война, затем гражданская война на восемь лет оторвали Бориса Владимировича от Ольвии, и только в 1924 г. он возобновил свои работы. В 1924 г. доследуются стены римской цитадели и участок внутри цитадели, где были открыты остатки храма Аполлона Простата.

В 1925 г. раскапывается новый участок на территории в северо-восточной части города, где, помимо остатков оборонительной стены и построек эллинистического периода, был открыт некрополь архаической эпохи.

Исходя из широкого перспективного плана изучения Ольвии, Б. В. Фармаковский в 1926 г. заложил новые раскопы в центральной части верхнего города. Эти раскопы дали богатый материал для изучения Ольвии от архаического периода до времени разгрома города гетами. Помимо раскопок на городской территории, Борис Владимирович в период 1902—1926 гг. вел раскопки на ольвийском некрополе, давшие огромное количество ценного материала.

1926 год был последним годом работы Бориса Владимировича в Ольвии. Летом 1927 г. он выехал в Харьков по организационным вопросам, связанным с Ольвийской экспедицией.¹ В Харькове Борис Владимирович тяжело заболел и не смог принять участия в экспедиции.

Кроме ведения раскопок Ольвии, Б. В. Фармаковский производил в 1903 г. раскопки в окрестностях гор. Алешки и в с. Збурьевке (б. Таврической губ.). В 1908 и 1909 гг. совместно с Д. В. Милеевым вел раскопки на площади Десятинной церкви в Киеве, в 1916—1917 гг. — в Евпатории.

Ученую степень магистра теории и истории искусств Б. В. Фармаковский получил в Новороссийском университете в 1902 г., защитив диссертацию на тему «Аттическая вазовая живопись и ее отношение к искусству монументальному в эпоху непосредственно после Греко-персидских войн».

В ноябре 1914 г. Борис Владимирович был избран членом-корреспондентом Академии Наук по Историко-филологическому отделению; с момента организации ГАИМК он входил в число ее членов.

За 35-летний период своей научной деятельности Б. В. Фармаковский издал 82 научных труда. Последняя его работа «Раскопки в Ольвии в 1926 г.» издана посмертно на украинском языке. Кроме того, им был подготовлен к печати ряд трудов, и начаты работы, завершить которые он не успел.

Свою научную работу Борис Владимирович всегда успешно сочетал с научно-организационной деятельностью. С 1906 по 1919 г. он нес обязанности ученого секретаря Русского археологического общества. Короткое время, с момента организации ГАИМК, был временно исполняющим обязанности ученого секретаря, затем последовательно был избран: в 1919 г. преподавателем Художественно-исторического отделения, заведующим рядом греко-римского искусства и разрядом археологии Скифии и Сарматии; в сентябре 1920 г. — товарищем председателя ГАИМК; в марте 1921 г. — ученым секретарем Академии, неся эти обязанности до дня кончины. Кроме того, Борис Владимирович был фактическим председателем Комиссии по социологии и искусствоведению, заведывал складом древностей и председательствовал в ряде комиссий ГАИМК. В феврале 1924 г. он был избран хранителем Государственного эрмитажа.

Б. В. Фармаковский состоял членом многих археологических и искусствоведческих институтов и обществ. Большое количество времени и энергии он уделял преподавательской деятельности. В 1905 г. он был избран

¹ С 1924 г. изучение Ольвии велось совместно ГАИМК и АН УССР под руководством Б. В. Фармаковского.

приват-доцентом Петербургского университета, в 1910 г.— профессором Петербургских высших женских курсов, в 1917 г.— доцентом Петроградского университета и профессором Петроградского археологического института, в 1919 г.— профессором Петроградского университета, профессором Педагогического института и Института истории искусств.

О большом внимании к вопросу подготовки молодых кадров специалистов свидетельствует тот факт, что уже в 1924 г. к Б. В. Фармаковскому были прикомандированы для работы в ГАИМК 20 студентов-практикантов.

Борис Владимирович был широко известным ученым и крупнейшим специалистом в области античной археологии не только в СССР, но и за границей. Он участвовал в трех международных археологических конгрессах: в Афинах (1905), в Каире (1909) и в Лондоне (1913), на которых выступал с докладами.

Преждевременная смерть прервала плодотворную деятельность Бориса Владимировича в период, когда он собирался обобщить свои работы по Ольвии, написать крупные монографии по истории искусства Древнего мира.

В 1928 г. Борис Владимирович выехал на дачу в Парголово. Однако, живя там, он продолжал руководить молодыми сотрудниками ГАИМК и студентами.

Неожиданный третий приступ болезни был роковым: в ночь с 28 на 29 июля Борис Владимирович скончался. Погребение состоялось 31 июля 1928 г. под Ленинградом на Шуваловском кладбище.

В лице Б. В. Фармаковского русская наука потеряла не только крупнейшего ученого в области изучения античной культуры, прекрасного, всегда спокойного, разумно строгого и требовательного педагога, с любовью делившегося своими знаниями и богатым опытом с молодыми товарищами, но и замечательного человека, пользовавшегося большим авторитетом и любовью всех работавших с ним.

**І. ДОКЛАДЫ НА ЗАСЕДАНИЯХ СЕССИИ УЧЕНОГО СОВЕТА ИИМК,
посвященных 50-летию юбилею начала раскопок
Б. В. Фармаковским в Ольвии (апрель 1946 г.)**

В. Д. БЛАВАТСКИЙ

**Б. В. ФАРМАКОВСКИЙ — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ
АНТИЧНОГО МИРА**

Б. В. Фармаковский бесспорно — один из крупнейших специалистов по классической археологии и истории античного искусства конца XIX и первого тридцатилетия XX века.

Обладавший исключительным талантом исследователя, тонкой наблюдательностью, умением вскрыть сущность изучаемого им явления, глубокой и многогранной эрудицией, Б. В. Фармаковский по праву занял видное место среди корифеев русской науки своего времени. Сделанный им вклад в изучение Античного мира весьма значителен.

Академик С. А. Жебелев в некрологе, посвященном Б. В. Фармаковскому, характеризует его следующими словами:

«Пройденная Б. В. Фармаковским основательная историко-филолого-археологическая школа... его разносторонние и глубокие знания памятников античного искусства... и его обширная начитанность в литературе своего предмета,— все это давало возможность Б. В. Фармаковскому чувствовать себя полным хозяином в избранной им области знания и считаться и среди своих сверстников, и среди младшего поколения археологов-классиков бесспорным ученым авторитетом, оспаривать который было бы напрасной и неблагодарной задачей».¹

Деятельность Б. В. Фармаковского оставила большой след в нашей полевой археологии классического периода. Для надлежащей оценки ее нужно вспомнить, на каком уровне стояли раскопки античных городов Северного Причерноморья в конце XIX в. В лучшем случае — полудилетантские изыскания в Ольвии и Херсонесе, первые, еще довольно робкие попытки А. А. Бобринского и Думберга поставить археологические работы на строго научную основу в Керчи — вот что застал Б. В. Фармаковский на заре своей деятельности. Б. В. Фармаковский впервые в России осознал и осуществил на практике решение задачи археологического исследования античного города, вскрывающего историю последнего. В этом и кроется залог исключительно успешных результатов раскопок Ольвии.

¹ Б. В. Фармаковский. Некролог, прочитанный академиком С. А. Жебелевым на заседании Отделения гуманитарных наук 26 сентября 1928 г. (Изв. АН СССР, стр. 275 сл.).

Б. В. Фармаковский поставил выбор места раскопок на строго научную основу, в отличие от своих предшественников, обычно копавших на местах случайных находок древних надписей или выдающихся произведений искусства. Внимательно учитывая свидетельства источников, топографические условия, данные предшествующих раскопок и случайных находок, Б. В. Фармаковский располагал свои раскопы по точно продуманному плану. Раскопав намеченные участки, он получал четкие ответы на поставленные им вопросы. Таким образом оказывались выявленными границы города, история жизни различных участков его, а также время и характер прилежащих некрополей.

Работы 1896² и 1901 гг.³ подтвердили, что расположенное к северу от Ольвийского городища с. Парутино в южной своей части занимает территорию ольвийского некрополя. В 1902—1903 гг.⁴ Б. В. Фармаковский, раскопав площадь около так называемого Зевсова кургана, обнаружил мощные городские напластования архаического, классического и эллинистического периодов, над которыми не было сооружений римской эпохи, если не считать насыпанного в это время большого кургана. Результаты этих работ исследователь успешно поставил в связь с свидетельством Диона Хрисостома о том, что в I в. н. э. Ольвия была жалким поселением, занимавшим небольшую часть прежнего города.

На участке, раскопанном в 1903—1904 гг.⁵ над Заячьей балкой, были выявлены остатки стен эпохи наибольшего расцвета Ольвии (IV—III вв. до н. э.) и оборонительных сооружений римского времени. Продолжение крепостных стен римского периода было найдено на раскопе около Поперечной балки в 1905—1906 гг.⁶ Таким образом наметилась сравнительно небольшая площадь в южной части городища, огражденная стенами римского времени.

Раскопом 1907—1908 гг.⁷ (около северной балки), обнаружившим остатки стен и городских ворот, была установлена северная граница города в эпоху его расцвета. В течение последовавших шести лет (1909—1914 гг.)⁸ работы велись на берегу лимана в южной части нижнего города. Там были открыты богатые культурные слои классического, эллинистического и римского времен. Среди обнаруженных зданий особый интерес представляет пританей, построенный во II в. до н. э.

Раскопки 1915 г., происходившие в условиях военного времени, велись только на некрополе. Возобновленные после девятилетнего перерыва, раскопки велись главным образом в трех местах. В 1924 г.⁹ около поперечной балки были обнаружены остатки оборонительной стены римского времени и храма Аполлона Простата. В 1925 г.¹⁰ в северо-восточной части верхнего города были найдены могилы архаического времени, а над ними — развалины построек и оборонительной стены эпохи расцвета. В 1926 г.¹¹ к западу от Зевсова кургана были обнаружены культурные напластования архаического, классического и эллинистического времен. Эти напластования подтвердили ранее намеченную картину истории города

² ОАК, 1896, стр. 200 сл.

³ ОАК, 1901, ИАК, вып. 8.

⁴ Там же, 1902, стр. 2 сл.; там же, 1903, стр. 2 сл.; ИАК, вып. 13.

⁵ Там же, 1903, стр. 20; там же, 1904, стр. 1 сл.

⁶ Там же, 1905, стр. 1 сл.; там же, 1906, стр. 1 сл.

⁷ Там же, 1907, стр. 1 сл.; там же, 1908, стр. 1 сл.

⁸ ОАК, 1909—1910, стр. 1 сл.; там же, 1911, стр. 1 сл.; там же, 1912, стр. 1 сл.; там же, 1913—1915, стр. 1 сл.

⁹ Сообщение ГАИМК, I, 1926, стр. 143 сл.

¹⁰ Там же, стр. 171 сл.

¹¹ Б. В. Фармаковский. Розкопування Ольбії, р. 1926, Одеса, 1929.

и позволили выяснить характер планировки последнего, а именно — применение правильной разбивки кварталов еще в VI в. до н. э., т. е. ранее перепланировки, произведенной Гипподамом в Милете.¹²

Таким образом, результатом проведенных в Ольвии работ были вполне надежно установлены границы города в период его наибольшего расцвета в IV—III вв. до н. э. и в римскую эпоху, когда площадь, занятая поселением, значительно сократилась.

Старательно изучая время и характер напластований на каждом раскопанном им городском участке, Б. В. Фармаковский впервые сделал достоянием нашей классической археологии систематически собранные материалы, проливающие свет на историю античного города Северного Причерноморья на всем протяжении его тысячелетнего существования. Сложные многослойные напластования Ольвии, начиная с эпохи архаики и кончая позднеримским временем, были четко прослежены Б. В. Фармаковским. В итоге работ¹³ всего им было установлено двенадцать¹⁴ древних напластований в Ольвийском городище. Должно при этом вспомнить, что выявление культурных слоев (а равно и в пределах слоев строительных периодов) было впервые введено в нашу полевую практику Б. В. Фармаковским.

Б. В. Фармаковский не ограничивался решением только этих общих задач, он не оставлял без внимания и многочисленные, более частные вопросы, которые в своей совокупности имеют для археологии громадное значение. Так, исследуя ольвийские жилые дома, он подробно выяснял строительную технику их фундаментов, стен, полов и даже перекрытий (хотя для изучения последних были доступны лишь обломки черепиц); отмечал также отделку стен, назначение помещений, находимые в них предметы. Столь же внимательно исследовались Б. В. Фармаковским общественные здания и оборонительные сооружения. Располагая довольно жалкими развалинами пританея, раскопанного в нижнем городе, и крепостных ворот, открытых около северной балки в 1907—1908 гг., Б. В. Фармаковский дал весьма убедительные реконструкции последних.

Очень обстоятельно изучался и ольвийский некрополь. Архитектура могил, погребальный обряд и инвентарь тщательно фиксировались. Подробно описанный могильный инвентарь получал точную и убедительную датировку в его печатных публикациях. Наконец, наиболее существенные вещевые находки, сделанные в Ольвии, публиковались в специальных статьях.¹⁵

Восстанавливая картину исторического прошлого Ольвии, Б. В. Фармаковский постоянно обращался к письменным источникам, свидетельствам древних авторов и эпиграфическим памятникам, сопоставляя с ними данные своих полевых исследований. Ведя археологическую работу в Ольвии, Б. В. Фармаковский широко использовал свою эрудицию и талант историка античного искусства и дал блестящий анализ ряда художественных произведений, найденных в этом городе.

Таков облик Б. В. Фармаковского, полевого археолога, исследователя Ольвии, сумевшего сочетать решение основных задач с накоплением и систематизацией обширнейшего материала, детальным наблюдением и фиксацией множества небольших фактов.

Площадь, вскрытая раскопками Б. В. Фармаковского в Ольвии, в сущ-

¹² Там же, стр. 40.

¹³ Б. Фармаковский. Ольвия. М., 1915; ИАК, вып. 33, стр. 103 сл.

¹⁴ Сообщения ГАИМК, т. I, Л., 1926, стр. 152.

¹⁵ ИАК, вып. 2, стр. 73 сл.; вып. 14, стр. 69 сл.; вып. 17, стр. 109 сл.; вып. 42, стр. 134 сл.; вып. 51, стр. 140 сл.; вып. 58, стр. 82 сл., 127 сл.

ности не столь велика — она значительно уступает разрытой части Херсонеса. Тем не менее достигнутый им эффект совершенно не соизмерим с тем, чего достигли другие археологи, исследователи античных древностей. Со времен Б. В. Фармаковского Ольвия становится, и поныне остается, исследованной лучше и полнее, чем какой-либо иной античный город Северного Причерноморья.

Причина этого кроется в таланте Б. В. Фармаковского и в совершенстве примененных им приемов полевых работ. Раскопки Б. В. Фармаковского в Ольвии отличались ясно выраженной целеустремленностью, четкой постановкой задачи исследования города. Руководствуясь именно этим, намечал он свои раскопы, видя в них средство для решения выдвинутых задач.

Несмотря на то что раскопная деятельность Б. В. Фармаковского широко развернулась в течение первой четверти текущего столетия, исключительно важные принципы, которые были положены в ее основу, не нашли своего отражения в теоретических трудах зарубежных ученых, вышедших даже в последнее время.¹⁵

Достоинства проведенной Б. В. Фармаковским полевой работы в Ольвии еще более выигрывают, благодаря образцовым ежегодным публикациям в Отчетах археологической комиссии. Но особо следует остановиться на двух обширных публикациях: «Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 г.»¹⁶ и «Раскопки в Ольвии в 1902—1903 гг.»¹⁷ Эти работы, особенно вторая, могут служить классическим образцом археологического отчета. В них систематически и подробно изложены не только все наблюдения, сделанные во время раскопок, но дается также подробный анализ главнейших находок; в тех случаях, когда возможно, прилагается реконструкция их, привлекаются соответствующие аналогии, указывается время и место производства найденных предметов. Особенно важна четко выясненная история исследованного участка, изложенная в тесной связи с общей историей города.

Свою деятельность полевого археолога Б. В. Фармаковский совмещал с весьма плодотворной работой в области истории античного искусства.

Ни одному из современников не удалось вложить в изучение античного искусства вклад, столь значительный, как тот, которым наука обязана Б. В. Фармаковскому. Кажется, нет ни одного сколько-нибудь значительного раздела античного искусства, которому Б. В. Фармаковский не уделил бы внимания. В своих работах он касался античной архитектуры, статуарной и рельефной скульптуры, живописи, мозаики, вазописи, терракоты и торевтики, столь мало привлекавшей внимание наших антиковедов. Его обширные познания позволяли ему обращаться в нужных случаях к нумизматике, эпиграфике, истории культуры и другим разделам антиковедения.

Постоянно привлекая и мастерски используя в своих исследовательских работах письменные источники, Б. В. Фармаковский вместе с тем стремился к возможной популяризации последних, результатом чего было его участие в изданном в 1918 г. сборнике «Древний мир на юге России».

Широте охвата Б. В. Фармаковским различных разделов искусства и культуры отвечала такая же полнота охвата памятников различных пе-

^{15a} La technique des fouilles Musseion XIII année. т. 45—46, № I—II, 1939. Th. Wiegand. Methode der Wissenschaftlichen Ausgrabung. Handbuch der Archäologie. Erste Lieferung München, 1939, стр. 96—107.

¹⁶ ИАК, вып. 8.

¹⁷ Там же, вып. 13.

риодов. В своих работах он затрагивал и Эгейскую эпоху,¹⁸ и времена зарождения эллинского искусства; особенно много внимания уделил эи периодам архаики, классики и эллинизму. Не остался чужд исследованию римского провинциального искусства¹⁹ и даже византийского средневековья.²⁰

Положив немало труда для изучения античного искусства, Б. В. Фармаковский сделал также значительный вклад в дело исследования искусства Северного Причерноморья, явившись одним из основоположников этой работы. Особо следует отметить его внимание к Чертомлыцкому и Ильинецкому горитам и другим произведениям торевтики; прекрасные монографии о «Трех полихромных вазах в форме статуэток, найденных в Фанагории»,²¹ и «Милетских вазах из России»;²² ряд статей и упоминаний в отчетах о произведениях скульптуры, терракотах и других памятниках.

Одной из заслуг Б. В. Фармаковского является разработанный им метод, которым он пользовался для исследования того или иного материала. Б. В. Фармаковский не оказался в плену у формалистической школы, подобно многим его современникам. Изучая различные явления художественной жизни, Б. В. Фармаковский обычно учитывал ту культурно-историческую обстановку, в которой они возникали и развивались. Хорошим примером может служить хотя бы анализ изображений на майкопской серебряной вазе в статье Б. В. Фармаковского «Архаический период в России».²³ Всю эту сложную композицию автор ставит в теснейшую связь с космогоническими представлениями, присущими мировоззрению древних культурных народов Месопотамии, Малой Азии, Кавказа и других прилегающих стран.

Б. В. Фармаковский уделял особое внимание социально-политическим условиям, в которых протекала деятельность античных мастеров-художников. В этом отношении интересным примером является анализ картин, исполненных в афинской росписной стое под руководством Полигнота, который мы находим в диссертации Б. В. Фармаковского.²⁴

Подробно исследовав все доступные нам письменные источники, учтя общую картину политической жизни Афин, автор приходит к выводу, что тематика и характер трактовки росписей стое свидетельствуют об исполнении их в годы изгнания Кимона (462—457 гг. до н. э.). Вместе с тем некоторые детали указывают на политические симпатии художников, являвшихся сторонниками Кимона. Так детальный анализ, казалось бы, незначительных явлений позволил опытному исследователю выяснить факты, имеющие большое значение. Работы Б. В. Фармаковского, какой бы материал они ни содержали, никогда не превращались в изложение мало связанных меж собой отдельных наблюдений. Над всем привлеченным материалом всегда господствовал единый общий замысел и выводы, к

¹⁸ Б. В. Фармаковский. Стенная живопись Микенской эпохи. ЗРАО, т. IX, СПб., 1897.

¹⁹ Его же. Портрет из Фаюма. ГМИИ; О живописных памятниках в Пальмире. Изв. Русск. археол. ин-та в Константинополе, т. VIII, вып. 3, София, 1903.

²⁰ Его же. Византийский пергаментный свиток с миниатюрами. Там же, т. VI, 1900.

²¹ ЗРАИМК, I, П., 1921.

²² ТМАО, XXII.

²³ МАР, № 34, стр. 59 сл.

²⁴ Б. В. Фармаковский. Аттическая вазовая живопись и ее отношение к монументальному искусству в эпоху непосредственно после Греко-персидских войн, СПб., Э. Р. А. О. Х., вып. 3—4, стр. 172 и сл.

которым приходил исследователь, с полной очевидностью органически вытекали из изложенных им фактов. Примером может служить книга Б. В. Фармаковского «Художественный идеал демократических Афин» (П., 1918).

Античная культура изучалась Б. В. Фармаковским во всей ее полноте, чему немало способствовало то, что он был одновременно археологом, историком искусства и историком культуры, и эти специальности всегда органически сочетались в его работе. Таков образ этого универсального ученого-антиковеда.

Облик Б. В. Фармаковского был бы неполным, если бы мы не отметили некоторые его личные черты: строгость к себе и скромность, сочетавшаяся с большой твердостью, когда нужно было отстаивать то дело, которому он служил, горячий патриотизм, который руководил им во всей его деятельности; свою работу он, прежде всего, рассматривал как служение своей стране, своему народу.

Б. В. Фармаковский может считаться одним из создателей русской школы в антиковедении, так как ему принадлежит наличие оригинальных, им выработанных приемов работы, применение которых является надежной основой для последующих исследований в данной области. Это вряд ли кто-либо может оспаривать. Перед советскими археологами встает задача изучить и освоить приемы исследований Б. В. Фармаковского, принять и продолжить его традиции.

Наличие четкой целеустремленности в археологической работе, направленной на решение общих задач выяснения истории города, синтезирующий прием изучения истории искусства и культуры после исследований Б. В. Фармаковского могут стать достоянием каждого антиковеда.

М. М. КОБЫЛИНА

Б. В. ФАРМАКОВСКИЙ — ИСТОРИК АНТИЧНОГО ИСКУССТВА

Б. В. Фармаковский, как историк античного искусства, занимает самое значительное место среди русских исследователей не только по количеству оставленных им работ, но и по методу этих работ, который выделяет его среди современников и особенно делает его близким нам, советским ученым, изучением искусства в исторической перспективе, во взаимодействии со всем комплексом современной ему античной культуры.

Конец XIX и начало XX в. были временем крупнейших открытий в области античного искусства. В 1882—1895 гг. на акрополе Афин были раскопаны статуи кор и скульптуры из пороса, открывшие миру греческую архаику со всей поэзией ее красочных мифологических образов. Ведутся раскопки Микен и Тиринфа. В 1900 г. Эванс начал свои раскопки Крита и открыл Кносский дворец и его фрески.

В 1894 г. Б. В. Фармаковский отправляется изучать оригиналы античного искусства в Греции, Италии и других странах; его последующие научные труды выполнены с учетом новейших данных об античности. Будучи совершенно оригинальными и по материалу, и по методу, труды его становятся ценнейшим вкладом в мировую науку. Б. В. Фармаковский не ограничивается одним анализом художественной формы, но раскрывает ее содержание, внутреннюю жизнь произведения и ее обусловленность всем комплексом современной культуры. Об этом методе свидетельствуют все его работы. Именно благодаря этому методу ему удалось в своем самом крупном исследовании «Аттическая вазовая живопись в ее отношении к монументальному искусству» (СПб., 1902) дать яркий и убедительный анализ творчества Полигнота, а в своей научно-популярной книге «Художественный идеал демократических Афин» (П., 1918) дать яркий очерк греческой классики V в. до н. э.

Свои взгляды на метод истории искусства Б. В. Фармаковский изложил во введении к (литографированному) курсу лекций «Греческое архаическое искусство и Восток» (1909).

При изучении греческого искусства Б. В. Фармаковский считает единственно правильным рассмотрение его, как части мирового искусства древности, на фоне мировой культуры и в связи с международными отношениями этого времени. В показе античного искусства, как явления живой, всегда меняющейся сложной жизни мира, встает перед нами Б. В. Фармаковский как мыслитель и ученый. В своих лекциях Б. В. Фармаковский подчеркивал, что обыкновенно искусство трактуется этнографически; даются истории искусства у отдельных народов (Египет, Ассирия, Греция,

Рим); при таком изложении ускользают особенно ценные вопросы всемирной истории искусств. «История искусства каждого отдельного народа обыкновенно распределяется по видам искусства (архитектура, пластика, живопись, ремесленное искусство); это еще более придает изложению мелочный и нтерес, часто мы видим вместо истории искусств только описания отдельных памятников, изложение биографий художников и систему искусства».

В то время как европейская наука идет в истории искусства по пути изучения отдельных видов античного искусства, вне целостного развития мирового искусства, Б. В. Фармаковский считает задачей историка искусства показ античного искусства, как искусства древности, при этом акцентируя характерное и типическое, именно то, что определяет эпоху, а не отдельные памятники. История искусства древности должна обработать весь имеющийся новый материал и дать его новое освещение в связи с историей общей культуры древности. Б. В. Фармаковский пишет: «Греки появились на горизонте истории, когда человечество было уже высоко культурно и когда всемирное общение народов прочно установилось; в это время греки представляют малокультурную провинцию в сравнении со странами Востока». Формирование и развитие греческого искусства автор рисует в связи с искусством Финикии, Ассирии, Египта от возникновения до того момента, когда оно заняло первое место. Решая вопрос о влияниях, Фармаковский утверждает, что «нельзя сравнивать только стили, о влиянии речь может идти только там, где это влияние вероятно предположить и по данным истории и международных отношений».

Тот же метод изучения искусства в исторической перспективе виден и в работах Б. В. Фармаковского, посвященных отдельным памятникам; он не ограничивается определением сюжета, стиля и даты, но связывает произведение искусства с проблемой того или иного стиля или мастера: «Архаический курнос из Ольвии» — в связи с генезисом типа греческого «курноса»; «Ольвийская реплика Афины-Девы Фидия» — в отношении к другим репликам этой статуи, к оригиналу Фидия, к стилю Фидия; «Три полихромные вазы» — в связи с хризо-элефантинной скульптурой Фидия; мраморные головки из Ольвии, как памятники александрийского искусства послепраксителевского направления и т. п.

В статье «Стенная живопись Микенской эпохи»¹ опубликован фрагмент микенской стенной живописи. Определяя его технику и стиль росписи, автор затрагивает важнейшие вопросы развития и особенностей микенской живописи, ее отношение к живописи древнего Востока и ее связи с Дипилонскими вазовыми росписями.

Б. В. Фармаковский вновь публикует уже описанные и изданные фрески пещеры Абу-Хейля, катакомбы в Пальмире, увлекаясь возможностью выяснить особенности Пальмирской живописи² и разъяснить недостаточно выясненный замечательный памятник. Он устанавливает чисто греческое содержание росписей катакомбы, их связь с помпейскими росписями и общий эллинистический источник; рассматривает роспись этой катакомбы, как доказательство связи античного искусства с византийским.

В большинстве случаев работы Фармаковского, посвященные отдельным памятникам, являются также монументальными исследованиями больших вопросов и проблем.

¹ ЗРАО. Тр. Отд. археологии древнеклассич., визант. и зап.-европ., 1897.

² Живопись в Пальмире. Изв. Русск. археол. ин-та в Константинополе, т. VIII, вып. 3, София, 1903.

Б. В. Фармаковский, как историк античного искусства, широко охватывал памятники искусства от крито-микенского до византийского, от монументальной скульптуры и архитектуры до прикладного искусства (терракоты, вазы, торевтика), от общей истории античного искусства, как искусства древности до публикации отдельных памятников. Но, вместе с тем, некоторые разделы античного искусства его особенно интересовали: основные монументальные исследования Б. В. Фармаковского и большая часть его атрибуций относятся к греческой архаике и классике и более всего к аттической школе.

С другой стороны, огромное большинство его атрибуций связано с публикацией памятников искусства, открытых в Причерноморье. В своих статьях об этих памятниках Фармаковский, определяя то или иное произведение, его школу, центр, где оно было создано, раскрывал картину жизни Северного Причерноморья, его связей с центрами искусства Греции и тем самым создал прочную базу для построения истории искусства греческих городов Причерноморья.

Б. В. Фармаковский особенно подчеркивал мировое значение золотых и серебряных предметов из курганов Куль-Обы, Чертомлыка, Карагодуща и др. и писал, что они представляют богатейший материал для большой весьма интересной главы истории греческого искусства. «Между тем,— говорит он,— в общих руководствах по истории искусств древности и классической археологии, представляющих свод работы науки в данное время, только некоторые из этих предметов упоминаются и то вскользь». Фармаковский считает, что значение художественной школы торевтов, создавших эти шедевры, не меньше, чем «значение стилей, представляемых, например, многочисленными изделиями античной керамики. Если за последними в настоящее время в науке правильно признается важное значение и ни один историк искусства ныне не может игнорировать материалы, представляемые античной керамикой, то удивительным созданиям греческих торевтов, особенно памятникам торевтики, найденным на Юге России, наука до сих пор не уделяла того внимания, которого они по справедливости заслуживали бы».

В работах Б. В. Фармаковского по истории античного искусства мы наблюдаем яркий пример единства теории и практики, ясную осознанность цели и метода. В этом отношении его работы по искусству стоят на той же высоте, как и археологические работы в Ольвии.

•

В. В. ПАВЛОВ

ВЫСКАЗЫВАНИЯ Б. В. ФАРМАКОВСКОГО
О ЕГИПЕТСКОМ ИСКУССТВЕ

Имя крупнейшего русского антиковеда Б. В. Фармаковского должно быть отмечено и в науке о древнем Востоке. В данной статье освещаются лишь высказывания его о египетском искусстве.

Каково было общее состояние науки о материальной культуре и искусстве древнего Египта в конце XIX и в первой четверти XX в.? Таков первый историографический вопрос, который нужно здесь поставить для уяснения соответствующего места и позиций, занятых Б. В. Фармаковским в этой науке.

Культура Египта во всех своих основных эпохах была уже открыта и достаточно изучена как для эпохи классического Египта, так и для эпохи эллинизма. Б. В. Фармаковский особенно заинтересовала древнейшая культура архаического и додинастического Египта, уже достаточно известная в последней четверти XIX в.

В 1913 г. вышла первым изданием «История Древнего Востока» академика Б. А. Тураева, в том же году Б. В. Фармаковский сделал свой доклад об «Архаическом периоде Юга России»¹ и несколькими годами раньше опубликовал, совместно с Б. А. Тураевым, свою небольшую, но ценную коллекцию египетских древностей.²

В 1912 г. был открыт Египетский отдел Музея изящных искусств в Москве, в основу которого легли первоклассные коллекции египетских древностей, собранные крупным русским египтологом В. С. Голенищевым. В трудах Музея принял участие Б. В. Фармаковский.³

Как археолог, как опытнейший полевой исследователь Фармаковский привлекал в своих трудах материал египетского искусства не как случайную иллюстрацию, но как специфическое звено в ряду других и неделимых между собой звеньев единого исторического процесса. Чтобы в этом убедиться, достаточно воспользоваться несколькими примерами из его работы «Архаический период Юга России».

Чрезвычайно многообразен по своему характеру состав привлекаемых им памятников. Так, разбирая, например, вазы из Ольвии, Фармаковский

¹ Б. В. Фармаковский. Ук. соч.

² Б. А. Тураев и Б. В. Фармаковский. Описание коллекции древностей, привезенных из Египта весной 1909 г. ЗРАО, Классич. отд., т. VI, стр. 161—181.

³ Б. В. Фармаковский. Портрет из Фаюма. Из собр. В. С. Голенищева, № 4290. Памятники Музея изящных искусств, т. I, М., 1912, стр. 49—59.

затрагивает иконографию египетского бога-беса.⁴ Эта аналогия уводит его далее в область хеттской культуры. Он говорит о богине Кадеш, углубляется в анализ восточно-малоазиатской демонологии. Уже один объем и характер колоссальной библиографии, приводимой автором данной работы, указывает на широкий круг интересующих его проблем. Внимание его привлекают не только общие работы по египетскому искусству, но и многие специальные исследования. Причем Фармаковский смело ставит проблему, часто противопоставляя свою точку зрения мнению ряда авторитетных ученых в области древнего востоковедения.

Разбирая майкопские сосуды, Фармаковский привлекает широчайший круг памятников хеттского, ассирийского, в особенности египетского и скифо-сарматского искусства. Обращение к памятникам додинастического и архаического Египта часто приводит автора к таким замечаниям и отдельным наблюдениям над египетским материалом, который не был замечен ни одним исследователем до него. Так, он считал, что сравнения Майкопской вазы с древнейшими памятниками Египта вполне уместны.⁵

Разумеется, тот огромный эпохиальный разрыв, который существует между египетскими архаическими и майкопскими памятниками, заставляет Фармаковского привлечь и все опосредствующие звенья, что в свою очередь влечет обработку колоссального по своему диапазону и разнообразию материала по данным языка, религии, материальной культуры и искусства. И только от подобного сравнительно-культурного метода исследовательский анализ автора приобретает глубину, достоверность и убедительность. Английские чисто описательные приемы в египтологической науке, обозначившиеся уже с 80-х годов XIX в., со времени основания Egypt Exploration Fund, остались чужды Б. В. Фармаковскому. Он остается чужд также и формальной немецкой школе в египтологии.

Фармаковский являлся и археологом и историком искусства и потому комплексное изучение памятника было ему ближе и нужнее, нежели область чисто искусствоведческой проблематики; в то же время Фармаковский интересовался вопросами художественно-стилистического анализа памятника. Лучшим подтверждением этому может служить небольшая, но очень интересная его работа, написанная им совместно с Б. А. Тураевым и почти забытая. Речь идет об описании египетских древностей из личной коллекции Фармаковского, приобретенной им в 1909 г. и опубликованной в VI т. «Записок классического отделения Русского археологического общества».⁶

Мы знаем Фармаковского как антиковеда, привлечшего материал египетской культуры и искусства лишь в части архаики и эллинизма и главным образом Навкратийского круга памятников. Но в названной работе Фармаковский заслуживает упоминания и как исследователь искусства «классического Египта». Небольшая выдержка из этой работы покажет и то качество художественно-стилистического анализа Фармаковского на материале египетского искусства. Речь идет о портретной голове неизвестного вельможи (инв. № 6124) из собрания Музея изобразительных искусств. Дав обычные краткие указания об этом превосходном памятнике, являющемся большим украшением Музея, автор пишет: «Совершенно такого рода деколорация замечается на ряде памятников эпохи

⁴ Автор ссылается здесь на работу Б. А. Тураева «Терракотовый светильник из Ольвии, изображающий чету бесов» (ИАК, 45, стр. 71). Он привлекает также вазу с изображением беса («Памятники Музея изящных искусств», вып. I—II, стр. 31).

⁵ Б. В. Фармаковский. Архаический период в России, 1914.

⁶ Б. А. Тураев и Б. В. Фармаковский. Ук. соч.

XVIII—XIX династий в египетском музее в Каире. Материал и вся техника работы — обычные. Размеры статуи также находят массу аналогий в египетском искусстве Нового царства. Статуя представляла мужчину. О ее назначении сказать что-либо трудно. Едва ли с уверенностью можно утверждать, что статуя представляла стоящего или сидящего мужчину. На голове надет обычный пышный парик; узкая длинная борода (низ ее не сохранился) также обычна. Голова представляет хороший пример египетской ученой элегантно́й скульптуры эпохи Нового царства. Хороший рисунок, чистота работы и деликатность форм, удивительная выдержанность и красота стиля делают из нее памятник, полный настроения и весьма характерный». ⁷ Из приведенной выдержки ясно, как глубоко владел автор материалом египетского искусства и насколько убедительна оказалась его реконструкция данного памятника.

В своем стилистическом анализе скульптуры Б. В. Фармаковский вникает в самое существо художественного явления. Разумеется, что спустя больше четверти столетия наука о египетском искусстве ушла настолько далеко, что мы научились не только различать памятник в пределах эпохи или династии, но определять школы, направления, даже круг определенных мастеров.

Датировка Фармаковским упомянутой скульптурной головы была впоследствии нами уточнена, и памятник отнесен ко времени фараона Аменхотепа III. И вот, когда сложилось уже определенное мнение о памятнике, пришлось еще раз вернуться к художественной характеристике Фармаковского и убедиться, насколько точна и верна оказалась его характеристика при всей ее, казалось бы, краткости. Как будто лишь мимоходом брошенные слова оказались глубоко взвешенными и глубоко образными эпитетами. Именно «ученой элегантно́й скульптурой», удивительной по своей «выдержанности», предстала перед нами скульптура предамарнской поры, скульптура, ныне точно нами локализуемая в процессе развития искусства XVIII династии.

Я хотел показать данным примером, насколько ценными были высказывания Б. В. Фармаковского и об искусстве позднейшего Египта. В основном же, как мы видели, он обращается главным образом к материалу архаической эпохи или же к поздним памятникам Невкратийского круга. И здесь как историк материальной культуры, как исследователь обширнейшего и многообразнейшего материала Фармаковский занял свое, и вполне определенное, место в восточноведческой науке. Больше того, в известной мере он положил начало той линии науки, которая ставила целью установление взаимосвязи южнорусских, кавказских и египетских древностей. Укажу только, что как бы ни казалась теперь переусложненной теория о трансформации известных малоазийских типов изображений в Египте; или же влияния египетских памятников на памятники из Майкопа, тем не менее эти вопросы заслуживают самого пристального внимания и в настоящее время.

Конечно, и сам Фармаковский, устанавливая черты сходства майкопских сосудов с раннеегипетскими, не мог устранить неразрешимого вопроса, прежде всего эпохиального разрыва. Заполнение же промежуточных звеньев введением памятников сиро-египетского или сиро-хеттского искусства, в свою очередь, влекло за собой трудности — всю ту теорию миграции, которая несла в себе много спорного и противоречивого. Но ясно и другое, что привлечение Египта в истолковании памятников из Ольбии и

⁷ Б. В. Фармаковский. Ук. соч., стр. 17.

Майкопа, опубликованных в названной работе Фармаковского, все же не сводилось только к сопоставлениям. Более того, научная мысль, работавшая в том же направлении, шла к еще более смелым и интересным гипотезам. Достаточно в этом отношении напомнить хотя бы о статье академика И. И. Мещанинова «Египет и Кавказ», написанной по поводу работы Фл. Петри.⁸

Какова же была история вопроса о взаимосвязи Причерноморья и Кавказа с Египтом после Фармаковского? Библиография, приведенная в сводной статье Б. Б. Пиотровского,⁹ показала, что изучение данной проблемы в должном объеме в сущности только лишь начинается. Б. А. Тураев был одним из первых ученых, которые со всей глубиной и ответственностью занялись собиранием материала и описанием египетских памятников, находимых на нашей территории.¹⁰ Позже в советской науке эту же линию продолжил А. А. Захаров и некоторые другие наши востоковеды.¹¹ Собираание материала, его изучение и хотя бы первоначальная датировка являются первоочередным делом. Но Б. В. Фармаковский во многом и опередил все последовавшие за ним публикации, не ставившие перед собой задачи сколько-нибудь обобщающего вывода. Важнейшее открытие Б. А. Куфтина в Триалети, особенно же находка серебряного кубка и ведерка из кургана № V, вновь в известной мере вернули нас к исходной концепции Фармаковского.¹² Для советской науки особенно интересна проблема связи Юга СССР и Кавказа с древним Египтом, ибо это есть часть еще более широкого и важного вопроса о генезисе древнейших культур. И здесь имя Фармаковского навсегда займет одно из почетных и первых мест.

⁸ И. И. Мещанинов. Египет и Кавказ. Изв. Об-ва обследования и изучения Азербайджана, № 4, Баку, 1927.

⁹ Б. Б. Пиотровский. Египетские предметы в Северо-Кавказском крае. Сообщения ГАИМК, Л., 1931, июнь, № 6, 28—30.

¹⁰ В. Тураев. Objets égyptiens et égyptisants trouvés dans la Russie méridionale, Revue archéologique, 1911, XVIII, стр. 20—35.

¹¹ А. А. Захаров. Кавказ, Малая Азия и Эгейский мир. Тр. секции археол., РАНИОН, вып. II, 1928; его же. Фрагмент египетского украшения с Юга России. Там же, вып. I, 1926; его же. Две египетские статуэтки, найденные в Западной Сибири. Там же, вып. IV, 1928. См. далее статьи А. А. Захарова и М. Э. Матвеева в «Ancient Egypt», III, 1926. И. Снегирев. Египет и Юг СССР. Сб. Факультета языка и матер. культуры ЛГУ, 1929; V. A. Avdief. Egypt and Caucasus. Ancient Egypt and East, 1933.

¹² Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, I. Опыт периодизации памятников. Изд. АН Груз. ССР, 1941. Гл. II — Курганная культура Триалети в эпоху среднего и позднего этапа древней бронзы.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ
БОРИСА ВЛАДИМИРОВИЧА ФАРМАКОВСКОГО

(Составлен Т. И. Фармаковской)

1. Три керамических фрагмента Одесского музея императорского Одесского общества истории и древностей. ЗООИД, т. XVI, Одесса, 1893.
2. Рецензия на соч. Э. Р. фон Штерна «Вновь найденная лекана с изображением Дионисова Тиаса», Одесса, 1895. Филологич. обозрение, т. X, отд. 2, М., 1896.
3. Голова эфеба школы Микона Афинского в Афинском национальном музее. ЗРАО, т. VIII, СПб., 1896.
4. Κεφαλή ἐφῆβοι ἐκ τοῦ ἐν Ἀθῆναις ἐθνικοῦ Μουσείου. Ἀθῆναι, 1896. Εφημ. Ἀρχ. 1897.
5. Микены и Финикия. Филологич. обозрение, т. XI, М., 1896.
6. Excavations of Olbia. London, Journal of Hellenic Studies, XVI, 1896.
7. Стенная живопись Микенской эпохи. ЗРАО, т. IX, СПб., 1897.
8. Un nouveau fragment de fresque mycénienne. Revue archéologique, Paris, 1894.
9. Отчет о раскопках, проведенных в некрополе древней Ольвии и на острове Березани в 1896 г. ОАК, 1896.
10. Вакхилид и аттическое искусство V в. ЖМНП, СПб., 1898.
11. Раскопки Русского археологического института близ Патели (Македония) в 1898 г. Изв. Русск. археол. ин-та в Константинополе, т. IV, София, 1899.
12. Лесха Книдян в Дельфах. Изв. Русск. археол. ин-та в Константинополе, т. IV, вып. 1, София, 1890.
13. О терракотовых саркофагах из Клазомен в Оттоманском музее в Константинополе. Изв. Русск. археол. ин-та в Константинополе, т. IV, София, 1899.
14. Надписи на греческих вазах VI и V веков до Р. Х., прославляющие различных лиц эпитетами καλός, καλή. Филолог, обозр., т. XVI, М., 1899.
15. Экскурсия в Малую Азию в 1899 г. Изв. Русск. археол. ин-та в Константинополе, т. VI, София, 1901.
16. Новые воспроизведения мозаик Кахриэ-Джами в Константинополе. Изв. Русск. археол. ин-та в Константинополе, т. VI, София, 1901.
17. Раскопки в Македонии, близ села Патели в 1899 г. Изв. Русск. археол. ин-та в Константинополе, т. VI, София, 1901.
18. Византийский пергаментный рукописный свиток с миниатюрами, принадлежащий Русск. археол. ин-ту в Константинополе. Изв. Русск. археол. ин-та в Константинополе, т. VI, София, 1901.

19. Гера Поликлета. ЗРАО, Классич. отд., т. I, СПб., 1901.
20. Резной камень римской работы из Черниговской губернии. ИАК, вып. 3, СПб., 1901.
21. Склеп Еврисивия и Ареты в Ольвии. ИАК, вып. 3, СПб., 1901.
22. Бронзовая вотивная ручка из Екатеринославской губ. ИАК, вып. 3, СПб., 1901.
23. Об одной архаической бронзовой статуэтке, принадлежащей Русск. археол. ин-ту в Константинополе. Изв. Русск. археол. ин-та в Константинополе, т. VII, София, 1902.
24. Аттическая вазовая живопись и ее отношение к искусству монументальному в эпоху непосредственно после греко-персидских войн, СПб., 1902.
25. Обломки рельефа глиняной чаши из Ольвии. ИАК, вып. 2, СПб., 1902.
26. Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 году. ИАК, вып. 8, СПб., 1903.
27. Живопись в Пальмире. Изв. Русск. археол. ин-та в Константинополе, т. VIII, вып. 3, София, 1903.
28. Заметка о времени сосуда, найденного в одной могиле с костяными тессерами, к статье М. И. Ростовцева. ИАК, вып. 14, СПб., 1904.
29. Памятники античной скульптуры, найденные в России. Ольвийская реплика Афины-Девы Фидия. ИАК, вып. 14, СПб., 1905.
30. Еще об ольвийской статуэтке Афины. ИАК, вып. 17, СПб., 1905.
31. Раскопки в Ольвии в 1902—1903 гг. ИАК, вып. 13, СПб., 1906.
32. Ольвия. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, IV дополн. том, СПб., 1906.
33. Искусство героической Греции. СПб., 1907. Университет (литогр.).
34. Греческое архаическое искусство в связи с искусством Востока, СПб., 1907. Университет (литогр.).
35. Опись коллекций древностей, привезенных из Синая (?) 1909 г., СПб., 1909.
- ✓ 36. Фуртвенглер А. Некролог, Гермес, II, № 5—6, 1908.
37. Лекции по истории искусства Греции в связи с искусством Востока, читанные в СПб. ун-те в 1908—1909 гг. Университет (литогр.).
38. Рецензия. Профессор А. А. Павловский. Атлас по истории древнего искусства, Одесса, 1907. Гермес, IV, № 1, СПб., 1909.
39. Olbia. Fouilles et trouvailles 1901—1903, т. 33, СПб., 1909.
40. Б. А. Тураев и Б. В. Фармаковский. Опись коллекции древностей, привезенных из Египта весной 1909 г. ЗРАО, Классич. отд., т. VI.
41. Второй международный конгресс классической археологии в Каире. ЖМНП, СПб., 1910.
- ✓ 42. Золотые обивки налучий из Ильинецкого и Чертомлыцкого курганов. Сб. в честь гр. А. А. Бобринского, СПб., 1910.
43. Памятники античной культуры, найденные в России. IV. Ольвийские древности из коллекции И. Ф. Романченко в СПб. ИАК, вып. 42, СПб., 1911.
44. Портрет из Фаюма. Из собр. В. С. Голенищева № 4290. Памятники Моск. музея изящных искусств, т. I, М., 1912.
45. Обломки статуэтке сатира из Керчи. ЗООИД, т. XXX, Одесса, 1912.
- ✓ 46. Новейшая датировка Карагодеуашского кургана. Изв. Таврич. ученой архивной комиссии, т. 50, Симферополь, 1913.

47. Ольвийские раскопки в 1904—1910 гг. ОАК за 1904—1910 гг., СПб., 1907—1913.
- ✓ 48. Архаический период в России. Памятники греческого архаического и древневосточного искусства, найденные в греческих колониях по северному берегу Черного моря, в курганах Скифии и на Кавказе. МАР, вып. 34, П., 1914.
- ✓ 49. Милетские вазы из России. Древности имп. Моск. археол. об-ва, т. XXV, М., 1914.
- ✓ 50. Аканфовая ветвь на серебряном сосуде, найденном на Таманском полуострове. Сб. ст. в честь В. П. Бузескула, XXI. Сб. Харьковского ин-та филолог. об-ва, Харьков, 1914.
51. Памятники античной культуры, найденные в России. Судьба одного ольвийского памятника. ИАК, вып. 51, П., 1914.
52. Колонна Фидия. Сб. к 40-летию профессорской деятельности Н. П. Кареева, СПб., 1914.
53. Алексей Андреевич Павловский (некролог). ЖМНП, СПб., 1914.
54. Редакция перевода книги фон Лихтенберга «Доисторическая Греция», введение и примечания, СПб., 1914 (два издания).
55. Редакция перевода книги Гогарта «Иония и Восток». Приб. к вып. 54, ИАК, СПб., 1914.
- ✓ 56. Archäol. Funde in Russland in den Jahren 1903—1907, 1909, 1910, 1911—1913. Archäol. Anzeiger. Jahrb. d. Arch. Institut, XIX—XXIX, 1904—1914.
57. Памятники античной культуры, найденные в России. VI — Мраморная стела Херсонесского музея из Ольвии и VII — Мраморная стела из Ольвии, найденная в 1914 г.
58. Ольвия, М., 1915.
59. Терракотовый сосуд в форме головы Геракла из Пантикапея (Керчи). Сб. в честь гр. П. С. Уваровой, М., 1916.
60. Ольвия. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, П., 1916.
61. Пифагор Регийский. О книге О. Ф. Вальдгауэра. ЖМНП, июль, 1916, П., 1916.
62. Еще о Пифагоре. По поводу ответа О. Ф. Вальдгауэра. ЖМНП, декабрь, 1916, П., 1916.
63. П. В. Никитин как деятель имп. Русского археол. общества. ЭРАО, Классич. отд., т. XIII, П., 1916.
64. Отчеты по Ольвии за 1904—1915 гг. ОАК, вып. 9.
65. Рецензия на сборники Московского общества по истории литературы и искусства. Историч. изв., вып. 1, 1917.
66. Художественный идеал демократических Афин, общий очерк, П., 1918.
67. Древний мир на Юге России, М., 1918.
68. К истории учреждения Российской Академии истории материальной культуры, П., 1921.
69. Серебряная, украшенная рельефами чаша Новороссийского музея. ИРАИМК, вып. 1, П., 1921.
70. Три полихромные вазы в форме статуэток, найденные в Фанагории. ИРАИМК, вып. 1, П., 1921.
71. Рецензия на книгу М. П. Ростовцева «Эллинство и иранство на Юге России». Русск. историч. журнал, кн. 7, 1921.
72. Н. И. Веселовский — археолог. ЭВРАО, т. XXV, П., 1921.
73. Российская Академия истории материальной культуры в 1919—1922 гг., П., 1922.

74. Раскопки Иерихона. Новый Восток, № 2.
 75. Современный грузинский художник Ладо Гудиашвили. Новый Восток, № 12.
 76. Отчет о раскопках в Ольвии в 1924 г. Сообщ. РАИМК, т. I, 1926.
 77. Отчет о раскопках в Ольвии в 1925 г. Сообщ. РАИМК, т. I, 1926.
 78. Мраморная головка Диониса из Ольвии. Сообщ. РАИМК, т. I, 1926. Приложение к отчету о раскопках в Ольвии в 1925 г.
 79. Архаический курос из Ольвии. Сообщ. РАИМК, т. I, 1926. Приложение к отчету о раскопках в Ольвии в 1925 г.
 80. Antiquités Helleno-Scythes, Сб. «Musée de l'Ermitage», Л., 1925.
 81. Боспорські Спартокіди в атецькому різьбарстві.
 82. Отчет о деятельности Государственной академии истории материальной культуры с 1 октября 1921 г. по 1 октября 1925 года. Сообщ. РАИМК, т. I, 1926.
 83. Розкопування Ольвії, р. 1926, Одеса, 1929.
-

А. Н. КАРАСЕВ

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ОЛЬВИИ

Б. В. Фармаковский в своих работах по исследованию древней Ольвии уделял всегда большое внимание оборонительным сооружениям города. Из 16 археологических экспедиций, проводивших работы на территории древнего города, 8 экспедиций были посвящены раскрытию оборонительных стен. С 1904 по 1906 г. исследуются стены у Заячьей балки и римской цитадели. В 1907 и 1908 гг. все внимание исследователя сосредоточивается на изучении городских стен в северной части города.

Блестящие результаты этих работ общеизвестны. Огромная научная эрудиция, острая наблюдательность и умение делать широкие обобщения на основании порой ничтожно сохранившихся остатков позволили Б. В. Фармаковскому не только сделать выводы о времени сооружения стен, их дальнейшей судьбе, но и произвести восстановление плана такого сложного сооружения, как главные ворота города.

Преждевременная смерть прервала работу неутомимого исследователя Ольвии в расцвете его творческих сил. В силу этого ряд работ обобщающего характера оказался незавершенным; не подведены итоги и по фортификационным сооружениям. Эта сложная и ответственная задача пала на нас, учеников Бориса Владимировича, продолжающих изучение Ольвии.

Перед нами всегда стоит светлый образ Бориса Владимировича, посвятившего всю свою творческую жизнь делу развития русской археологической науки и своему любимому детищу — Ольвии.

Из всего комплекса вопросов, связанных с оборонительными сооружениями Ольвии, остановимся на одном из них: об исторической топографии Ольвии в увязке с проходившими основными линиями городской обороны. Пожалуй, никакие другие памятники древнего городского строительства не связаны так тесно с топографическими условиями, как оборонительные сооружения. От рельефа местности зависят выбор наиболее выгодных позиций, размеры и характер оборонительных сооружений.

Недостатки местности заставляли древних строителей прибегать к созданию искусственных дополнительных средств, иногда изменявших эти условия. Топографические данные современного городища Ольвии не соответствуют топографическим данным в древности, они изменялись за время тысячелетнего существования города от разумной воли и затраты огромного труда, а позднее и под действием разрушительных сил природы. Недоучет этих факторов приводит к неправильному пониманию раскрываемых памятников, к искусственным построениям и не соответствующим действительности историческим выводам.

Существование или отсутствие оборонительных сооружений, их характер, способ их сооружения имеют огромное значение для правильного освещения истории города, его социальной сущности, для определения отношений греческих колонистов с местным населением Причерноморья. В связи с этим мы не можем обойти молчанием некоторые положения об остатках древнейших оборонительных сооружений, ранее высказанные в печати и твердо вошедшие в археологическую литературу.

Раскопками в 1907 г. была обнаружена глубокая впадина, идущая параллельно северным городским стенам. Впадина имела пологий скат со стороны города и вертикальную стенку в лёссе высотой 3 м с внешней стороны. Наличие впадины было прослежено и далее к востоку на площади раскопок 1908 г. Характерная форма впадины, раскрытой до материка лишь на очень небольшой площади, была объяснена Б. В. Фармаковским как остатки древнейшего рва, окружавшего городище (рис. 1).

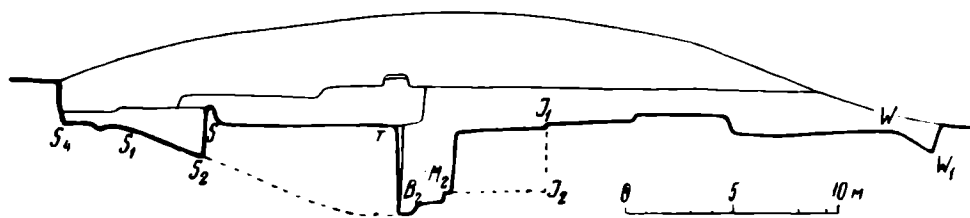

Рис. 1. Поперечный разрез раскопа 1907 г. у городских ворот. Вид на запад

Необходимо заметить, что мысль о существовании древнейшего рва высказывалась только при публикации результатов раскопок в отчетах за 1907 и 1908 гг. и в статьях, написанных вскоре после этих раскопок. В дальнейшем же Б. В. Фармаковский ничего не говорит о древнейших рвах и земляных валах, окружавших город. В хронологической таблице слоев Ольвии, разработанной в 1925 г., где каждый слой характеризуется строительными и вещественными памятниками, земляной ров также не упоминается. Это дает нам основание предполагать, что сам Б. В. Фармаковский не был уверен в правильности первоначальных выводов относительно впадины, раскрытой в 1907 г.

Другие исследователи Ольвии — С. И. Капошина в статье «Оборонительные сооружения Ольвии как исторический источник» и Л. М. Славин в его общих работах об Ольвии — говорят о земляных рвах и валах, как о бесспорном факте. О рве, как о древнейшей системе обороны Ольвии, говорится и в статье Дила «Ольвия».¹

Остановлюсь на этом вопросе.

Раскопками 1927—1940 гг. на участке «И» была открыта огромная балка, идущая через весь раскоп с запада на восток. С юга к балке вплотную подходит архаический некрополь VI в. до н. э., на север от балки проходит линия оборонительных стен IV в. до н. э. После возведения последних балка застраивалась жилыми домами. Для увеличения площади под застройку склоны балки срезались под прямым углом и на выровненной площадке сооружались здания; тыльные стены зданий, всегда выведенные из камня, плотно примыкали к вертикальной стенке материка — лёсса (рис. 2).

¹ Real-Encyclopedie Paulys-Wissowa, XII, 2415.

Ту же картину мы имели и на площади раскопок 1907 г., где каменная стена здания, примыкавшая к вертикальному обрезу лёсса, оказалась выбранной или разрушившейся. Таким образом, выемка 1907 г. является не искусственным сооружением, а балкой естественного происхождения, открытой невдалеке от своей вершины, вследствие чего глубина ее сравнительно невелика. Параллельно современной Северной балке, через усадьбу бывшей сигнальной станции, шла старая балка, что прослеживается на раскопе «Э» (где материк был обнаружен лишь на глубине 8.50 м), и «И», выходя к береговому склону в северной части котловины нижнего города. На береговом склоне балка сохранилась в виде узкого оврага с крутыми склонами, с несколько измененным направлением в сторону юга. Балка эта была ошибочно принята за искусственный ров, а поскольку имеется ров, то

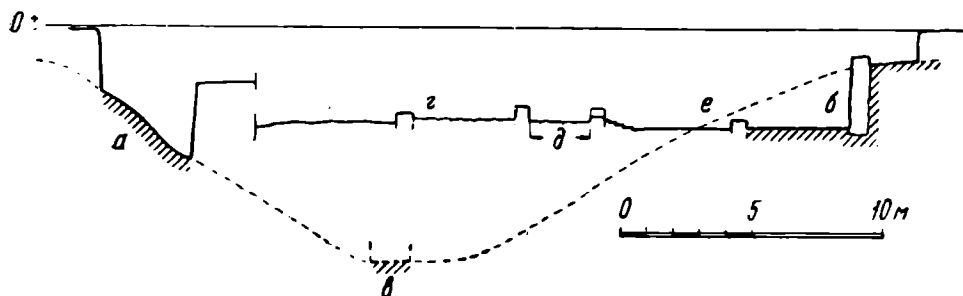

Рис. 2. Поперечный разрез раскопа „И“. Вид на запад

а—естественный склон старой балки; б—вертикальный срез материка и выбранный грунт северного склона балки при сооружении здания; в—глубина залегания материка в квадрате 117; г—остатки южного здания; д—дорога; е—северное здание

перед рвом должен быть и вал. Остатков его в 1907—1908 гг. не обнаружили, и Б. В. Фармаковский говорит о нем только предположительно.

Вопреки общепринятой в последнее время новой датировке основания Ольвии серединой VI в. до н. э., мы стоим на старой позиции Б. В. Фармаковского, базируясь главным образом на литературных данных античных авторов и размерах застроенной площади городища в VI в., т. е. относим основание Ольвии к середине VII в. до н. э.

Несомненно, что берега Северного Причерноморья были связаны со Средиземноморьем значительно раньше начала колонизационной деятельности ионийских греков в Понте; ионийские мореплаватели, приходившие с торговыми целями в Буго-Днепровский бассейн, знали преимущества той местности, где в дальнейшем они основали свою колонию. Несмотря на отсутствие в настоящее время археологических данных о существовании на территории Ольвии догреческого поселения, считаем вполне вероятным нахождение здесь поселения местного населения или старого привычного пункта торговых операций между местным населением и торговыми мореходами из Средиземноморья. Небольшая торговая фактория, действующая только в летнее время, постепенно расширялась, становясь центральным пунктом с постоянно живущими здесь греками. Конечно, никаких укреплений на первых порах в поселении не было.

После организации милетцами своей колонии население Ольвии, очевидно, значительно увеличилось. Есть все основания предполагать, что Ольвия, примерно до середины VI в., занимала только территорию нижнего города и, возможно, часть окружавших склонов к верхнему плато. К середине VI в. до н. э. городская территория расширилась и по верхнему плато. Остатки архаических построек обнаружены в непосредственной

близости у Зевсова кургана и к западу от него. Следы построек архаического периода обнаружены и на площади между первой и второй поперечными балками. Крайне слабая изученность раскопками ранних слоев не позволяет в настоящее время уточнить границы застроенной территории города VI в. до н. э.

Имел ли город в то время стены? Как нам представляется, не имел. Окружавшие Ольвию поселения земледельческих племен до эллинистического периода оград не имели. Ни о каких враждебных отношениях между греческими колонистами и местным населением не говорит ни один древний источник. Формы ограждения стенами греческие колонисты Причерноморья архаического периода не могли перенести сюда из городов метрополии, так как греческие города этого времени также еще не имели стен, окружавших весь город.

Таким образом, не настаивая в категорической форме, мы считаем, что первые 150 лет существования Ольвии город не имел оборонительных сооружений. Не исключена возможность, что архаический город был все же огражден от окружающего пространства невысокой оградой, тянувшейся от стен одного дома до стен другого дома, стоявших на окраине. По мере роста городской территории такая ограда могла быть сооружена по новой линии, включив в черту города вновь застроенную площадь. Примером такого ограждения города могут служить стены у архаического здания на раскопе XIV в Тиритаке.

Раскопками 1937—1940 гг. здесь был открыт каменный цоколь стены шириной 1.60 м. Стена, открытая на протяжении 15 м, уходит в южный борт раскопа, вплотную подходит к тыльной стене жилого дома, датированного VI в. до н. э. К северу от дома стена вновь продолжается, уходя в северный борт раскопа. Стены были сооружены из сырцовых кирпичей; каменный цоколь высотой около 1 м сложен преимущественно из плоских плит различного размера. Сырцовая стена дома была включена в общую линию ограды. Стены были невысокие, не превышавшие, по всей вероятности, высоты одноэтажного дома, т. е. около 4 м высоты (рис. 3). Эти стены являются первичной формой ограждения греческого города, служившей больше хозяйственно-практическим целям, чем требованиям обороны. Но прикрываясь такой оградой, граждане полиса могли при случае отразить набеги небольших групп кочевников, контролировать вход и выход из города, обезопасить свою жизнь и имущество.

Если на первых порах существования Ольвии взаимоотношения между ольвиополитами и местной средой не требовали ограждения города, то положение это резко изменяется после похода Дария в Скифию. Нависшая угроза над народами и племенами Северного Причерноморья, вызванная нашествием персов, полный провал завоевательных походов Дария многому научило скифов, помогло развитию и укреплению их самосознания. Двойное предательство ионийских греков, охранявших мост через Истр, в результате чего войско Дария спаслось от разгрома, не способствовало укреплению дружбы между ионийскими греками и скифами. Возможно, что поведение ольвиополитов и жителей других ионийских колоний Северо-Западного Причерноморья в этой борьбе было таково, что Геродот счел нужным лучше умолчать о нем. В результате коварных действий ионийцев по отношению к скифам у последних сложилась весьма отрицательная оценка действий ионийцев.²

² Геродот. История, IV, стр. 142.

Мы склонны считать поход Дария в Скифию событием, имевшим огромное значение для античного Причерноморья. С походом Дария заканчивается «ионийский» период жизни Ольвии, заканчиваются старые, архаические формы взаимоотношений между греческими колониями и скифами.

В связи с изменившейся политической обстановкой Ольвия окружается оборонительными стенами, сооруженными, очевидно, в первой половине V в. до н. э. Из рассказа Геродота о скифском царе Скиле мы знаем, что около середины V в. до н. э. город был защищен стенами с башнями.³

Где проходили городские стены V в., нам неизвестно. Раскопками они пока еще не обнаружены. По всей вероятности, на юге они начинались от берега, поднимались на верхнее плато, шли вдоль Заячьей балки. До какого места они тянулись, сказать трудно, скорее всего эти стены надо искать на территории между раскопками «В» и «И».

В IV в. до н. э., в связи с необходимостью расширения территории города, сооружаются новые городские стены, остатки которых обнаружены в северной части верхнего плато. Кроме необходимости расширить площадь для городских построек, возможно, это было вызвано тем, что старые стены пришли в ветхость: в основном они были построены из сырцовых кирпичей и

требовали частого капитального ремонта. Но главной причиной, вызвавшей возведение новых городских стен, требовавшее огромных затрат, были соображения военно-стратегического характера, необходимость проложить стены по более выгодным позициям, увеличить оборонеспособность полиса. Дальнейшее расширение городской территории было возможно только в одном направлении — на север, так как на юг и на запад дальнейшему росту города мешала широкая и глубокая Заячья балка (рис. 4).

Однако необходимо помнить, что топография местности была иная, значительно изменившаяся в настоящее время под действием разрушитель-

Рис. 3. Городская ограда архаического периода в Тиритаке. Раскопки 1940 г.

1—остатки городской ограды; 2—западная стена здания архаического периода

³ Там же, стр. 78, 79.

ных сил воды Буго-Днепровского лимана, атмосферных осадков и, наконец, вследствие искусственных сооружений за время тысячелетнего существования Ольвии. К числу показаний иного рельефа Ольвии в древности относится старая балка, раскрытая на раскопе «И» и прослеживаемая на площади раскопок 1907—1908 гг. Балка эта являлась естественным рубе-

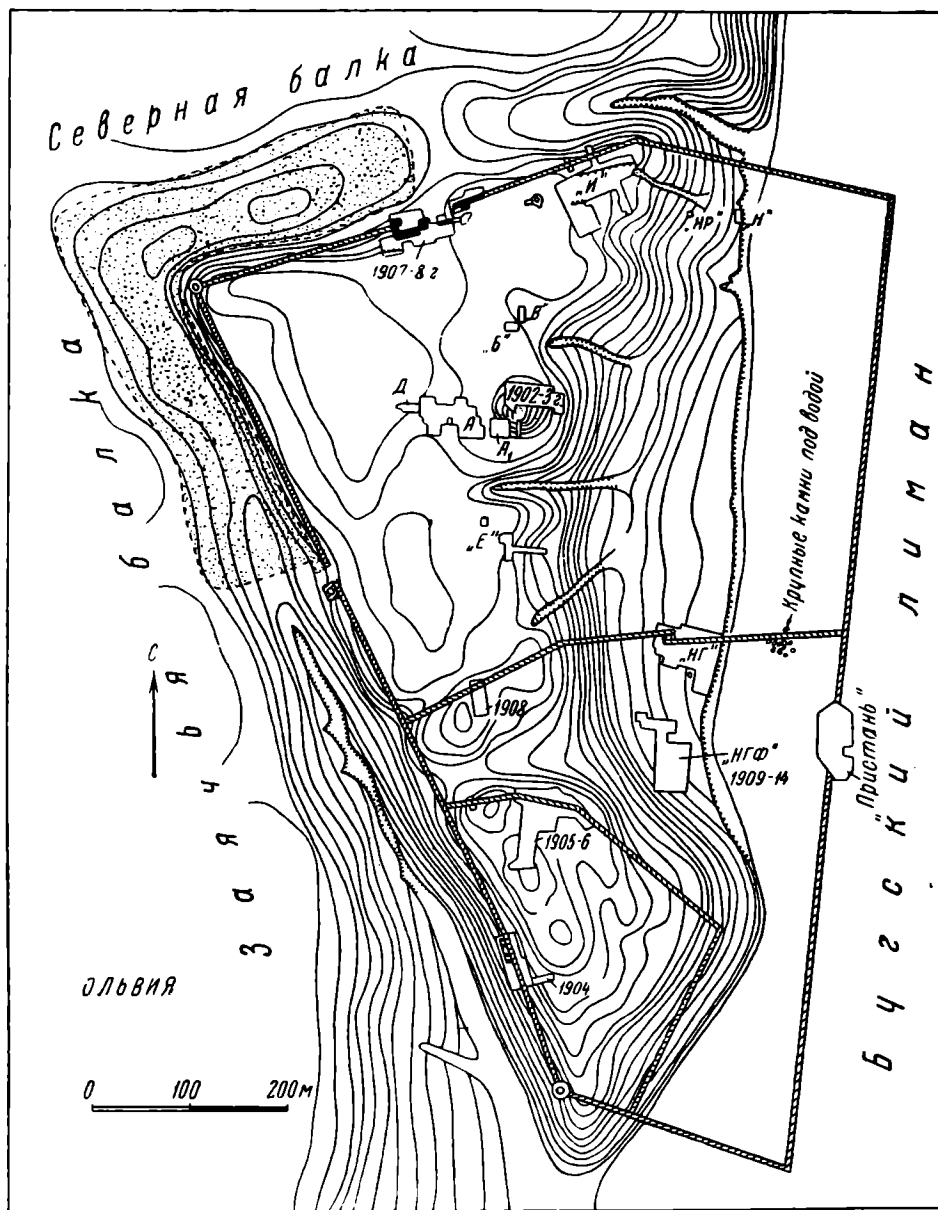

Рис. 4. План Ольвии

жом, вдоль южного края которого смогли бы быть прислонены стены. Но стен здесь не оказалось. Стены не были построены перед старой балкой, как нам представляется, по следующим соображениям. Балка в своей устьевой части выходила к береговому склону в месте поворота склонов, к востоку, в силу чего северный край балки тянется дальше, чем южный, образуя далеко вперед выдвинутую площадку верхнего плато, доминирующую над северной частью нижнего города.

Таким образом, сооруженные перед балкой городские стены, вернее куртины ее, расположенные на склонах и в нижней, приречной части, оказались бы под прямым обстрелом сверху с близко расположенной впереди

площадки верхнего плато, что значительно ослабило бы правый фланг обороны города. Кроме того, с этой площадки хорошо проглядывался весь нижний город и окружающие его стены, что также значительно понижало бы обороноспособность города. В силу сказанных соображений сооружение городских стен перед балкой оказалось невозможным.

Дело в том, что северная балка является границей, вдающейся в материк огромной котловины, в форме полуэллипса, закрытого с трех сторон пологими склонами (рис. 5). Вся площадь котловины имела ровную поверхность, незначительно возвышавшуюся над уровнем воды лимана. Гладкая горизонтальная поверхность нижнего города плавно переходит в косогор, ведущий к верхнему городу. Сразу же за северной балкой берег резко

Рис. 5. Общий вид на нижний город с севера

меняет свои очертания, переходя в крутой склон, местами образуя вертикальные обрывы, вплотную подходя к узкой намывной полосе песка с ракушкой. А так как материком здесь во всю высоту склонов является лёсс, легко разрушаемый и размываемый, то не только возведение стен по крутому склону не представляется возможным, но доведение высоких городских стен до берегового обрыва неминуемо повлекло бы к быстрому разрушению стен из-за оползней материкового лёсса. Таким образом, выбор линии северных оборонительных стен города диктовался топографическими условиями.

Вторым характерным для Ольвии явлением, в огромной мере изменившим топографические данные городища, является разрушение, эрозия береговой полосы.

Недоучет этого весьма важного фактора разрушения древнего городища приводит к неправильным представлениям о размерах и о форме плана древней Ольвии. А так как размеры и план античного города с IV в. до н. э. зависят и связаны с городскими оборонительными стенами, то, следовательно, восстановление плана города необходимо для правильной реконструкции фортификационных сооружений Ольвии. Большие изменения в топографии прибрежной части города происходили за время тысячелетнего его существования, но, к сожалению, полное изучение этих изменений археологическим путем невозможно, ввиду огромного разрушения этой

части городища. Еще большие разрушения нижнего города произошли за истекшие полтора тысячелетия после прекращения существования Ольвии.

Все работавшие на раскопках в Ольвии наблюдали и знают, насколько быстро происходит разрушение береговой полосы в настоящее время. В какой мере разрушена прибрежная часть Ольвии, где находилась береговая линия в древности, в настоящее время сказать нельзя. Примерно от устья северной балки, вдоль всего протяжения городской территории, вплоть до устья Заячьей балки под водой на дне находится огромное количество камней. Во время спада воды над ее поверхностью появляются огромные блоки обработанного камня на расстоянии 40—50 м от береговой линии, напротив раскопа «НГ» (рис. 6).

Рис. 6. Крупные блоки камня, находящиеся под водой напротив раскопа „НГ“ (снимок сделан в октябре 1946 г.)

Береговая мель в районе Ольвии имеет ширину около 100 м, затем дно довольно круто опускается, переходя в глубинную зону лимана. Напротив раскопа «НГФ» на расстоянии 100 м от берега, на глубине около 1,5 м, имеются остатки какого-то сооружения из огромных, хорошо пригнанных блоков, так называемая «пристань» (рис. 7).

Учитывая все вышесказанное, мы приходим к заключению, что территория нижнего города занимала в древности значительно большее пространство, чем в настоящее время, распространяясь в восточном направлении по меньшей мере на 100 м, т. е. до начала крутого падения дна лимана. А так как камни от разрушенных городских построек встречаются напротив городища по всему дну береговой мели, то линию городских стен вдоль берега, построенную в III в. до н. э., надо предположительно отнести на край береговой мели, до линии находящейся под водой «пристани».

Исходя из положения, что линия городских стен у реки отстояла от современного берега минимум на 100 м, мы восстанавливаем городскую

оборону следующим образом. Линия северных стен эллинистического периода с верхнего плато спускалась в восточном направлении по покатому склону к берегу. Северная линия обороны завершалась фланговой башней, стоявшей на древней береговой линии. Вдоль берега город был до III в. до н. э. открытым. И только в III в. до н. э. встала необходимость возведения стен и вдоль берега. Прибрежные стены шли от северо-восточной башни в южном направлении вплоть до устья Заячьей балки. Здесь береговые стены вплотную подходили к ранее существовавшей южной линии оборонительных стен, вернее — к левофланговой башне сухопутной обороны города.

Южная линия городских стен начиналась от береговой линии, шла на запад к западному склону Заячьей балки. Протяжение южной линии было коротким и заканчивалось, очевидно, у угловой башни, находившейся у южной оконечности стен, прикрывавших город с запада. О направлении городских оборонительных стен вдоль Заячьей балки свидетельствует местами довольно глубокий, местами едва заметный ров, образовавшийся в результате выборки камня в XVIII и XIX вв. Кроме того, часть стен

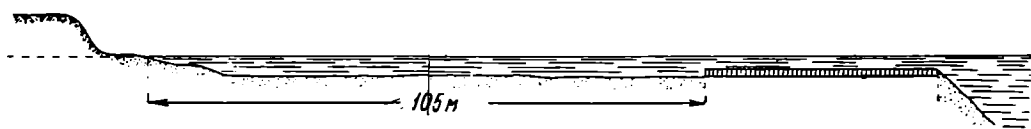

Рис. 7. Разрез береговой полосы в районе так называемой пристани (обмеры 1916 г.)

эллинистического периода открыта раскопками 1904—1905 гг. Стены идут по краю балки по прямой линии к северо-западному углу города. Здесь в настоящее время находится довольно большой котлован, образовавшийся от выборки стен угловой башни.

Таким образом, мы проследили и наметили линии предположительного нахождения городских оборонительных стен Ольвии эллинистического периода. Общая протяженность городских стен эллинистического периода 2850 м. Эта цифра весьма интересна, ибо она почти равна длине стен эллинистического периода, окружавших Херсонес Таврический (по плану Бертье-Делагарда — 2950 м).

Если мы сравним протяжение эллинистических городских стен Ольвии с другими крупными греческими центрами этого периода, то окажется, что они почти вдвое короче протяженности стен Милета (5600 м) и несколько длиннее стен Приены, длина которых достигает 2450 м.

Теперь нам остается рассмотреть, какими дополнительными средствами обороны пользовались ольвиополиты, в какой мере были использованы для этого топографические условия местности. Западные стены города на протяжении 550 м от юго-западного угла были защищены глубокой (30 м глубины) Заячьей балкой, имеющей крутые, трудно преодолимые склоны, полностью исключающие возможность использования неприятелем при осаде стенобитных орудий.

Северные стены города от береговых склонов до главных городских ворот также были ограждены от окружающих степей балкой, по всей вероятности, искусственно углубленной и расширенной после возведения здесь городских стен. Но не на всем протяжении стены эллинистической Ольвии имели перед собой глубокие балки, затруднявшие доступ к ним с внешней стороны. Хотя во всей археологической литературе по Ольвии

говорится, что Ольвия окружена была балками, берем на себя смелость утверждать, что это не соответствует действительности. Заячья балка естественного происхождения имела в своем верховье незначительную глубину со склонами с малым углом падения, т. е. не являлась при нападении врагов препятствием при подходе к стенам.

Северные стены также не на всем протяжении имели перед собой глубокую, с крутыми склонами балку. От главных городских ворот до северо-западного угла оборонительных стен в настоящее время находится неглубокая, но широкая впадина, считающаяся естественным продолжением северной балки. Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что это далеко не так — образование и рост естественных балок в такой конфигурации невозможны. Формы и размер балок в районе северо-западного угла городских стен указывают, что перед нами искусственное сооружение. За это говорит ряд признаков: 1) склоны углубления на всем протяжении имеют одинаковый уклон падения и сохраняют одну и ту же ширину; 2) глубина вдоль северных стен одна и та же и почти одна и та же вдоль западных стен. Напротив главных городских ворот до настоящего времени сохранилась перемычка, по которой и в настоящее время проходит дорога на городище. К западу от перемычки весной и после сильных дождей дольше всего сохраняется вода на поверхности, в силу чего и растительность здесь отличается от окружающей, что свидетельствует о том, что здесь имеется водоупорный слой, образовавшийся в результате длительного отложения ила на дно находившегося здесь продолжительное время большого количества воды. Перемычка, находящаяся перед главными воротами, является одной из плотин водохранилища, по которой и в древности проходила дорога.

Вторая плотина находилась в верховье Заячьей балки в 300 м от угловой северо-западной башни. Она почти полностью уничтожена временем после разрушения ее при гетском разгроме Ольвии. Вероятно, напротив второй плотины находились вторые городские ворота. Таким образом, северо-западный участок городских стен эллинистической Ольвии был защищен с внешней стороны водной преградой при помощи искусственных сооружений огромного водохранилища длиной около 600 м, при средней ширине 100 м.

Возрожденная вскоре после гетского разгрома Ольвия занимала далеко не всю прежнюю городскую территорию. Восстановить полностью старые городские стены не представлялось возможным, а политическая обстановка требовала ограждения города оборонительными стенами. Раскопками Б. В. Фармаковского было установлено, что южная часть старых городских стен у Заячьей балки была использована и надстроена новой, более узкой стеной. Были открыты остатки римской цитадели, но где проходила северная линия обороны города в этот период, было неизвестно, и только раскопками последних предвоенных лет в нижнем городе были обнаружены остатки новой оборонительной стены, ограждавшей город с севера, полностью соответствующие красочному описанию ее Дионом Хризостомом. Выбор линии новых стен, по всей вероятности, также обуславливался топографическими данными местности. Послегетские северные городские стены начинались от старых западных городских стен в том месте, где балка еще имеет большую глубину и крутые склоны и где верхнее плато города пересекает «вторая поперечная балка».

Вдоль южного края балки от угла пересечения с западными стенами, где, очевидно, стояла угловая башня, проходили поздние городские стены Ольвии, имея направление на северо-восток. Затем стены спускались по склону в нижний город.

С переходом куртин северных стен с горизонтальной плоскости верхнего плато на косогор меняется и направление стен с северо-восточного почти на восток. На месте нахождения стен в настоящее время имеется едва заметная широкая траншея, образовавшаяся после выборки камня стен в XVIII и XIX вв. Совершенно прямая траншея подходит к раскопу «НГ», где на глубине около 3 м от современной поверхности появились остатки городских оборонительных стен, сооруженных в конце I в. до н. э. Сохранившиеся остатки городской стены стоят на одной прямой линии с траншеей на склонах, пересекают весь раскоп с запада на восток и обрываются по линии берегового обрыва мощного культурного слоя нижнего города. Стены доходили до эллинистических стен, построенных вдоль береговой полосы, наспех восстановленных.

Общая протяженность городских оборонительных стен Ольвии после разгрома ее гетами была 1600 м; длина новых северных оборонительных стен — 480 м; остатки их открыты раскопками на протяжении 60 м. В западной части раскопа открыты остатки фундаментов большой прямоугольной башни.

В раскопе VI—VII 1908 г. остатки северной оборонительной стены I в. до н. э. оказались также выбранными при добыче камня на городище. Но следы ее существования сохранились в раскопе.

К стене впритык примыкала кладка I₁I₂; при сооружении стены была срезана сырцовая кладка С₅ (рис. 8). После пятиметрового перерыва о прохождении городской стены свидетельствуют срезанные остатки ранней кладки В₄ и вплотную подходившие к стене остатки поздней вымостки F₂ — F₄ (рис. 9).

Все упомянутые кладки срезаны по одной прямой линии и в точности повторяют аналогичные явления в раскопе «НГ». К северу от срезанных кладок в раскопе VI—VII никаких строительных остатков не обнаружено. О выборке городской стены говорят и борта раскопа.⁴

Наконец, нам остается коротко остановиться на определении расположения стен римской цитадели.

Рис. 8. Сырцовая стена эллинистического периода, срезанная при сооружении городской стены после готского разгрома

⁴ ОАК за 1908 г., стр. 71, рис. 46.

Если вторая поперечная балка связана с северной городской стеной, то первая поперечная балка имеет непосредственное отношение к стенам цитадели. Городские стены, сооруженные вскоре после гетского разгрома, не являлись надежными и не могли противостоять длительной осаде. Ввиду этого после прибытия в Ольвию регулярных римских войск, во II в. н. э.,

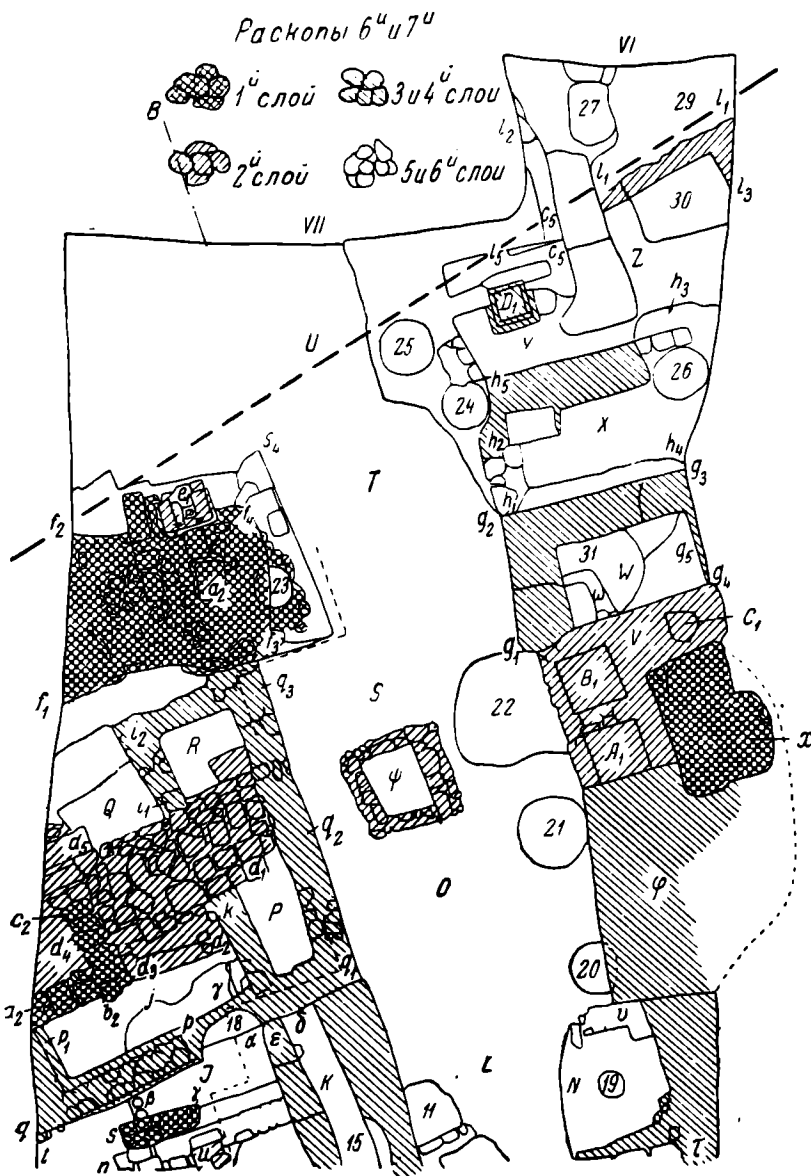

Рис. 9. План раскопа VI—VII 1908 г. Пунктиром указана линия южного фасада городской стены

сооружаются новые мощные стены цитадели в южной части верхнего плато. Кроме того, постоянное пребывание римского гарнизона в городе вызвало необходимость выделения особого района их пребывания, как, например, в Херсонесе.

Для стен цитадели используется участок старых стен вдоль Заячьей балки, длиной около 300 м, усиленных новыми башнями. Затем вдоль южного края первой поперечной балки возводятся новые стены с частыми изменениями направлений куртин, по форме многоугольные, избегая острых, далеко выступающих углов. Как далеко шли стены цитадели в юго-восточном направлении, мы сказать не в состоянии. Одно можно утвер-

ждать, что восточные куртины цитадели не проходили по краю современного состояния верхней площадки, а находились дальше к востоку и погибли вместе со сползшим в воду материком, на котором они были сооружены. Поэтому и расположение на плане восточных куртин показано предположительно.

Не исключена возможность, что раскопки южного склона городища дадут сведения относительно южной границы цитадели и передней, нижней, линии оборонительных сооружений. На возможность раскрытия их остатков указывают рельеф местности и выходы камня на поверхность склонов.⁵ Принимая во внимание незначительную площадь раскрытых раскопками оборонительных сооружений Ольвии и крайнюю фрагментарность сохранившихся остатков стен и башен, необходимо тщательно фиксировать следы их выборки. Точная фиксация и учет всех малейших топографических данных в значительной мере помогут в дальнейшем более точно восстановить фортификационные сооружения и выявить специфические особенности их в различные периоды существования Ольвии.

⁵ Считаю необходимым сообщить, что наши предположения о существовании нижней, передней линии обороны в южной части городища, высказанные в настоящей статье (статья писалась в 1945 г.), в дальнейшем полностью оправдались. Приехав в 1946 г. в Ольвию, впервые после Великой Отечественной войны, мы увидели остатки стен (из крупных блоков), безусловно принадлежавших древним оборонительным сооружениям, обнаруженные во время рытья противотанкового рва.

Б. Н. ГРАКОВ

ЛИТЕЙНОЕ И КУЗНЕЧНОЕ РЕМЕСЛО У СКИФОВ

Вопрос о развитии и состоянии ремесел в Скифии принадлежит к наименее освещенным. До сих пор дело ограничивается главным образом установлением местного или привозного характера вещей, находимых в комплексах скифского времени и скифской культуры. Нет еще достаточных данных для того, чтобы определить характер всех констатированных таким образом у скифов ремесел. Задача этой статьи — поставить вопрос о литейном и кузнечном деле у скифов. Это возможно сделать только в самых общих чертах, так как нет еще ни технологического, ни химического анализа многих изделий.

Нельзя говорить о бронзолитейном и кузнечном ремесле в Скифии, не приняв во внимание предшествующего развития металлургии. О скифской культуре с ее вполне установившимися формами на припонтийском севере можно говорить только со второй половины VII в. до н. э. Она часто представляется как будто вновь родившейся, совершенно приносной, чуждой своим предшественникам. Это кажется, если во внимание принимаются только формы вооружения, конской сбруи и звериный стиль. Между тем бытовая скифская керамика оказалась прямой продолжательницей предыдущих веков.

В формах оружия только меч и некоторые из форм копья и, может быть, секира ведут свое происхождение с Переднего Востока. Стрелы же, главное оружие скифа, происходят от местных форм костяных, а затем бронзовых стрел. Самая конструкция удил в кости, бронзе и железе — результат местного развития, сходного с переднеазиатским, но независимого. Скифские котлы, литые из бронзы, находят свой прототип в киммерийских клепаных котлах, находимых от Куйбышева до Нижнего Днепра. В самом зверином стиле видна сложная комбинация мотивов лесостепной полосы с мотивами переднеазиатскими, ионийскими и какими-то горными.

Скифская культура — комплекс местных бытовых форм с привнесенными. Она возникла близко к указанному времени (VII в. до н. э.) и порою кажется внезапной и новой по своим признакам. Здесь не место вдаваться в причины быстрого изменения культуры. К этому времени относятся решительное торжество железа над медью и бронзой в наступательном оружии и орудиях труда, интенсивные передвижения племен на прилежащем степном востоке, смутно упоминаемые преданием социальные сдвиги внутри киммерийских племен, вторжения киммерийцев и скифов в Иран и в Ассирию, окончательное выделение территорий и племен кочевников от исконно земледельческих. Этим, конечно, приходится объяснять

столь быстрое формирование новых культурных форм, корни которых все-таки очень глубоко уходят в местную почву.

Иное дело выяснить, какие из этих причин имели решающее значение в формировании собственно скифской культуры. Оживившийся в последнее время интерес к скифскому вопросу поставит на должную почву этот отдел археологии. Сейчас я остановлюсь только на одном факторе образования новой культуры на территории исторической Скифии.

Эту тему я выбрал, вспоминая о деятельности Б. В. Фармаковского. Ему принадлежит в работе «Архаический период на Юге России»¹ сообразное его взглядам разрешение вопроса, как уже в VI в. едва-едва возникшая на окраине скифских степей Ольвия включила в свое производство вещи на вкус и по образцу скифских потребителей, как ольвийское ионийское ремесло вошло в близкий контакт со скифским (степным) ремеслом. Вскоре после смерти Б. В. Фармаковского П. Д. Рау² показал, как в Ольвии и на Березани были точно восприняты греческими мастерами формы стрел и приемы скифских стрелоделателей. Он привел ряд находок производственного брака, лучшего доказательства местного ремесла.

В. А. Городцов³ в работе о киммерийской культуре с полной отчетливостью продемонстрировал мощь бронзовой индустрии этого времени. Позднее ряд исследователей углубили изучение культур этой эпохи. Разнообразие и самостоятельность бронзового оружия и орудий киммерийских племен, по крайней мере в X—VIII вв. до н. э., выступают с решительной отчетливостью. Предпосылка к бронзолитейному делу Скифии была достаточно мощна. В. А. Городцов также очень удачно показал на приложенной к работе таблице, как на западе, юге и юго-востоке от этой территории в то же самое время довольно решительно вступило в свои права железо. Он склонен был объяснить такое явление небрежным отношением наших старших предшественников к плохо сохраняющимся в погребениях степи железным предметам. Он был прав только отчасти. Достоверных находок железных предметов, входящих в доскифские комплексы, до настоящего времени мало. Н. И. Веселовский близ Малой Лепетихи на Запорожье открыл в Широком кургане два кинжала еще вполне киммерийских типов, один бронзовый и один железный.^{3а}

Покойный А. А. Спицын в статье о курганах скифов-пахарей приводит десятка два находок железа в погребениях переходного времени. Суммарно и условно он датирует их VII—VI вв. до н. э. Нет сомнения, что многие из них относятся уже к эпохе после рубежа VII—VI вв., т. е. ко времени установления основных форм скифской культуры. Из тех погребений этой группы Спицына, в которых есть железо, ко времени несколько более раннему с полной уверенностью могут быть отнесены лишь три кургана в Ръжановской группе, один из которых содержал плохо сохранившийся наконечник железного копья, а все остальные предметы свойственны предскифскому времени.⁴ К тому же периоду относятся и курганы № 375, 376, 377 и 378 из раскопок Бобринского у с. Константиновки Черкасского уезда.⁵ В них, наряду с удилами еще вполне доскиф-

¹ МАР, вып. 34.

² P. Rau, Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet, Pokrowsk, 1929, стр. 28.

³ В. А. Городцов. К вопросу о киммерийской культуре. Тр. секции археол., РАНИОН, вып. II, 1928, стр. 46 сл.

^{3а} Сообщение ГАИМК, т. I, Л., 1926 г. стр. 201—204. Указанные кинжалы хранятся в Эрмитаже.

⁴ ИАК, вып. 65, стр. 86 сл.

⁵ Там же, вып. 4, стр. 30 сл.

ских типов, близких кобанским, и черной, лощеной керамикой раннескифской техники и орнаментики, найдены железное шило, распавшийся железный нож, два железных плоских наконечника стрел, «железная кнопка», железная стрела, бронзовая игла и сильно испорченный наконечник копья.

К той же группе относятся железные наконечники стрел в погребении на Цукурском лимане,⁶ куда одновременно входил бронзовый клевец и родосская эпохея конца VII в. до н. э. Покойный Ю. А. Подгаецкий при раскопках селища позднего бронзового века под Воронежем нашел в чистом слое маленькое железное шило и железные шлаки.⁷ Наконец, П. Н. Шульд раскопал в курганной группе близ ст. Кара-Тобе раннюю невысокую насыпь.⁸ В одном из погребений он обнаружил вытянутый костяк и около него железное шило. Возле находилось скорченное погребение с костяной пряжкой, достаточно типичной для конца бронзовой эпохи. Первое погребение, по утверждению автора,— одно из первых в этом кургане. Эти находки показывают, что железная предскифская индустрия не была достаточно мощной.

Как ни мало достоверных погребений VII в. из рассматриваемых районов, некоторое число заведомо бронзовых предметов вооружения в них есть. Такова уже упомянутая цукурская находка. Таков Жаботинский клад в Киевщине: в нем бронзовый клепаный сосуд со зверообразными ручками заключал в себе несколько бронзовых топоров какого-то закавказского типа, по определению Б. Б. Пиотровского.⁹ Этот клад близок по времени к Келермесским курганам, а между тем в этих последних господство железа несомненно.

В 1893 г. в кургане у м. Иваницы, бывшего Прилукского уезда,¹⁰ было вскрыто погребение, в инвентаре которого находились бронзовый кельт, четырехгранное бронзовое долото и мелкая бронза от конской сбруи в архаическом скифском зверином стиле, близком обычным формам VI в. до н. э. Однако отнести это сочетание к VI в., по меньшей мере, затруднительно. Есть еще две случайные находки близ Смелы — бронзовые акинак и копье обычных в железе образцов.¹¹ В курганах VI в. только в отдельных случаях есть находки бронзовых длинных ножей. Таковы ножи из Старшей могилы близ Аксютинец (в собрании Д. Я. Самоквасова)¹² и, наконец, два бронзовых ножа из кургана № 8 Частых курганов под Воронежем.¹³ Последний курган по составу инвентаря (стрелы одного из раннеархаических типов, фигурка лося и кошка, свернувшаяся в кольцо) очень близок к предшествующему. Итак, при бедности фактов, возможно лишь считать, что бронзовые орудия и оружие продолжали жить и весь VII в. Иногда, как акинак из-под Смелы, они принимали новые, свойственные железу, формы. Насколько интенсивно в течение этого века наступало железо, сказать при такой обстановке очень трудно.

Курганов достоверного VII в. со скифским инвентарем на Украине пока выделяется мало. К его рубежу, вероятно, надо отнести Литую могилу.

⁶ ИАК, вып. 63, стр. 31 сл.

⁷ Археол. исследования в РСФСР 1934—1936 гг. Л., 1941, стр. 156 сл.

⁸ Там же, стр. 267 сл.

⁹ Б. Б. Пиотровский. История и культура Урарту, стр. 321, Ереван, 1944.

¹⁰ Случайные находки и приобретения. ОАК за 1899. Отд. II, стр. 107—140, СПб., 1902.

¹¹ А. А. Бобринский. Курганы близ местечка Смелы, т. III, табл. XI, рис. 5, табл. II, рис. 8.

¹² Каталог коллекции древностей Д. Я. Самоквасова, Варшава, 1892, № 1360, 1361.

¹³ СА, VIII, стр. 34; там же, в примеч. 1 С. Н. Замятнин упоминает ножи из дер. Мошки близ Черкас (ОАК, 1894, стр. 37).

За пределами собственно Скифии, но еще в сфере частых походов скифов, к тому же времени могут быть отнесены Келермес и курган станицы Костромской, но они б. м. начала VI в. Курганы эти уже эпохи полнейшего господства железа. Быстрота перехода к железу демонстрируется этими фактами, а особенно всей колоссальной совокупностью скифских курганов VI в.

Железо появилось, конечно, еще в раннекиммерийское время, но вполне вытеснило бронзу лишь с окончательным формированием скифской культуры. Есть один очень отдаленный от Скифии, но своеобразно увязывающийся со всем положением в ней факт,— это клад из Заборья Московской обл. Он состоит из кельта киммерийского типа и бронзовых стрел древнейших скифских типов. В. А. Городцов¹⁴ справедливо связал эту находку с ранними скифскими влияниями на костяные стрелы и некоторые другие предметы Старшего Каширского городища. Этот единый комплекс не может быть ни моложе, ни старше VII в. Ни кельт из бронзы такой формы не встречается в скифских инвентарях VI в., ни стрелы таких типов не могут относиться к VIII в. Скифское же или киммерийское происхождение Заборьевского комплекса не вызывает сомнений.

Ко времени вторжения скифов в Закавказье и в страну урартов железо вошло в свои права. Б. Б. Пиотровский¹⁵ хорошо показал, что в VIII—VII вв. Урарту было поставщиком железа в соседние страны и что значительная часть переднеазиатского импорта в Скифию шла из Урарту и Закавказья, а не только из Ирана и Ассирии.

После опубликования Гадам отрывка вавилонской хроники о падении Ниневии, походы скифов в Переднюю Азию, включая и известный рассказ Геродота, окончательно стали исторической реальностью. Меч-акинак, скифская секира и часть наконечников копий, всегда железные, не имеют корней в киммерийском времени. Для удил, сохранивших местные формы, был окончательно освоен новый материал не ранее середины VI в. Стрелы, также эволюционируя из местных типов, делались почти исключительно из бронзы до начала интенсивного сарматского влияния, т. е. до II в. до н. э. Вероятно, в подвижной военной среде Скифии при первых же больших военных походах отличные качества раньше едва-едва известного железа получили высокую оценку. Удобные формы переднеазиатского железного оружия привились и заставили перейти скифов сразу и широко к применению железа.

В северных причерноморских степях, включая и степной Крым, имеется своя рудная база. На территории СССР имеется источник собственной меди, использовавшийся в древности,— Бахмутский бассейн. Находки медных шлаков на городищах неопровержимо свидетельствуют об использовании местных руд. Может быть, использовались и другие месторождения. Привоз металла из сопредельных областей,— с Дуная, Кавказа или из Поволжья,— не может быть отвергнут и очень вероятен, хотя доказательство этого может быть получено только после серии специальных анализов.

С железом дело обстояло гораздо легче. Криворожский рудный бассейн, рудники Харьковщины, для степного Крыма — Керчь — вполне могли служить потребностям скифских кузнецов. Значительную роль могла играть болотная руда. Использование в скифское время, по крайней мере,

¹⁴ В. А. Городцов. Старшее Каширское городище. ИГАИМК, вып. 85, стр. 25, рис. XI, М.—Л., 1934. На севере наблюдается в общем та же картина: находки железных шлаков в Балабаше Башкирской АССР, в Галичской стоянке и какой-то железный предмет в Младшем Волосовском могильнике относятся к первым векам I тысячелетия до н. э. И здесь — это эпоха робкого наступления железа на бронзу, но и здесь до конца VII в. оно никак не господствует. Но об этом в другой раз и в другом месте.

¹⁵ Б. Б. Пиотровский. Ук. соч.

одного из нынешних главных бассейнов — Криворожского — вполне установлено. Куски железной руды часто попадают на Каменском городище на Днестре в Запорожской обл. Определение произведено начальником постоянно работавшей в окрестностях Никополя экспедиции по полезным ископаемым С. Г. Вишняковым, любезно ознакомившимся с образцами и категорически подтвердившим их криворожское происхождение. Вопрос об использовании других основных бассейнов в скифское время становится, таким образом, еще более вероятным.

Неясным является вопрос об олове, сурьме, свинце и цинке, примешивавшихся к меди в целях получения практически необходимых сплавов. По большей части они должны быть привозными; но пока всякое решение вопроса о месте, откуда такой импорт производился, является необъективным по отсутствию надлежащих бесспорных технических изысканий.

Кроме вещей из курганов, имеются остатки от самих производственных процессов на местах древних поселений. Скифских городищ известно немало, но подвергавшихся раскопкам почти нет. Да и те, которые подвергались исследованию, не все дали одинаково доброкачественный материал. На Бельском городище Полтавской обл. остатки металлургии: в зольнике II — железные и медные шлаки, в зольнике III — несколько бракованных бронзовых стрел, бракованная бляшка, железный гвоздь и булавка, куски железной руды; в 9-м зольнике — 32 бракованные бронзовые стрелы, кусок медной руды и куски бронзы. В общей характеристике раскопок В. А. Городцов говорит, что железной руды и шлаков больше, чем медных.¹⁶

Подъемный материал с городища. Раскопана могила, в бывшем Богодуховском уезде, собранный И. А. Зарецким¹⁷ в 80-х годах XIX в., заключает в себе литки и ряд брака наконечников стрел и медных булавок, что свидетельствует о наличии здесь остатков мастерских. На изобилие остатков деятельности литейщиков и кузнецов обратили внимание геолог Соколов и учитель Сердюков, которые производили в конце XIX в. небольшие изыскания на Каменском городище на Днестре (на так называемых Каменских кучугурах); последний сделал ряд шурфов. В конце 20-х и начале 30-х годов постоянные разведки здесь производили Киранов и Шапошников, в результате чего в Никопольском музее оказалось много подъемного материала, свидетельствующего о широкой деятельности ремесленников-металлургов. С 1938 г. я имел возможность в течение трех лет производить здесь довольно большие раскопки, в результате которых мнение Соколова (на основании внешнего осмотра) о том, что это был город ремесленников, вполне подтвердилось. Все раскопки дали многочисленные, хотя и разрозненные, остатки для суждения об этих двух ремеслах. Материал этого городища в настоящее время является главным свидетельством для суждения о них.

Разведки 1945 г. обнаружили вниз по течению Днестра и его протоков от гор. Никополя шесть неукрепленных скифских селищ. На селищах Быстрицком и у хутора Красного обнаружены в скифском слое железные шлаки, правда, в единичных кусках. Железные орудия обнаружены при раскопках в 1946 г. на скифском селище у с. Покровка Чкаловского района Днепропетровской обл.

Городища степного Крыма, особенно Неаполис, стали объектом усиленных разведочных и частично раскопочных работ в последнее время. Однако пока еще, несмотря на многочисленность вещей оттуда, очевидных остатков металлургии не найдено. П. Н. Шульц доказал развитие там реме-

¹⁶ Тр. XIV Археол. съезда, т. I, М., 1910; В. А. Городцов. Результаты исследований в Зеньковском уезде.

¹⁷ Хранятся во 2-м Отделе ГИМ.

сел вообще, а особенно гончарного, достигшего уровня античного ремесла.

Для населения территории Нижнеднепровской и лесостепной Скифии можно теперь считать, что в его функции в какой-то мере входило изготовление бронзовых и железных изделий для племен окружающих степей.

Весь ли набор бытовавших в Скифии бронзовых и железных изделий выходил из мастерских Бельского, Каменского и Раскопаного городищ или только определенные их виды, сказать затруднительно. Что изделия металлургических городищенских мастерских Скифии являлись товаром, явствует из относительно малого числа городищ при необычайном распространении по всему пространству Скифии таких изделий, особенно стрел. Ярким примером того, как далеко шел товар этих мастерских, является зеркало с ручкой в виде кружка на двух столбиках (типичная принадлежность Черноморья в эпоху архаики), один раз встреченное в отдаленных заволжских степях на геродотовом торговом пути. Из единичных находок шлаков и крицы на Быстрицком и Краснинском селищах близ Никополя можно сделать только один вывод: в неукрепленных зимовках, сосредоточившихся вокруг городов, иной раз существовали кузнецы. Можно предположить, что такие сельские кузнецы работали на нужды своих односельчан.

В отличие от Бельского и Раскопаного городищ, где, судя по всему комплексу находок, металлургия занимала какое-то, но не исключительное положение среди других ремесел и хозяйственных функций, Каменское городище на Днестре было поселением металлургов по преимуществу. На пространстве 600 с лишком десятина (теперь эта площадь сократилась до 400 га) нет буквально ни одного обнажения культурного слоя, где бы не было тех или иных остатков металлургии. Это — шлаки меди, медные пластинки, иногда со следами их распиливания, литники, железная руда, железные шлаки, куски кричного железа, обломки тиглей и льячек со следами медной окиси и толстые куски сильно прокаленных стенок от кричных печей. Базой для этой металлургии служил Криворожский рудный бассейн, лежащий на противоположном берегу, километрах в 60 на запад. К этому же своеобразному центру металлургии примыкали упомянутые выше кузницы одновременных селищ. Пока это единственный металлургический район древней Скифии, так сказать специализированный. Может быть, будут найдены в Скифии другие районы подобного рода.

Все остатки металлургии свидетельствуют о том, что добыча металлов из руды производилась здесь же. На этом основании, конечно, трудно утверждать, но можно предположить, что горнорабочие жили здесь же и, может быть, сами были мастерами. Нужный для этой работы лес в обилии растет, а в древности он был, конечно, еще обильнее, в днепровских плавнях, около самого Каменского городища и прилежавших к нему неукрепленных поселений.

Жилище, вскрытое мною на Каменке в 1939 г., довольно обширное, включало в своих пределах немного признаков деятельности металлургов, однако, в нем были найдены кусок шлака и медный литок от какого-то предмета; во второй проходной комнате по середине была круглая неглубокая яма, диаметром около 0.50 м, наполненная древесным углем. За стенами дома к северо-западу обнаружены обильные следы ремесла. Здесь находился глинобитный горн (135 × 135 см площадью, 70 см высотой, с квадратным углублением в середине, 15—25 см глубиной), заполненный древесным углем. Стенки горна прокалились докрасна и стали хрупкими. В стороне была найдена сильно прокаленная льячка с двумя носиками и коническим дном. К ее стенкам прилипла толстая корочка металлической меди. Там и сям попадались кусочки медных шлаков.

Далее на восток были две неглубокие ямы, диаметром около 1.25 м, сплошь наполненные древесным углем. Все эти остатки сосредоточивались на обширной площади до 40 м². К северу и северо-востоку, за самими стенами дома попадались куски железной руды, железные и медные шлаки, древесные угли; попались также бракованный железный подток от копья латенского типа и бракованная большая трехлопастная бронзовая стрела. Этот открытый целостный комплекс — дом ремесленника, при котором одновременно производились выплавка меди и восстановление железа из руды, литье бронзовых предметов,ковка железных изделий.

В доме найдено до десятка железных вещей: ножи, шилья, железная скоба, подток, половина сломанного железного псаля и железный крючок. Это — немые свидетели универсальности скифского металлурга-рудознатца, литейщика и кузнеца — «мастера» на все руки.

Те же данные установлены и для вскрытых в 1940 г. двух жилищ, имевших, однако, совершенно иное устройство, чем столбовое надземное жилище, вскрытое в 1939 г. Оба эти жилища были следующей конструкции: сохранился слой на уровне пола наземных жилищ, а под этими жилищами находились ладьевидные, невысокие подполы с глинобитными печами, несомненно, обитаемые зимой. Внутренняя часть этих подполов была разделена на комнаты столбовыми стенами.

Жилище I раскопа 1940 г. сохранилось не полностью. Еще в 1939 г. была открыта канава, в которой, как явствует из распределения на площади культурных остатков, были укреплены столбы внешней ограды, окружавшей жилище. Вдоль всей юго-западной стенки жилища, на пространстве нескольких десятков метров, извне располагались многочисленные остатки железных и медных шлаков, керамические шлаки, несколько кусочков кричного железа, два сильно шлакированных сопла и часть глиняной заслонки кричной печи с отверстием для сопла. Внутри помещения немного таких же шлаков, куски кричного железа, фрагменты круглодонного глиняного цилиндрического тигля с налетом медной окиси на стенках, три железных кузнечных пробойника, точильные камни, конец слегка загнутой сильно разведенной железной пилки и бракованная бронзовая стрела. Мелкие кусочки шлаков обоих металлов встречены по всей площади довольно обширного (около 250 м²) раскопа. Ассортимент многочисленных железных вещей в этом раскопе тот же, что и в жилище 1939 г.

Жилище в V раскопе 1940 г. было лишь частично раскопано покойным Б. З. Рабиновичем. Конструкция жилища та же, но план неясен. Вскрытая его часть достигает до 160 м². За его внешними границами пространство еще не затронуто. И на полу наземного жилища, и на полу подвала встречены в довольно большом числе мелкие куски железного и медного шлака, кусок железной руды, кусок меди, несколько кусков крицы, два литка от бронзовых стрел, точильные камни и порядочный ассортимент железных изделий, в общем тот же, что в двух других предыдущих жилищах, но с добавкой нескольких кованых гвоздей и скоб. Именно в этом жилище, в его наземной части, найдена почти полная крица (№ 317) вместе со значительным числом шлаков. Она находилась у самого края его и могла попасть туда извне.

В III раскопе 1940 г., представлявшем место мощной древней свалки на обрывистом берегу Конки, среди всякого бытового мусора, было немало мелких обломков железного шлака, несколько обломков железной руды и кусок меди. Содержимое свалки соответствует культурному слою жилищ.

Наконец, IV раскоп, очень небольшой и скоро оставленный из-за сла-

бости и разрушенности культурного слоя, дал среди прочего материала большой кусок крицы, медные шлаки и песчаниковый точильный камень.

Раскопы 1939 и 1940 гг. расположены в юго-западной части Каменских кучугур, на пространстве с полсотни гектаров, на значительных расстояниях друг от друга.

В 1938 г. мы затронули только одно место в восточной части городища. Здесь были открыты остатки постройки хозяйственного назначения — склады вина или других хранившихся в амфорах продуктов. Но и снаружи у стены были найдены остатки цилиндрического тигля с приставшими медными шлаками. Метрах в ста от этого места, в котловине выдувания были найдены обломки небольшой глинобитной кирпичной печи.

Перед нами древний город, на всей основной территории которого жили и работали скифы-металлурги. Metallургия, как показывают приведенные археологические факты, была их главным делом. То, на что намекали рассеянные по всему городищу поверхностные находки, совершенно доказано раскопками. Одни и те же мастера выплавляли металл из руды, лили бронзовые предметы и ковали железо. Три пробойника, назначение которых пробивать в металле отверстия для клепок, найдены внутри одного и того же помещения. Самое частое применение клепок наблюдается в скифских металлических изделиях для прикрепления костяных ручек к ножам. Значит, те, кто окончательно отделяли ножи, изготовляли и его костяные части. Универсальность мастеров еще очевиднее — они же делали и детали из других материалов к металлическим изделиям.

Ту же картину объединения всех процессов — от добычи металла до литья иковки в одних руках — дают также приведенные выше зольники Бельского городища. Исключение — только зольник 9, где найдены лишь следы литья стрел. Возможны случаи существования именно отдельных стрелоделателей. В целом же с VI в. (Бельское городище) до конца III в. до н. э. (Каменка) картина ясна.

Нельзя, конечно, думать, что один человек исполнял такую работу. Каждая из открытых раскопками мастерских связана с обширной постройкой в 100 м² и более, где налицо все признаки жилого дома: очаги, кухонная посуда, амфоры, столовая посуда, пряслица и шилья, зернотерки и кости домашних животных. Можно думать, что каждая семья, довольно многочисленная, занималась горным, литейным и кузнечным ремеслом. Действительно, и в жилище 1939 г., и в обоих жилищах 1940 г. тут же, за стенами жилища, из руды добывались оба металла, лились медные и ковались железные инструменты самого разного назначения.

Несмотря на всю благоприятность климата, такие процессы едва ли были возможны под открытым небом в снежные и дождливые месяцы нижнеднепровской зимы, т. е. с ноября по февраль. Пока еще не открыты особые рабочие помещения; то, что получено раскопками до сих пор, позволяет предполагать отсутствие таковых. По находкам внутри жилых помещений можно думать, что там все же зимой иногда производилось изготовление мелких предметовковки и литья.

Каменское городище явно было постоянным поселением оседлых мастеров-металлургов в этой стране скифов-кочевников. Полнота хозяйственной жизни этих металлургов едва ли исчерпывалась одним этим коренным ремеслом. Обилие костей животных (лошадей, коров и овец), зернотерок, следов ткацкого и гончарного ремесел говорит скорее за то, что какая-то часть семей металлургов жила жизнью степного населения, но все же metallургия была их основным занятием. Конечно, и хлеб, и скот в значительной мере поступали, как и другие товары, в руки этих мастеров от

степных сородичей, в могилах которых так широко представлены бронзовые и железные вещи.

В 1943 г. на юбилейной сессии ИИМК мною была сделана попытка показать территориальную и бытовую связь этого городища с царскими курганами, т. е. с Чертомлыком, Солохою и т. д. Раскопки 1945 г. на цитадели городища, вместе с прежними обследованиями, показали, что в цитадели население было богаче и не отличалось сколько-нибудь ясно выраженным ремесленным характером. Но площадь цитадели около 30 га ничтожна в сравнении со всем городом. Некрополь каменных скифов-металлургов еще не найден. На противоположном берегу вскрыто более 30 рядовых скифских погребений этого же времени; они, несомненно, связаны с соседними селищами — Сулицким, Быстрицким и Копулевским. В этих погребениях были похоронены свободные степняки-воины. Инвентарь этих погребений в ряде черт тот же, что и жилищ металлургов Каменки: иногда в них находили и золото. И воины, и металлурги в избытке пили греческое вино; жилища и могилы немые свидетели этого. Так, например, в жилище 1939 г., наиболее сохранным, найдены 24 ножки винных амфор.

Разница в характере бытовых находок в жилищах семей ремесленников и жителей цитадели того же городища очень велика, не говоря уже о разнице инвентаря рядовых и царских могил. Но все же и в тризне на Александропольском кургане, и в хижине металлурга, раскопанной на Каменке в 1939 г., одинаково фигурирует горло амфоры с одним и тем же штемпелем гераклейского гончара Этима. Конечно, формы зависимости этих кузнецов и литейщиков от военной скифской аристократии не могут быть окончательно определены, пока не будет ясно решен вопрос о социальном строе Скифии. Может быть, однако, изделия мастеров Каменки играли какую-то роль наряду с торговлей хлебом, скотом, рабами в образовании тех грандиозных накоплений благородного металла, которые известны по курганам Солохи и Чертомлыка. Я не берусь без помощи специалистов дать точную характеристику техники обоих ремесел. Попытаюсь остановиться только на некоторых доступных мне деталях.

Выплавка меди производилась в цилиндрических круглодонных сосудах, величиной с обычную молочную кринку. Расплавленный металл переливался в форму конической книзу льячкой с двумя носиками. Размер такой льячки около 0,5 л. Вопрос о литейных формах неясен. Среди скифских материалов пока известны 3—4 каменные формы для отливки украшений да пара медных форм для отливки стрел. Литье крупных предметов, в частности зеркал и котлов, производилось в многосоставных формах, причем для многих из этих вещей явно применение приема «с утерей восковой модели». Не от таких ли форм происходят мелкие обломочки сильно прокаленной глины? В небольшом числе они были найдены при жилище раскопок 1939 г. и при первом жилище раскопок 1940 г. на Каменских кучугурах. Несколько раз среди подъемного материала из Каменки встречены бронзовые или медные пластинки со следами распила.

Найденная нами в первом жилище 1940 г. железная пила, узкая, серповидно изогнутая, думается, была назначена для распиловки таких пластинок. Еще из старых анализов металла наконечников стрел известно, что с архаического времени для этой цели применялись в качестве приплова олово и цинк, процент последнего мог достигать до 21. Г. Д. Смирновым при разведках 1938 г. в одном месте кучугур были собраны в очень большом количестве стружки какого-то белого сильно окисленного металла. Анализ его в химической лаборатории Института археологии в Киеве показал, что это цинк.

Из тех же раскопок в Каменке видно, что сыродутный процесс протекал в небольших глинобитных печах. Их формы установить пока не удалось. Вес крицы немного превышает 2 кг (по неполному экземпляру 1940 г.). Форма ее круглая, нижняя сторона полусферическая, поверхность плосковатая. Величина круглодонного резервуара печи была не больше печного горшка. Печь эта, повидимому, была близка по конструкции и величине горшкообразным горнам из Бенгалии, примитивнейшим, по Перси, во всей Индии и сходным горнам Африки, еще более примитивным, опубликованным Риккардом в «American Journal of Archaeology» за 1938 г. Заслонка такой печи делалась из сырой глины, в которой проделывались отверстия для двух соплов. Из дополнительных орудий кузнеца найдены в том же жилище три кузнечных пробойника. Ни наковальни, ни молотов, ни щипцов пока нет.

Остановлюсь немного на торговом значении скифских укрепленных городов. Импорт греческий был весьма значителен. Следы его в могилах мы находим в виде предметов торевтики и ювелирного искусства, расписной и чернолаковой керамики, а также стекла, бус и амфор. В городищах первая категория вещей совершенно отсутствует, вторая и третья представлены ничтожно, четвертая более или менее часто; амфоры своими фрагментами перекрывают все остальные. В. А. Городцов отмечает в дневнике раскопок Бельского городища, что в ряде случаев фрагменты амфор преобладали над местной посудой. То же приходится сказать обо всем пространстве Каменских кучугур. Не служил ли вывоз железной руды Криворожья, а также, может быть, и самих изделий, одним из товаров, за которые получались греческие изделия и особенно вино?

Крымские греческие города были достаточно обеспечены местным железом. Оливия лила и ковала сама и по своим греческим и по степным скифским образцам. Но потребный в большом количестве для этого металл мог привозиться через Каменскую пристань вниз по Днепру, известному оливийцам лишь до порогов. Конечно, большая часть изделий шла из этих скифских городов в степь. Особенно должен был их туда сбывать безымянный город у Каменки. Не мог же он сам потребить всю массу своих изделий.

В Бельском городище встречены медные и железные шлаки в зольниках, относящихся к VI—V вв. до н. э. Каменское городище начало свое существование не раньше самого конца V в. до н. э. Однако близ Бельского городища нет медных рудников. Железо, может быть, добывалось из каких-нибудь местных руд. Эта местность связана с Днепром водными путями. Рано возникшие на Криворожье добывание руды и металлургия, очень вероятно, были одной из причин роста Каменского городища, очень выгодно расположенного стратегически и экономически и к тому же вблизи от области Геррос.

До сих пор, и это казалось справедливым, считалось, что у греков скифы назывались изобретателями железного оружия в силу смешения их с халибами. Но, может быть, усиление железной индустрии в Скифии, пришедшее из Передней Азии, и дальнейшее местное развитие металлургии, известное грекам Причерноморья непосредственно, привело к этому в одинаковой мере. Таким образом, Скифия — мать железа, и скифское железо Эсхила и Гелланика, может быть, — значительно более реальное представление, чем это казалось раньше.

Я не могу сейчас представить ни широких обобщений, ни детального описания бронзолитейного и кузнечного ремесла у скифов. Надеюсь, что этот предварительный очерк привлечет к вопросу интерес лиц, занимающихся Скифией.

II. СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

И. Б. ЗЕЕСТ

О ТИПАХ ГЕРАКЛЕЙСКИХ АМФОР

Гераклейские остродонные амфоры представляют одну из многочисленных групп амфор, повсеместно распространенных в Северном Причерноморье. В некоторых могильниках, как, например, в курганных могильниках Танаиса и Марицына, гераклейские амфоры преобладают в подавляющем большинстве, что свидетельствует не только о широком внедрении гераклейского вина в быт, но также о его относительной дешевизне. Об этом можно судить по скромному характеру инвентаря погребений этих некрополей, состоящему в основном из рядовых изделий греческих мастеров.

Группа гераклейских амфор выделена Б. Н. Граковым.¹ Им установлено место изготовления этой клейменной тары и дана хронологическая классификация клейм. Его исследование основано на анализе эпиграфического материала, вопроса формы самих сосудов он касается лишь в общих чертах.

Привлечение дополнительного археологического материала предоставляет возможность уточнить и расширить наши сведения о формах гераклейских амфор, изучение которых, благодаря разработанной классификации клейм, находится в наиболее выгодном положении по сравнению с амфорами других центров, менее исследованных.

Изучение форм позволяет установить несколько типов гераклейских амфор и проследить их эволюцию.

Клейма с алфавитом 1-й группы были отнесены Б. Н. Граковым к последней четверти IV в. до н. э.; в настоящее время он склонен расширить эту датировку до второй половины IV в. до н. э. Эти клейма встречаются на трех типах амфор.

Первый тип отличается овальными формами тулова с округленными плечами (рис. 10 — 1), ножка, обычно, невысокая (4—7 см), массивная, слегка сужена посередине. Подошва ножки немного выпуклая, отчего очертания ее имеют округлую форму. Конусовидное углубление снизу, характерное для всех гераклейских амфор, здесь сравнительно широкое и неглубокое, плавно сливается с нижней поверхностью ножки. Горло прямое и, сравнительно с другими типами, невысокое: его длина не превышает $\frac{1}{3}$

¹ Б. Н. Граков. Эпиграфические клейма на горлах некоторых эллинистических остродонных амфор. Тр. ГИМ, вып. 1, М., 1926.

длины всего сосуда. Венец в плане совершенно круглый и отличается четкими очертаниями. Этот тип амфор выделяется своим высоким качеством производства и гладкой поверхностью.

Второй тип амфор резко отличается по форме, качество выполнения их значительно хуже. У амфор этого типа (рис. 10—2) очень высокое прямое горло, часто расширяющееся кверху. Плечи имеют резкий перелом, а само тулово, отличаясь стройной сухой формой, оканчивается почти прямой цилиндрической ножкой, достигающей значительной высоты (10—14 см). Нижняя часть ножки плоско срезана снизу. Конусовидное углубление здесь глубже и не так широко, как у амфор первого типа.

Третий тип амфор (рис. 11—1), так же как и первые два, имеет клейма с алфавитом 1-й группы. Эти амфоры отличаются обвислыми очертаниями плеч, что придает некоторую вялость всей форме сосуда. Ее ножка слишком узка для грузного яйцевидного тулова. Венец лишен четкости и часто представляет собой плоский край, немного отогнутый в стороны. Изредка горло этих амфор бывает сжато со стороны ручек, но в большинстве случаев оно в плане круглое, как на амфорах первого типа.

Клейма с алфавитом второй группы, относящиеся к III в. до н. э. (точнее — до 70-х годов III в.), встречаются только на амфорах одного типа.

Четвертый тип амфор (рис. 11—2) сходен по общей конфигурации сосуда с третьим типом: он также отличается вытянутыми пропорциями и вялыми очертаниями опущенных плеч. Однако все детали их различны. Наиболее существенным отличием является сжатое со стороны ручек горло, вследствие чего венец в плане имеет овальную форму, в то время как на амфорах IV в. сжатость горла, как было сказано выше, встречается спорадически лишь на амфорах третьего типа. Не менее характерна ножка

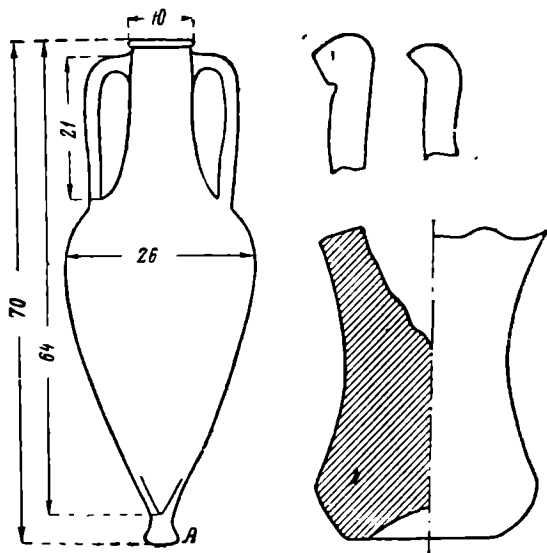

Рис. 10—1. Первый тип гераклейских амфор (Детали 2/5 н. в.).

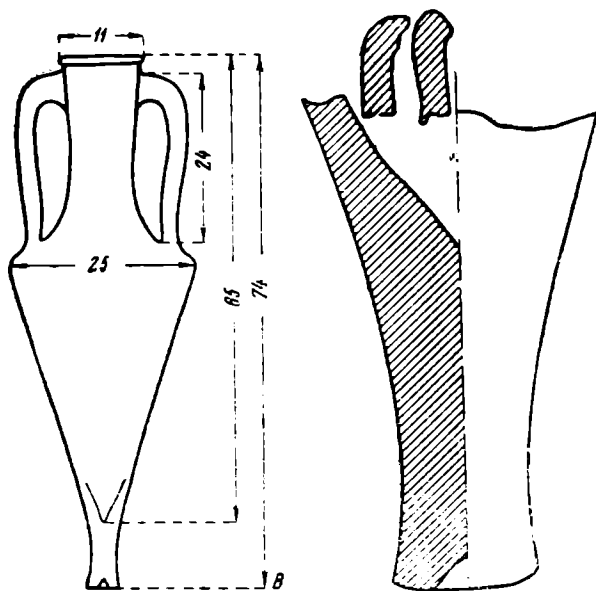

Рис. 10—2. Второй тип гераклейских амфор (Детали 2/5 н. в.).

четвертого типа. Ее очертания очень четки, и снизу она скошена в виде усеченного конуса.

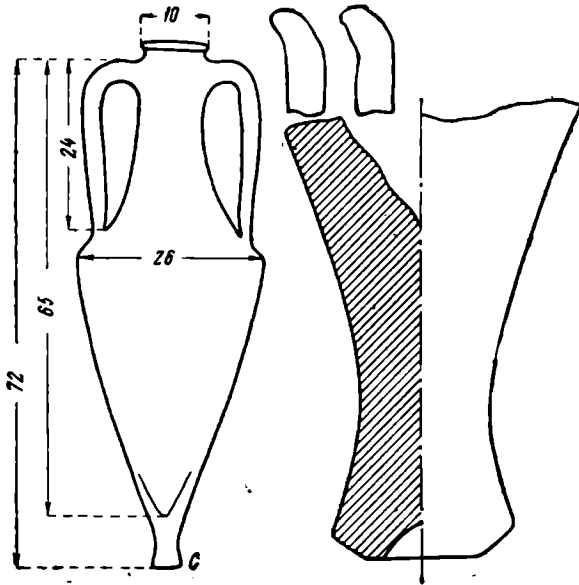

Рис. 11—1. Третий тип гераклейских амфор (Детали 2/5 н. в.)

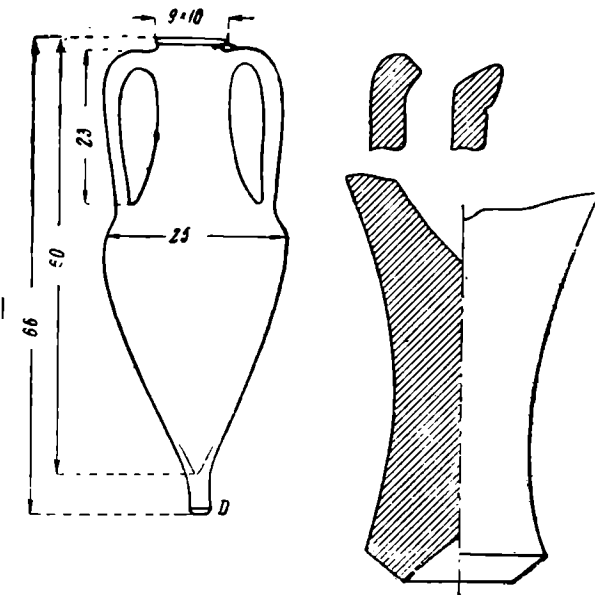

Рис. 11—2. Четвертый тип гераклейских амфор (Детали 2/5 н. в.)

Так, Διονύσις — постоянное имя на амфорах первого типа, а Ἡρακλείδης и Εὐκλάνης в большинстве случаев встречается на амфорах второго типа. Для амфор третьего типа характерны имена: Ἀνδρονίκος и Στυλός, а для амфор четвертого типа имена Λύκων, Ἀλέξα, Σκύτας и некоторые другие. Установить список имен на основании клейм цельных экземпляров не представляется возможным в силу их малочисленности. Однако привлечение массового материала клейм, несомненно, может уточнить этот вопрос.

² В нашем распоряжении имеется около 80 экземпляров цельных остродонных амфор музеев Москвы, Ленинграда, Керчи, Симферополя и Краснодара.

При совместном рассмотрении всех четырех типов бросается в глаза различие форм первого, второго и четвертого типов и промежуточное место, которое занимает среди них третий тип. Он представляет собой дальнейшее развитие первого типа, сохраняя основные черты его структуры, но в более вялых формах и вытянутых пропорциях. Округлое очертание полной ножки первого типа здесь приобретает более сухие формы. Дальнейшее развитие этой ножки дает еще более сухая геометризованная форма четвертого типа с четким профилем нижнего бокового среза.

Вместе с тем сжатость горла и форма тулова третьего типа настолько сходны с четвертым типом, что третий приходится рассматривать как форму, непосредственно предшествующую четвертому типу и, следовательно, наиболее позднюю из трех типов IV в., может быть, стоящую на рубеже IV и III в. до н. э.

Просмотр клейм каждого типа амфор в отдельности, при всей ограниченности материала,² позволяет заметить, что собственные имена, повторяющиеся неоднократно, в основном принадлежат амфорам одного типа.

Некоторые клейма содержат имена, перед которыми стоит слово $\epsilon\pi\iota$. По этому признаку Б. Н. Граков выделил список имен магистратов. Не обсуждая вопроса, — содержатся ли имена магистратов и в других клеймах, — что в данном контексте решающего значения не имеет, мы будем рассматривать клейма с предлогом $\epsilon\pi\iota$ как определенную формулу клейма, содержащего имя магистрата. Выясняется, что клейма с этой формулой в подавляющем большинстве случаев встречаются на амфорах четвертого типа и отчасти на амфорах третьего типа. Для первых двух типов эти клейма не характерны вовсе. Таким образом, и наличие определенной формулы клейма на третьем и четвертом типах амфор подтверждает непосредственную связь этих типов, уже отмеченную выше, при описании их форм.

Археологические комплексы, содержащие гераклейские амфоры, подтверждают наличие намеченных нами типов амфор и дают возможность судить об их хронологической связи.

В курганах № 2, 3, 9, 10 и 15 Елизаветовского некрополя (раскопки А. А. Миллера 1909 г.) были обнаружены амфоры первого и частично второго типа. Ни одной амфоры третьего и четвертого типов в этих погребениях не оказалось. Инвентарь этих погребений дает одновременный материал, не выходящий за пределы IV в. до н. э.

Наиболее ранние вещи из этих комплексов должны быть отнесены к середине IV в., как, например, комплекс 2-го погребения кургана № 15 с чернолаковым канфаром,³ отличающимся зеркальной поверхностью лака хорошего качества, чернолаковой тарелочкой со штампованным орнаментом,⁴ и комплекс кургана № 2 с краснофигурной котилей⁵ и чернолаковым киликом⁶ на кольцеобразной ножке с горизонтально поставленными округлыми ручками и штампованным орнаментом.

Амфоры третьего типа, совместно с датирующим комплексом, обнаружены только в кургане № 26 раскопок 1911 г. В инвентаре этого погребения — краснофигурный скифос второй половины IV в.⁷ и фрагментированная чернолаковая котила (не издана). Неровный обжиг, в результате которого на поверхности сосуда образовались пятна яркочерного и коричневого цвета, и тусклая поверхность лака позволяют датировать эту котилу наиболее поздним временем — в пределах IV в., что в свою очередь, подтверждает дату найденной совместно с нею амфоры третьего типа.

Амфоры четвертого типа из кургана № 4 раскопок 1909 г. найдены в комплексе, содержащем ряд предметов, наиболее поздние из которых относятся к началу III в. Так, лежавший непосредственно под гераклейской амфорой чернолаковый канфар,⁸ с тусклым коричневатым лаком буровато-

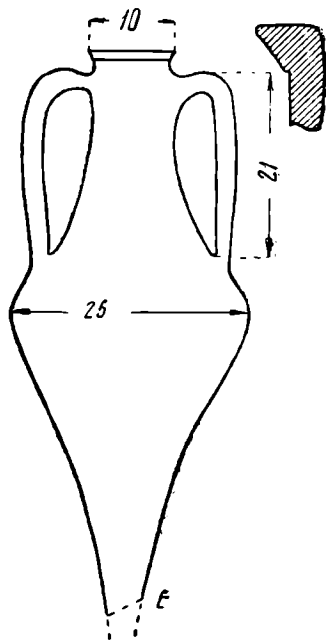

Рис. 11—3.
Пятый тип гераклейских амфор (Детали 2/5 н. в.)

³ ИАК, вып. 35, СПб., 1910, рис. 13, фиг. 13.

⁴ Там же, рис. 13, фиг. 9, 10.

⁵ Там же, вып. 35, рис. 15.

⁶ Там же, рис. 13, фиг. 1 и 2.

⁷ ИАК, вып. 56, рис. 45.

⁸ Там же, вып. 35, рис. 13, фиг. 15.

го оттенка, в очень вытянутых пропорциях, со сложно профилированной высокой ножкой и прямоугольной формой горизонтальной поверхности ручки, не может быть отнесен ко времени ранее начала III в. К этому же времени может быть отнесен сетчатый арибаллический лекиф⁹ вытянутой формы с небрежно нанесенной росписью.

Массовый амфорный материал из раскопок городищ также позволяет проследить намеченные типы гераклейских амфор.

Среди керамического материала большой загородной свалки древней Фанагории (раскопки 1939—1940 гг., некрополя им. И. М. Блаватской), относящегося в основном к IV в. до н. э. и отчасти к более позднему времени, обнаружены шесть ножек гераклейских амфор, из них пять ножек первого типа и одна ножка второго типа. Там же найдены два гераклейских клейма с алфавитом 1-й группы. В штыках же, соответствующих слою III в. до н. э., был обнаружен ряд характерных эллинистических профилей амфор, чернолаковые фрагменты III в. до н. э. и несколько ножек гераклейских амфор четвертого типа. Более ранние профили гераклейских амфор здесь отсутствовали.

Амфоры первого и второго типов постоянно встречаются совместно как в курганных комплексах, так и в массовом керамическом материале. Это дает основание обе группы считать одновременными. Они являются наиболее ранними из всех типов гераклейских амфор и должны быть отнесены ко второй половине IV в., начиная с середины столетия. Об этом свидетельствует не только датировка их клейм, но и ряд совместных находок в археологических комплексах.

Третий тип амфор является наиболее поздним из амфор IV в. и появляется, вероятно, на рубеже IV—III в., непосредственно предшествуя следующему четвертому типу, возникшему уже в III в. и существовавшему вплоть до 70-х годов этого столетия.

Вышеописанные четыре типа гераклейских амфор дают последовательное развитие их формы. Но существует еще один тип — пятый, который возникает независимо от общей эволюции. Эти амфоры являются подражанием фазосским: у них венчик с плоско срезанной поверхностью, горло, расширяющееся книзу и рюмкообразное тулово (рис. 11—3). К сожалению, ни одного экземпляра с сохранившейся ножкой в нашем распоряжении нет, но уже сам факт отсутствия их на всех экземплярах доказывает, что ножка должна была быть высокой и тонкой, в отличие от низких и полных ножек первого типа, которые, как правило, на цельных экземплярах всегда сохраняются.

⁹ Там же, вып. 35, фиг. 7

Н. Н. БРИТОВА

ОБРАЗ ВСАДНИКА НА РЕЛЬЕФАХ
ФРАКИИ И БОСПОРА

Образ всадника в искусстве Фракии и Боспора является наиболее ярким, своеобразным и устойчивым, и анализ этого образа проливает свет на вопрос о роли античности в культуре славянских народов.

Образ всадника абсолютно господствует в надгробных и обетных (во- тивных) рельефах Фракии и является одним из узловых, наиболее выра- зительных мотивов в искусстве Боспора позднеэллинистического времени.

Термин «фракийский всадник» ввел в науку французский исследова- тель А. Дюмон — первый исследователь Фракии конца 60-х гг. XIX в.

Преобладающее количество изображений всадника среди всех дошедших до нашего времени фракийских рельефов бросается в глаза с первого взгляда.

Образ героя-всадника был наиболее близок фракийцам, они вкладывали в него различное содержание. В этом облике они изображали и Юпи- тера — «Великого могучего героя», как гласит одна надпись, и Аполлона, который держит в руках лиру, над головой коня, и Диониса, и Сильвана, и Асклепия и других богов. В этом же облике фракийцы изображали и местных богов, имена которых носили фракийские горы, долины и реки; героизированные умершие также часто изображались на надгробных сте- лах в виде всадников.

Культ героя в античности был повсеместным явлением; в греческой мифологии он занимал значительное место, а во Фракии этот культ был развит особенно сильно, причем, если в иерархии греческих божеств герои занимают последнюю ступень между божествами и человеком, то во Фра- кии герой — это бог, и бог — это герой. В этом сказалось, быть может, длительное сохранение во Фракии традиций родового строя, для позднего этапа которого культ предков и героев особенно характерен.

Каноническим для Фракии является изображение молодого всадника с открытой головой, в плаще, на мчащемся вправо коне. Всадник изобра- жается с лицом, обращенным к зрителю, с копьем в поднятой правой руке; под конем, обычно, кабан и собака; перед конем дерево, на нем обви- вающая его змея, как обычный атрибут героя, и небольшой алтарь, к ко- торому прикасается своим копытом конь.¹

¹ Jahreshefte des österreichischen archeologischen Institutes in Wien, Bd. XXIV, 1929. Статья: Гаврил И. Казаров. Zum Kult des thrakischen Reiters in Bulgarien, стр. 139, рис. 57.

В данном изображении воспроизводится охота героя-всадника. Здесь могут быть варианты: вместо кабана — лев, иногда изображается уже пойманная серна, которую охотник берет в руки и в которую собаки вцепляются зубами. Герой иногда изображается поражающим врага.² Итак, это или герой всадник-охотник или всадник-воин. В отдельных случаях этот иконографический тип упрощается, некоторые детали опускаются.

Иногда конь изображается не скачущим, а галопирующим или идущим шагом и даже спокойно стоящим, но плащ всадника во всех случаях изображается развевающимся.³

Подобных рельефов сохранилось несколько сотен. Они хранятся в музеях Софии, Белграда, Загреба, Варны и других музеях Западной Европы. Это небольшие плиты (11—50 см высоты), большей частью мраморные; рельеф низкий, обычно не выступающий за пределы обрамления плиты; форма рельефов — слегка вытянутый прямоугольник, верхняя часть которого имеет характерное закругление. Подобные рельефы помещались, повидимому, на стенах святилищ.

Выполнение большинства этих рельефов носит ремесленный характер. Повидимому, они делались в местных центрах и имели обширный круг распространения. Так, даже в Крыму, в Ай-Тодоре, было обнаружено святилище фракийских богов с типичными мраморными «иконками».

подавляющее большинство фракийских рельефов по надписям и совместным монетным находкам определяется как произведения II—III в. н. э.

Изображения всадников на Боспорских надгробиях среди других сюжетов, более многочисленных, чем во Фракии, занимают почетное место и по своему значению и по количеству (около 10% имеющихся надгробий воспроизводят всадников).

Но смысловое значение этих изображений иное, чем во Фракии. На Боспоре всадник — это, прежде всего, определенный человек, имя которого стоит в надписи, это героизированный умерший. Отсюда проистекают и все остальные отличия. Атрибуты фракийских героев — змея и алтарь — на боспорских стелах отсутствуют. Характерно, что изображение всадника на скачущем коне известно на Боспоре с I в. до н. э., причем сходство с фракийскими сюжетами налицо, но имеются и различия; они заключаются в большей свободе, самостоятельности и в наличии более реалистического, чем во Фракии, воспроизведения этнографических особенностей: типа лица, костюма, вооружения и утвари. Даже такая ремесленная работа, как стела, воспроизведенная у Кизерицкого за № 555, может иллюстрировать это положение: всадник мчится влево, чего мы не встречаем в изображениях «фракийских всадников»; он одет в местный костюм, плотно облегающий тело, поджарая фигура степного коня передана очень точно, тщательно переданы горит, уздечка и другие детали.

Но изображение всадника на скачущем коне не получает широкого распространения в I в. н. э. В это время преобладают воспроизведения всадников на спокойно шагающих конях или даже на стоящих.

Интересны стелы с изображением всадника в сопровождении конного оруженосца,⁴ а также всадника с несколькими лошадьми.⁵ Костюм и вооружение на этих изображениях, повидимому, вполне реальны. В этих

² Там же, стр. 130, рис. 45.

³ Там же, стр. 134, рис. 50.

⁴ Kieseritzky und Watzinger. Griechische Grabrelief aus Südrussland, Berlin, 1908, табл. X, рис. 594; М. И. Ростовцев. Декоративная живопись на Юге России, табл. XXXIV.

⁵ Kieseritzky und Watzinger, табл. X, рис. 606; табл. XI, рис. 575 сл.

вещах чувствуется большое своеобразие, присущее местному боспорскому искусству. Мастера, выполнявшие эти надгробия, остро ощущают характер степных коней, красоту их силуэтов и дают это почувствовать зрителю. Поджарые, стройные фигуры коней с их точеными ногами, ритм медленного движения по безбрежным просторам степей, силуэты всадников с их длинными копьями — все вместе взятое, несмотря на условность и неумелость исполнения, доходчиво и убедительно.

Осложнения политической жизни на Боспоре во II в., в связи с усилившимся натиском кочевников, вызвали к жизни известные, правда, и ранее изображения всадников в полном вооружении на мчащихся конях, типа «фракийских всадников». ⁶

Ключом к пониманию боспорских рельефных стел являются росписи склепов. В них мы находим интереснейшие композиции, отражающие картины мира и войны. ⁷ В росписях мы наблюдаем те же иконографические типы, что и на стелах, но в живописи они представлены еще в более развернутом, более усложненном и более живом виде. Кроме того, многие детали росписей, данные в цвете, делают понятными некоторые детали рельефов и расширяют представление о полихромной окраске надгробий (излюбленными цветами, повидимому, были: синий, розовый, коричневый, желтый и, может быть, зеленый, а также черный).

Боспорские росписи, благодаря присущему боспорским мастерам стремлению старательно передавать особенности изображаемого народа в costume и вооружении, являются ценнейшим источником наших знаний о жизни боспоритов.

Боспорские росписи и надгробия значительно глубже и полнее отображают уклад жизни боспорского населения римского времени, чем фракийские рельефы. К тому же надгробия Боспора крупнее, весомее, монументальнее и художественнее, чем небольшие рельефы-иконки Фракии.

Расцвет боспорской надгробной скульптуры падает на конец эллинизма и I—II вв. н. э., т. е. на время, предшествующее массовому появлению фракийских рельефов (II—III вв. н. э.).

На Боспоре греческая культура не только воздействовала на местное варварское население, но и настолько глубоко его захватила, что искусство Боспора приобрело смешанный характер, это придало боспорскому искусству исключительную устойчивость и полнокровность.

Искусство Фракии, поскольку мы можем о нем судить, носило более консервативный религиозно-магический характер и, ограничиваясь сферой культа, в очень малой степени отображало быт фракийцев. Это утверждение касается только того материала, который нам известен, он очень не полон, так как совершенно не изучены памятники фракийской архаики, классики и эллинизма, которые таятся, вероятно, во множестве нетронутых курганов и в развалинах городов.

При указанных различиях скульптуры Фракии и Боспора, нельзя отрицать наличия общности тематики и иконографической близости ряда мотивов. Это сходство вытекает, видимо, из общности корней культуры Фракии и Боспора, тесно связанных со степными скифо-сарматскими кочевниками и Малой Азией.

Вопросы генетические, всегда наиболее трудные, ввиду отсутствия необходимых звеньев. Не исключена возможность, что фракийцы принесли идею всадника-героя-бога с своей родины, из Малой Азии.

⁶ Там же, рис. 561.

⁷ М. И. Ростовцев. Ук. соч., табл. 38 и 39.

Образ всадника (в том случае, если фракийцы являются действительно выходцами из Малой Азии) через Ионию попадает в Аттику и распространяется по всему Балканскому полуострову. В этом образе находит свое пластическое выражение фракийский бог-герой. Это слияние происходит настолько прочно, так органично, что образ всадника становится подлинно народным и держится очень долго. Образ героя-всадника проходит через века и с распространением христианства незаметно перевоплощается в изображение святого Георгия Победоносца и еще позднее — св. Димитрия Солунского.

В заключение можно сделать следующие выводы: скульптура Боспора и Фракии является самостоятельной культурой античного мира. Они соприкасаются между собой, их объединяет соседство с кочевым, степным миром, но эта связь ничего в сущности не изменяет ни в той, ни в другой. Это две ветви, идущие от одного мощного ствола античной культуры; фракийская ветвь послабей и покороче, боспорская — сильная, большая, раскидистая. Всадники боспорских стел и стенных росписей нашли свое отражение и в памятниках Восточной Европы; мы видим почти таких же всадников-воинов в росписях стен древних русских соборов, они крепко держатся в русских иконах, рельефах и в русской деревянной резьбе (см. деревянную икону Исторического музея).⁸

Сцены массовой композиции боя, как они решены на стенной росписи склепа Ашика и в склепе 1872 г., строятся на противопоставлении двух главных фигур, за которыми следуют остальные, между группами — нейтральное пространство, занятое убитыми и ранеными. Сходные композиционные решения мы найдем в русских миниатюрах и в русских рельефах. При этом эти мотивы держатся на Руси весьма долго (см. рельеф царского места в Успенском соборе).

Эти аналогии позволяют выдвинуть вопрос о роли боспорского искусства. Через Тмутараканское княжество славянские племена могли воспринять и унаследовать культурные и художественные достижения киммерийского Боспора. Херсонес и Тмутаракань являлись, повидимому, основными очагами, через которые Русь соприкасалась с причерноморской античной культурой.

⁸ А. А. Бобринский. Народн. русские деревянные изделия, т. 114, вып. VIII, рис. 3.

Т. В. БЛАВАТСКАЯ

О ФИНАНСОВЫХ КОЛЛЕГИЯХ ОЛЬВИИ И ИСТРИИ

В своем фундаментальном труде¹ В. В. Латышев установил наличие в Ольвии двух коллегий должностных лиц, ведавших финансами города. Οἱ ἐννέα распоряжались государственной казной, οἱ ἑπτὰ заведывали священной казной. Упоминания об этих коллегиях сохранились в декрете Протогена и на некоторых ольвийских монетах с легендой οἱ ἑπτὰ.² С тех пор, насколько нам известно, не было получено новых данных о содержании функций обеих коллегий. Подобные учреждения не были обнаружены и в других городах Греции.³ В метрополии Ольвии — Милете — существовал порядок смены казначеев ежемесячно,⁴ но определенного названия для коллегии ταμειονυτων нет. Казалось, что управление государственной и священной казной Коллегиями девяти и семи составляет особенность государственного устройства Ольвии.

Однако и в Истрии можно проследить следы специальной коллегии, ведавшей государственными финансами. В сохранившемся тексте постановления истрийцев в честь некоего κολλυβιδτη⁵ среди перечисления даруемых привилегий имеется фраза, восстанавливаемая издателем так: ἀτέλειαν δε εἶναι αὐτῶι ἐπὶ τῷ κολλυβῶ ὅπως [ὑπάρχῃ, ὁ νόμος κατὰ τὸ δόγμα τῶν δέξα... Исправлявший восстановление текста Робер⁶ внес изменения, по которым α есть начальная буква имени. Но восстановление... ἐπιτῶ κολλυβῶ) ὅπως [ὑπάρχῃ ὁ νόμος κατὰ τὸ δόγμα τῶν δέξα им не оспаривалось.

Эти немногие сохранившиеся слова текста указывают на существование в Истрии Коллегии десяти. В. Пырван считал функции οἱ δέξα похожими на обязанности коллегии пританов. Но текст декрета свидетельствует, что вопрос налога на размен денег — ο κολλυβος входил в компетенцию Коллегии

¹ В. В. Латышев. Исследования об истории и государственном строе Ольвии, СПб., 1887, стр. 288 сл.

² Об этих монетах упоминает В. В. Латышев (там же, стр. 294) на основании издания их П. О. Бурачковым (Каталог, стр. 57, № 120 и табл. V, № 88). В позднейших изданиях монет из Ольвии (В. В. Голубцов. ИАК, № 51, стр. 67—118; А. Н. Зограф. Ольвия, т. I, Киев, 1940, стр. 211—258) новых экземпляров с легендой ΟΙΕΠΤΑ нет.

³ Указания на подобные финансовые коллегии отсутствуют и в Pauly-Wissowa и в указателях Диттенбергера «SIG», изд. 3.

⁴ F. Bilabel. Die ionische Kolonisation, стр. 127.

⁵ Опубликовано V. Pârvan. Fouilles d'Histria. Dacia, II, стр. 198 сл., № 9. Издатель относит его ко времени около 200 г. до н. э.

⁶ L. Robert. Notes d'épigraphie hellénistique. BCH, LIII, 1929, стр. 154.

десяти. Привилегии, даруемые меняле-банкиру, зависели (если судить по предлогу ὅπως) именно от οἱ δέκα.

Нам известно существование в Ольвии строгого порядка обмена денег, регулируемого законодательством.⁷ Возможно, что и в Истрии были подобные правила, надзор за выполнением которых лежал на οἱ δέκα.

Это позволяет вывести заключение, что Коллегия десяти заведывала установлением налогов и пошлин на производимые в городе финансовые операции и наблюдением за поступлением доходов из этих источников. Отсюда несомненно, что эти магистраты заведывали государственной казной или частью ее, т. е. были финансовым органом городского управления. Прямую аналогию им представляют ольвийские οἱ ἐννέα.

Таким образом, декрет истрийцев в честь менялы не только устанавливает существование еще неизвестного доселе органа государственной власти в Истрии. Он открыл нам новую черту сходства между государственными устройствами Ольвии и Истрии, колоний-сестер на Понте.

В обоих городах существовали финансовые коллегии, неизвестные в их метрополии⁸. Возникновение их должно объяснить сходными условиями экономической и политической жизни по северо-западному берегу Понта. В других черноморских колониях не обнаружены еще подобные аналогии в государственном финансовом устройстве.

⁷ Iospe, I², 24.

⁸ Истрийских οἱ δέκα можно сравнить с комиссиями по десять человек, ведавшими в Афинах государственными доходами, имуществом и т. д. (Аристотель, 'Αθ. Πολ. 47, 1—3).

Н. М. ЛОСЕВА

ФРАГМЕНТ КРАСНОФИГУРНОГО КИЛИКА ИЗ ФАНАГОРИИ

(Раскопки экспедиции ГМИИ в 1938 г.)

В августе 1938 г., при раскопках «завала амфор»¹ западного некрополя (В) Фанагории, было обнаружено несколько фрагментов краснофигурного килика, которые впоследствии были склеены в музее. Составилась значительная часть дна килика на низкой ножке с прилегающей частью стенки. Высота фрагмента 0.05 м, длина — 0.08, ширина — 0.115 м. Нехватает, однако, довольно большого куска донца килика, на который приходились головы двух фигур, изображенных на внутренней стороне килика, и части правой ступни одной из фигур. С наружной стороны, на стенке, сохранились ноги еще двух фигур, повидимому, мужской и женской, и две густые, очень компактные двадцатилепестковые пальметты со спиралевидными завитками под ручками. На задней стороне донца имеется процарапанная надпись греческими буквами: «Γροτοππο». Очевидно, это имя владельца килика, которое можно толковать как «Γορτιππον», т. е. написанное в родительном падеже имя «Γορτιππος», встречающееся на Боспоре.

Характер глины и качество лака (довольно густого и блестящего), стиль рисунка и орнамент не оставляют сомнения в том, что килик является изделием аттической мастерской и привезен в качестве импортного товара в Фанагорию (рис. 12). На внутренней стороне донца килика изображены двое молодых мужчин, идущих обнявшись (рис. 13). О возрасте их можно судить по стройным пропорциям тела. Они идут так, что у правого выдвинута вперед левая нога, а у левого — правая. Это — прием, часто встречающийся у аттических мастеров краснофигурного стиля второй половины V в. до н. э. Благодаря этому движение получает особенно гармонический характер, и ноги не закрывают одна другую. Левый из идущих держит в руке палку: по сохранившимся листочкам можно заключить, что это фирс. Плащи обоих идущих перекинута через левые руки, концы их развеваются сзади парусом, образуя изогнутую линию. К концам плащей привешены гири.

Правый юноша, видимо, опирается на левого и идет несколько неуверенной походкой подвыпившего человека. Его тело имеет более мягкие и женственные формы, оно кажется более юным. Положение его согнутой в локте левой руки показывает, что он, по всей вероятности, держит в ней

¹ Свалка битых остродонных амфор близ юго-восточного угла фундамента «героона». См. отчет о раскопках в Фанагории за 1938 г.

чашу с вином. Обе фигуры можно было бы принять, на первый взгляд, за двух возвращающихся с пирушки комастов, но фирс в руке левого сразу указывает на то, что это какое-то лицо из круга Диониса. Только Дионис, силены и менады изображались в греческом искусстве с фирсом. Однако мы не видим у них хвостов, которые указывали бы на то, что это силены. Этому противоречат также стройные и юношеские пропорции их тел. Манера носить плащ, небрежно и вместе с тем красиво перекинутым через левую руку, и передача самого плаща с концами, развевающимися сзади парусом, очень характерны для изображения аттических комастов. Но комасты обычно изображались одетыми, а в данном случае юноши представлены обнаженными, как сатиры или силены. Не исключена возможность, судя по женственным формам тела, что правый из идущих — Дионис. Относительно левого — вопрос пока остается открытым.

Сохранившиеся на наружной стенке килика ноги фигур не оставляют сомнения в том, что мы имеем здесь обычный мотив силен, хватающего менаду.

Рисунок на изучаемом фрагменте свободный, но не беглый. Уверенное нанесение линий и умелая передача фигур свидетельствуют о художественном чутье и опыте мастера. Контурные линии, нанесенные лаком, дополняются внутренними линиями, исполненными более тонкой кистью.

Свободный, эластичный характер движений фигур, мотив развевающегося сзади плаща, встречающийся на ряде аттических ваз второй половины V в. до н. э., заставляют искать дату фрагмента именно в пределах этого времени. Очень характерно также и то, что у празого юноши нога лежит на ободке, обрамляющем изображение. Фигуры движутся легко, формы тел мягко переходят одна в другую. Здесь нет той подчеркнута выраженной структуры тела, которую мы наблюдаем на вазах строгого стиля. Но композиция рисунка продолжает оставаться простой истройной, без всякой перегруженности.

Наш килик нельзя отнести к работам тех вазописцев, творчество которых отражает черты монументального искусства Аттики второй трети V в. до н. э. Это уже более зрелая ступень свободного стиля, эпоха творчества Мидия, т. е. 430—425 гг. до н. э. В это время преобладают небольшие сосуды с тонким и изящным рисунком. Этой датировке вполне соответствует также форма и рисунок пальметт и сравнительно небольшой размер килика на низкой ножке. Но по стилю роспись описываемого килика проще и строже работ Мидия.

Сходные черты в некоторых элементах рисунка, в частности в характерной трактовке развевающегося сзади плаща, мы можем наблюдать на группе ваз из Гос. Эрмитажа, датируемых концом V в. до н. э.² На этих вазах изображены возвращающиеся с пира юноши-комасты. Две небольшие вазы Гос. Эрмитажа (Б2557 и Б2239) происходят из Керчи. На килике Б2239, найденном на горе Митридат, мы видим близкий мотив двух идущих обнявшихся юношей-комастов с плащами, перекинутыми через левые руки. Извивающийся конец плаща образует ту же линию, что и на нашем килике. Правая нога идущего справа юноши также лежит на ободке обрамляющего внутренний медальон орнамента. Но рисунок на вазах Эрмитажа более беглый и небрежный, чем на нашем фрагменте, и носит более ремесленный характер.

Аттическими мастерами, расписывавшими преимущественно килики, были работавшие одновременно с Мидием Аристофан и Айзон. Аристо-

² Гос. Эрмитаж, инв. №№ Б2557 и Б2239.

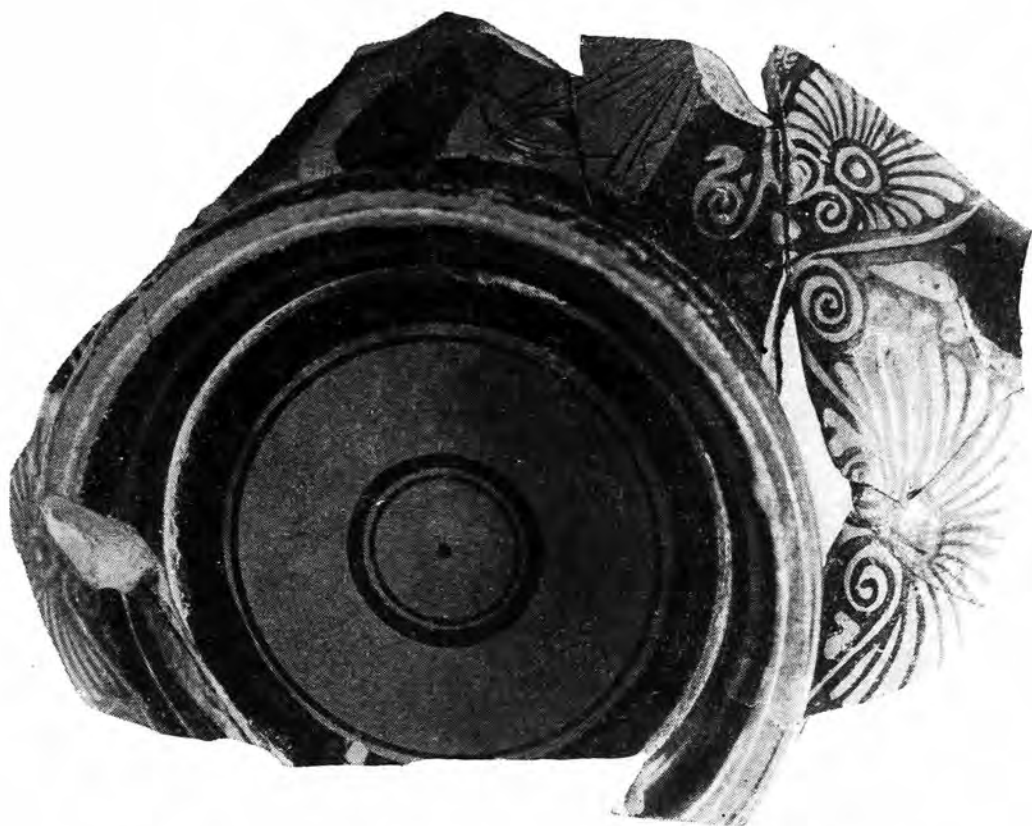

Рис. 12. Фрагмент краснофигурного килика из Фанагории

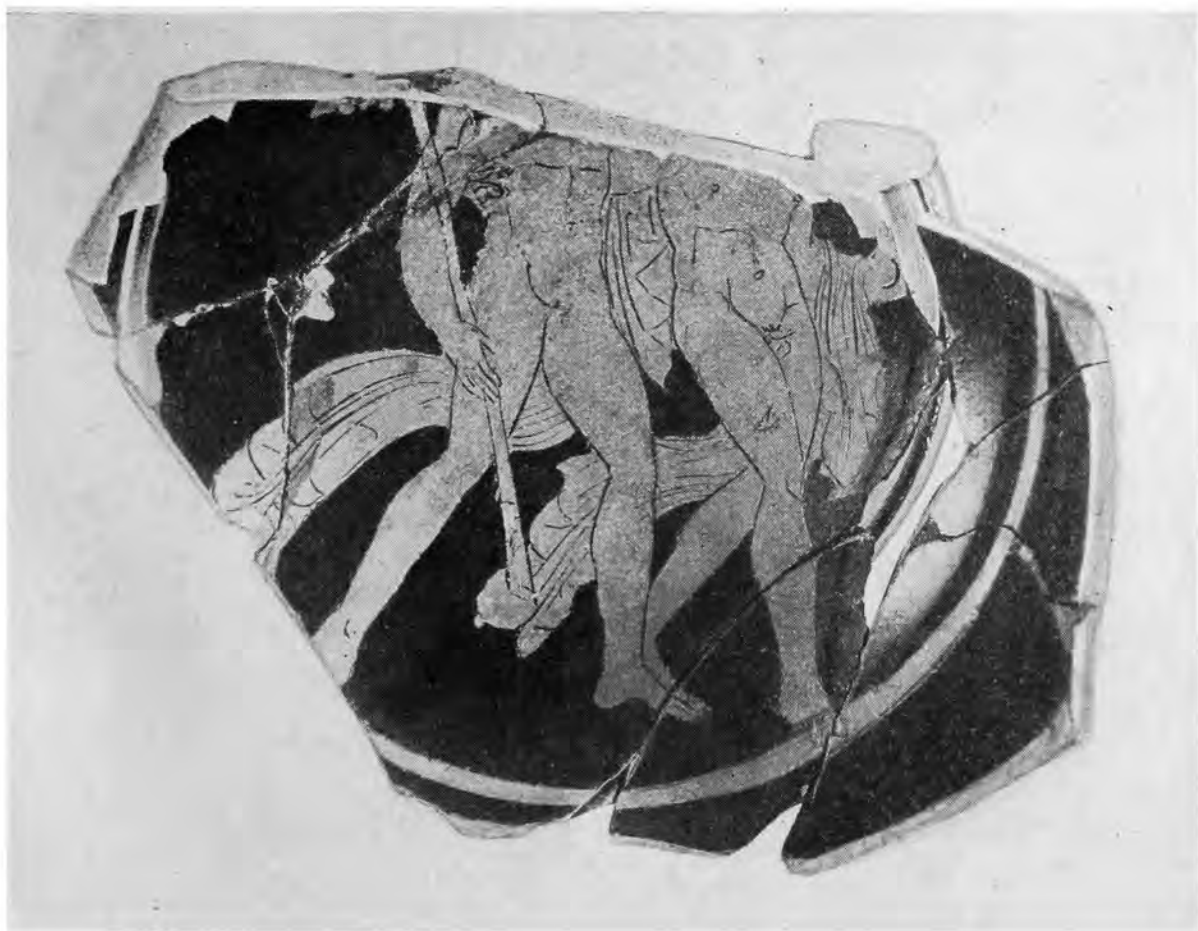

Рис. 13. Фрагмент краснофигурного килика из Фанагории

фан был более молодым из них и, вероятно, учеником Айзона. На килике в Мадриде с Тезеем и Минотавром работы Айзона³ мы видим близкую нашему фрагменту технику рисунка и сходство в передаче юношеского тела. На киликах Аристофана, находящихся в Берлине и Бостоне,⁴ мы встречаем близкий мотив плюща и характерное положение ноги на ободке, обрамляющем рисунок. Интересно отметить, что одна из реплик рисунка на килике Аристофана, изображающем кентавромахию, имеется на хранящемся в Эрмитаже фрагменте, найденном в кургане Большая Близица на Таманском полуострове.

Весьма вероятно, что мастер нашего килика принадлежит к кругу этих мастеров. Упомянутые вазы Гос. Эрмитажа с юношами-комастами отличаются уже более беглым рисунком. Они представляют переход к чисто ремесленному направлению в аттической вазописи конца V в. до н. э. По качеству росписи наш фрагмент не уступает дошедшим до нас произведениям Айзона и Аристофана. По своему стилю он более всего примыкает к росписям краснофигурных аттических ваз тридцатых и двадцатых годов V в. до н. э. и вряд ли может быть отнесен к середине или же к самому концу V века.

³ Antike Denkmäler, 2, табл. 1. Le Roy. Vases grecs du Musée archéologique de Madrid.

⁴ Furtwängler-Reichold. Die griechische Vasenmalerei, табл. 127, 128.

Н. Н. ПОГРЕБОВА

ГРИФОН В ИСКУССТВЕ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ
В ЭПОХУ АРХАИКИ

Изображение грифона в обоих его вариантах — с орлиной и с львиной головой — было широко распространено в искусстве Северного Причерноморья, особенно Боспора, главным образом в IV—III вв. до н. э. Однако проникает этот образ в Северное Причерноморье значительно раньше. Известные нам наиболее ранние памятники с изображением грифона относятся к VI в. до н. э. При этом в связи с разнородностью культурного облика Северного Причерноморья, доступного разным культурным воздействиям, эти изображения выявляют различные типы грифона, имеющие разное происхождение. В основном можно наметить три типа грифона: 1) ориентализирующий, переднеазиатский, 2) греческий, 3) скифского звериного стиля.

К первому типу относятся фантастические существа, изображенные на золотых ножнах мечей из Мельгуновского клада (Литой курган) (рис. 14) и Келермеса.¹ Оба погребения представляют собой наиболее ранние из известных нам скифских курганов Северного Причерноморья и связаны между собой стилистическим родством инвентаря. На тех и других ножнах разворачивается шествие фантастических существ с туловищами льва или быка, с головами льва, орла, барана, быка или человека и с крыльями в виде рыб. Существа с головами льва и орла держат в руках (человеческих) натянутые луки, как бы собираясь спустить стрелу. Из этих существ те фигуры, которые имеют львиное тело, орлиную голову и скорпионий хвост, несмотря на необычную форму крыльев, могут быть определены как грифоны.

Для Греции подобный тип грифона, конечно, необычен. По всей своей концепции эти существа являются несомненным продуктом древневосточных космогонических представлений, которые в излюбленные комбинации птичьих, животных и рыбьих форм вкладывали идею сочетания извечных природных стихий: неба, земли и воды. Фантастичность образа — вполне в переднеазиатском вкусе, так же как и спиралевидные локоны, ниспадающие с голов орлиноголовых грифонов Литого кургана. Подобные локоны можно встретить на грифонах хеттских печатей,² также на бронзовом урартийском грифоне из Топрах-Кале.^{3, 4}

¹ Келермесские ножны не опубликованы. Описание см. у Б. Б. Пиотровского. История и культура Урарту, 1944, стр. 312.

² A. Furtwängler. Antike Gemmen, табл. 1, 7.

³ RLV, т. XIII, табл. 98; ⁴ И. И. Мещанинов. Халдоведение, рис. на обложке.

В верхней части келермесских ножен изображены две крылатые человеческие фигуры, стоящие по обеим сторонам древа жизни в традиционной схеме переднеазиатских изображений. Над фигурами помещены солярные знаки — розетки. Таким образом, грифон является здесь участником комплекса изображений, раскрывающих определенную систему мировоззрения, связанного с идеями древневосточной космогонии. С другой стороны, четкость и ясность выполненных изображений напоминает работу ионий-

Рис. 14. Грифон на ножнах меча из Литого кургана

ских торевтов. Однако мне кажется более убедительным мнение Б. Б. Пиотровского, который ближайšie аналогии к этим памятникам находит в кругу урартийской культуры Закавказья.⁵

Отмечая «явно скифский стиль» изображений оленя и стилизованных птичьих голов на боковых выступах ножен, Б. Б. Пиотровский полагает, что эти «интереснейшие памятники» нельзя считать импортом и что они «или делались скифами под влиянием образцов урартийского (или вообще древневосточного) искусства или изготовлялись для скифов в кавказских районах, где урартийская культура была еще жива».⁶ Последняя же, в свою очередь, соприкасалась и с культурами Древнего Востока, и с ионийской культурой Греции.

Иного порядка грифон наблюдается на других памятниках, тоже из архаических скифских погребений. В том же Келермесе обнаружены высокохудожественные изделия, повидимому, греческой, ионийской работы: серебряное позолоченное зеркало и золотая диадема. Круглое массивное серебряное зеркало⁷ покрыто тонким золотым листом с выгравированными на нем изображениями. Последние, по наблюдению Б. В. Фармаковского,⁸ были выгравированы первоначально на серебряной поверхности самого

⁵ Б. Б. Пиотровский. История и культура Урарту, 1944, стр. 312.

⁶ Б. Б. Пиотровский. Ук. соч., стр. 312.

⁷ M. Rostovtzeff. Iranians and Greeks in S. Russia, Oxford, 1922, табл. 6; RLV, т. VI, табл. 81-а.

⁸ ОАК, 1905, стр. 56.

зеркала, а после укрепления на нем золотого листа — оттиснуты на этот лист.

Изображения келермесского зеркала состоят из ряда групп — это так называемая Артемида Персидская — *Πότνια θηρών* (Владычица зверей), держащая двух львов; два льва в геральдической схеме, под ними горный козел и баран; два сфинкса в симметричной группе над сидящим грифоном; орел и медведь, под ними лиса; две бородатые фигуры, борющиеся с грифоном; лев у пальмы над бараном; два сфинкса в геральдической схеме над пантерой; лев, терзающий быка, и внизу кабан.

Изображение сидящего орлиноголового грифона опубликовано Г. Боровкой в Известиях РАИМК, т. II, 1922 (рис. 15). Грифон изображен

Рис. 15. Грифон на зеркале из Келермеса

присевшим на задние лапы, как бы готовясь к прыжку. Тип, иконография и стиль его изображения чрезвычайно характерны для греческого искусства Малой Азии эпохи ранней архаики: на орлиной голове — длинные остроконечные уши, зубчатый гребень на шее еще отсутствует, нос украшает высокая острая надставка, клюв яростно раскрыт и из него высовывается извивающийся тонкий язык; по шее спускаются два спиралевидных локона, восходящие еще к хеттским прототипам и характерные для ранней греческой архаики.

Фигура грифона изолирована, как она чаще всего встречается в архаическом греческом искусстве. Крылья, состоящие из отдельных четко вырисованных перьев, подняты вверх почти прямо,

еще не приобретя той серповидной закругленности, которая характерна для поздней архаики. Такой тип крыльев, идущий от переднеазиатских и, в частности, от финикийских грифонов, преобладал в раннюю пору искусства острова Родоса и прибрежной полосы западной Малой Азии.⁹ Стилистическое родство грифона келермесского зеркала с грифонами на вазах милетско-родосского круга отмечает также и Боровка.¹⁰

Второй грифон на келермесском зеркале изображен в процессе борьбы с двумя бородатыми архаическими фигурами. Грифон стоит между ними на одной задней ноге, другой — отталкиваясь от противника, стоящего перед ним и схватившего его за обе передние лапы. Голову свою с яростно раскрытым клювом грифон повернул к другому противнику, стоящему сзади. Последний хватает грифона за горло и за хвост, т. е. по характеру борьбы, в которой противники одолевают его, сцена напоминает борьбу с грифоном финикийских памятников. По своему внешнему виду грифон аналогичен только что описанному.

Группа интересна тем, что она изображает грифона в момент активного действия в борьбе с людьми, что для греческой архаики крайне редко и не характерно. Для Северного Причерноморья это будет первый известный случай изображения грифона в многофигурной сцене активного действия. Подозревать здесь борьбу с аримаспами не приходится, так как

⁹ F. Poulsen. Der Orient und die frühgriechische Kunst, 1912, стр. 90.

¹⁰ Г. И. Боровка. Бронзовый олень Ульского кургана [Кубанской обл.], ИГАИМК, вып. 11, 1922.

в VI в. этот миф еще не был распространен. Самый характер борьбы резко отличен от обычных изображений сцен борьбы грифонов с аримаспами и амазонками на краснофигурных вазах, где грифон никогда не является побежденным.

Судя по сходству с подобными же изображениями в искусстве Передней Азии и, в частности, Финикии и принимая во внимание, что все остальные сюжеты изображений келермесского зеркала группируются вокруг центральной фигуры богини — Владычицы зверей, — происхождение данного мотива нужно искать в символике Передней Азии и связывать его, может быть, с культом Великой Матери.

Таким образом, для грифонов келермесского зеркала характерны два момента, которые можно будет проследить и в дальнейшей эволюции типа грифона в Северном Причерноморье. Здесь впервые для Юга СССР намечается связь грифона, с одной стороны, с Владычицей зверей, с другой — со сфинксами (над сидящим грифоном изображены два сфинкса). Мы увидим его в дальнейшем в непосредственной связи и с той и с другими в геральдических схемах последующего времени.

Художественный уровень изображений на келермесском зеркале очень высок, и сохранность вполне хорошая, почему выгравированные на нем грифоны могут по праву считаться наиболее классическим образцом греческого архаического грифона на Юге СССР.

Головка архаического грифона украшает также великолепную золотую диадему из того же погребения.¹¹ Диадема представляет собой золотой обруч с розетками, украшенный впереди пластической головкой грифона. С обруча свисают овальные подвески и две цепочки с бараньими головками на концах. Розетка и подвески инкрустированы синей эмалью. Грифон — архический, орлиноголовый с разинутым яростно клювом и острыми торчащими ушами. Характерно сочетание головки грифона с бараньими головами. Грифона вместе с бараном мы только что видели в свите Владычицы зверей. Оба они были, вероятно, привлечены как магические апотропеи для охраны покойного, так как диадема, опоясывавшая шлем,¹² имела здесь значение погребального венца. Тэния шлема, по описанию Шефольда,¹³ украшена была «скифскими птичьими головами».

В том же Келермесе прекрасный тип головы греческого архаического орлиноголового грифона с острыми торчащими ушами, большим выпуклым продолговатым глазом, яростно разинутым клювом и извивающимся языком мы находим на бронзовом навершии в форме типичного для Кубани сквозного полого бубенца.¹⁴

Навершия в скифских погребениях, наряду с конским уздечным набором, относятся к наиболее не-греческой части погребального инвентаря, связанной с не-греческим погребальным ритуалом. Но тип грифона — греческий архаический, созвучный бронзовым протомам от котлов из Олимпии¹⁵ и Дельф.¹⁶ Однако келермесское навершие все же несколько отличается от последних. Некоторые характерные признаки греческого архаического грифона здесь опущены: нет ни надставки на лбу, ни спиралевидных локонов, формы более обобщены. Особенно примечательна

¹¹ Б. В. Фармаковский. АА, 1905, стр. 58—59, рис. 4.

¹² RLV, XIII, табл. 82.

¹³ Schefold. ESA., XII, стр. 12.

¹⁴ G. Vogovka. Scythian Art, London, 1928, табл. 27; ОАК, № 118, 1908, рис. 169.

¹⁵ Словарь Roscher, т. I, ч. 2, стр. 1766; словарь Daremberg et Saglio, т. II, ч. 2, стр. 1672.

¹⁶ Fouilles de Delphes, т. V, вып. I, табл. X.

удивительно органическая связанность изображения с формой бубенца, округлые очертания которого повторяются контуром головы грифона. На фоне этих обобщенных форм хищно загнутый клюв и острые торчащие уши производят особенно сильное впечатление.

Для всех перечисленных памятников Келермеса характерна своеобразная смесь греческого с восточным и также со скифским. Она чувствуется в полихромном сочетании эмалированных украшений с золотом диадемы, в характере обработки головки грифона,¹⁷ в «скифских птичьих головах» шлема, в декоративности композиции, не-греческих сюжетах зеркала и в появлении греческого грифона на не-греческой утвари. Все это заставляет думать о центрах производства, открытых для всех этих культурных веяний; мне думается, что хотя бы для части вещей их приходится искать где-то в урартийском культурном кругу, поскольку «Урарту было самым тесным образом связано с Ионией»,¹⁸ но также и с Переднеазиатским Востоком и со скифами. Во всяком случае, очень возможно, что даже и ионийские вещи, каким, повидимому, является серебряное зеркало, могли, как указывает Б. Б. Пиотровский, в архаическую эпоху попадать на Кубань через Закавказье,¹⁹ роль которого, как передатчика разнородных культурных влияний, должна была быть очень велика.

Гораздо более уверенно о непосредственном греческом импорте можно говорить в отношении крайнего запада Северного Причерноморья. Изображение грифона на фрагменте расписной архаической энохи из Ольвии может рассматриваться, как образец чисто греческого (ионийского) архаического грифона.²⁰ К сожалению, от фигуры грифона сохранилась только часть головы, груди и передняя лапа, но и этого достаточно, чтобы составить себе о нем представление и оценить высокое художественное достоинство данного памятника.

Грифон изображен сидящим. Голова у него — орлиная, с архаической надставкой на лбу, яростно разинутым клювом, откуда высовывается тонкий извивающийся язык. Вполне отвечает манере архаического искусства ромбовидный глаз, а также изолированность сидящей фигуры среди таких же изолированных фигур других животных — в данном случае перед грифоном вырисовывается фрагментарно сохранившаяся фигура гуся. В поле между грифоном и гусем разбросаны солярные знаки — концентрические круги, свидетельствующие о древнем солярном значении грифона, которое он имел на Востоке, но которое в греческом искусстве принимает уже чисто орнаментальный смысл.

Судя по стилю росписи, Б. В. Фармаковский считает энохю импортной из Малой Азии и относит ее к разряду «милетско-родосских» архаических ваз.²¹ Фрагмент найден на территории греческого города, и ваза, повидимому, употреблялась у греческого населения.

В скифском искусстве с его звериным стилем такого ясно выраженного грифона, как на вышеуказанных импортных изделиях, мы не найдем во всем. То, что обычно принято называть «скифским грифоном», в большинстве случаев оказывается просто головой хищной птицы. Схема ее в виде большого выпуклого круглого глаза и загнутого книзу сомкнутого клюва с резко обозначенной восковицей чрезвычайно распространена в скифском

¹⁷ E. Minns. Scythians and Greeks, 1913, стр. 222.

¹⁸ Б. Б. Пиотровский. Ук. соч., стр. 320.

¹⁹ Там же.

²⁰ МАР, 34, табл. I.

²¹ Б. В. Фармаковский. Архаический период на Юге России. Там же, стр. 16.

быту. Этот мотив постоянно встречается на предметах утвари и особенно на вооружении и золотых и бронзовых частях конского уздечного набора.

Иногда встречается и целая фигура хищной птицы, именно птицы, а не грифона, как, например, на ножнах меча из Мельгуновского клада²²; см. также бронзовую птицу из Семибратних курганов.²³

Из хищных птиц особенное значение в обиходе скифов и других негреческих племен Северного Причерноморья имел, повидимому, орел. Весьма частое изображение орлиной головы на скифской конской сбруе говорит за то, что орел у скифов на той стадии, на которой мы застаем их на берегах Черного моря, связывался с покровительством конным воинам. Изображение орла должно было магически охранять их, сообщая силу удара, быстроту, боевую мощь.

С другой стороны, очень рано уже мы находим изображения, где этот традиционный образ реальной хищной птицы наделяется известными фантастическими элементами. Так, на бронзовом навершии из Ульского аула (курган № 2)²⁴ имеется изображение птичьей головы в виде круглого кольцеvidного глаза и огромного загнутого спиралью клюва, за глазом же прослеживается продолговатое остроконечное звериное ухо. Таким образом, создается фантастический образ птицы со звериным ухом, табл. 24 и 25.

На бронзовых псалях Ульского аула²⁵ изображены присевшие и пригнувшие к земле головы, готовясь к прыжку, фантастические хищники с орлиной головой и звериным, может быть львиным, телом. Стиль их изображения настолько своеобразен, что они лишь по чисто формальным признакам могут быть поставлены в связь с греческим грифоном.

Нет никакого сомнения в том, что скифский «грифон» представляет собой самобытное явление, уходящее своими корнями в далекое прошлое. Гольмстен,²⁶ анализируя скифо-сибирский звериный стиль, показала, что на определенной стадии развития в изображениях этого стиля сочетаются элементы тела разных зверей с целью усиления боевых и устрашающих качеств реального животного. Изображая хищную птицу на своем вооружении, скифский воин якобы магически приобретал ее свойства. Отсюда стремление изобразить ее возможно более внушительно, особенно подчеркнув ее крепкий, острый клюв и зоркий глаз, а иногда и цепкий коготь; добавление уха волка или другого зверя, а иногда и тела животного (Ульские псалии), должно было еще более усилить магическое действие изображения.

Так получился образ, иконографически близкий орлиноголовому грифону, с которым он ввиду этого легко стал отождествляться очень скоро после появления образа грифона в изделиях Северного Причерноморья. Слияние это произошло в первую очередь на территории Боспора, где мы видим больше всего и «импортных» грифонов, явившихся продуктом разнородных, западных и восточных, культовых представлений. Боспор остается главной территорией распространения изображений грифона и в последующую эпоху, когда наряду с дальнейшим развитием орлиноголового типа на переднеазиатской иконографической основе создается своеобразный облик боспорского львиноголового грифона. Но это происходит уже в V—IV вв. до н. э.

²² МАР, 31, СПб., 1911, табл. IV.

²³ M. Rostovtzeff. The Animal Style in S. Russia and China, 1929, табл. X, 5.

²⁴ M. Rostovtzeff. Ук. соч., табл. VI; Б. В. Фармаковский: МАР, 34, табл. XII, 4 и 6; G. Vorovka. Ук. соч., табл. 24 и 25.

²⁵ M. Rostovtzeff. Ук. соч., табл. VIII, 1.

²⁶ В. Гольмстен. Из области культа древней Сибири. Сб. в честь Н. Я. Марра. 1934, стр. 115—116.

Аналогичные две трубочки и подвеска были найдены в одном из курганов, исследованных в 1878 г. близ Семибратних, и с ними сопоставлены Стефани.⁷

В дважды ограбленном кургане Верхнего Рогачика, кроме «большого количества золотых рубчатых трубочек» и трех крупных подвесок (рис. 16), было обнаружено много золотых дутых бус и золотых пуговиц.⁸

В разрушенном центральном погребении Мордвиновского кургана среди разных украшений были найдены также трубочки и подвески.⁹

К перечню погребальных комплексов, содержащих золотые трубочки, можно прибавить, например, курган № 1 близ Мастюгина¹⁰ и ряд других памятников.

Аналогичной формы серебряные украшения встречаются значительно реже: они были найдены в кургане № 11, самом богатом из группы Частых курганов близ Воронежа,¹¹ и в Луговой могиле близ Александрополя.¹² Вообще серебряных уборов, в виду меньшей стойкости серебра к окислению в сравнении с золотом,—сохранилось очень мало. Во всех перечисленных примерах особый интерес для нас представляет находка золотых или серебряных трубочек вместе с подвесками и пуговицами и иногда, как, например, в Верхнем Рогачике, дополненных бусами.

Ростовцев¹³ справедливо усомнился в правильности предложенной Веселовским реконструкции шейного украшения из кургана Солоха.¹⁴ Действительно, в северо-восточной камере Чертомлыцкого кургана, содержащей одежды, украшенные множеством (429 экз.) различного типа золотых бляшек, согласно дневнику Забелина, было найдено бронзовое зеркало с железной ручкой, на нем «сетчатый убор, состоящий из золотых пуговиц и трубочек, перенизанных стеклянными синими бусами».¹⁵ Толстой и Кондаков указывают, что убор составляло «множество дутых подвесок, бус, трубочек и пуговиц». В том же помещении находился скелет, очевидно, мужской, так как при нем, кроме украшений, «у левого бока был ножик с костяным черенком и 67 бронзовых стрел со следами кожаного колчана».¹⁶

Более убедительное объяснение использования трубочек и подвесок из кургана Солоха дал Б. В. Фармаковский: по его мнению, они составляли «богатое украшение шеи, плеч и груди» и были соединены в виде сетки;¹⁷ при этом, не упоминая убор северо-восточной камеры Чертомлыка, в качестве доказательства автор привел шейный убор возницы Дария на мозаике Александра, найденной в Помпеях.¹⁸

⁷ Там же, 1880, стр. 97; Атлас, табл. IV, № 14 и 15.

⁸ Там же, 1913—15, стр. 135; всего налицо: 330 трубочек целых и 43 обломка; 252 пуговицы целых и три обломка.

⁹ Гермес, 1916, № 12; отд. оттиск, стр. 5, рис. 5.

¹⁰ ОАК, 1905, стр. 82 сл.; всего 262 трубочки и 23 подвески.

¹¹ С. Н. З а м я т н и н. Советская археология, вып. 8, стр. 43, М.—Л., 1946, рис. 32, 8.

¹² Рукописный каталог Кизерицкого, № 607 (53 трубочки); № 605 (22 подвески); № 606, 850 и 875 (26 целых и масса обломков бус).

¹³ Skythien und der Bosporus, стр. 371.

¹⁴ ОАК, 1913—15, стр. 114, рис. 86.

¹⁵ Древности Геродотовой Скифии, т. II, стр. 97.

¹⁶ Ук. соч., т. II, стр. 112.

¹⁷ Archäologischer Anzeiger, 1914, стр. 273.

¹⁸ Winter. Das Alexandermosaik aus Pompeji, 1908, табл. I (памятник воспроизведен в акварельном рисунке; к сожалению, использовать точное воспроизведение мозаики я не имела возможности).

Сообщение Забелина относительно формы упомянутого убора, найденного в северо-восточной камере и оставившего отпечаток на зеркале в Чертомлыцком кургане, заслуживает внимания, как подтверждающее структуру убора, восстанавливаемого Б. В. Фармаковским лишь на основании изображения на мозаике. На упомянутом бронзовом зеркале с железной ручкой (рис. 17) на рыхлой окиси бронзы до настоящего времени сохранился отпечаток части убора, который имел вид сетки, составленной из трубочек, каждые четыре конца которых соединялись синей стеклянной бусой, как отмечено Забелиным. Эти бусы (65 экз.)¹⁹ находятся среди материалов северо-восточной камеры Чертомлыцкого кургана. По нижнему краю убора на концах каждой пары трубочек была подвеска (рис. 18).

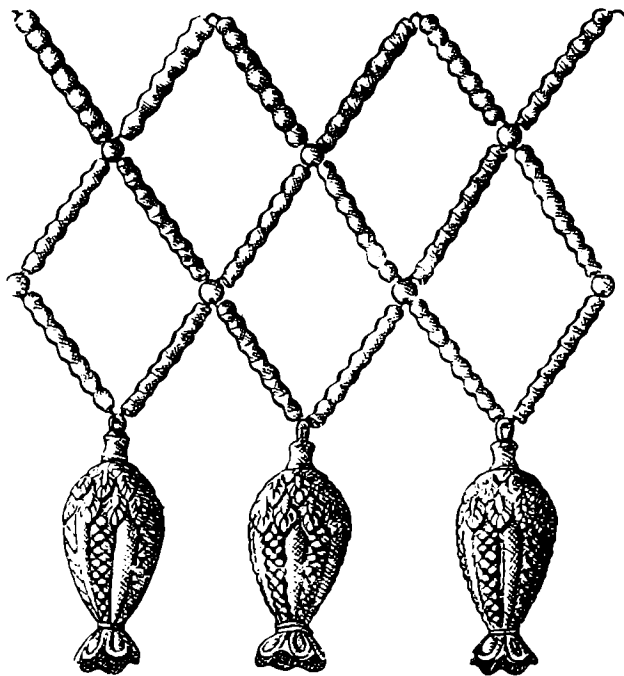

Рис. 18. Шейные уборы (реконструкция)

Нахождение описываемого убора в мужских погребениях (например, в Чертомлыке, Солохе) и узор возницы Дария на мозаике опровергают мнение Веселовского о принадлежности этого убора женскому инвентарю. Именно в женских погребениях (например, в северо-западной камере того же Чертомлыцкого кургана и в образцово исследованном Н. Е. Макаренко боковом погребении Мордвиновского кургана)²⁰ такие уборы отсутствуют. Наобо-

рот, наличие трубочек и подвесок в разрушенном центральном погребении Мордвиновского кургана²¹ может служить указанием на то, что это погребение было мужское. Исключением является,— правда, относящийся к более раннему времени,— курган 100 близ Синявки Каневского района,²² где трубочки были встречены в женском инвентаре и где они не были использованы в сетке, а только как пронизи ожерелья.

Отпечаток на бронзовом зеркале северо-восточной камеры Чертомлыка (рис. 17) позволяет восстановить вид данного убора, частичная реконструкция которого дана на рис. 18. Неясна роль мелких золотых пуговок, из которых шесть оказались прикрепленными окисью к железной ручке и к бронзовому диску зеркала,— чередовались ли они с бусами или служили обрамлением убора, подобно изображенному на мозаике Александра.

В уборе из юго-восточной погребальной камеры Чертомлыка, состоявшем из трубочек, привесок и пуговиц, последние могли быть использованы вместо отсутствующих в нем бус. Уборы из курганов Солохи и второго Семибратнего, состоящие только из трубочек и подвесок, принадлежали к

¹⁹ Инв. Гос. эрмитажа, № ДН1863 1/203.

²⁰ Т. к. указ. соч., т. II, 110. Гермес, 1916, № 12.

²¹ Там же, рис. 5.

²² Смела, III, 141, рис. 76. Б. Н. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, III, 1900, табл. LIX, ф.

типу наиболее простых из всех, нам известных, так как в них трубочки ничем перенизаны не были.²³

Следовательно, должны быть отвергнуты утверждения Тизенгаузена, что ожерелье второго Семибратнего кургана, состоявшее из трубочек и имевшее в длину 3,15 м, более десяти раз обвивало шею,²⁴ равно как и утверждение Ростовцева, что ожерелье из трубочек с подвесками «обвивало несколько раз золотыми нитками бюст и было каноничным для скифских дам приднепровской группы».²⁵

Согласно изображению на мозаике, для убора требовалось огромное количество трубочек, бус, пуговиц и подвесок; с уверенностью можно сказать, что ни один комплект убора не дошел до нас полностью, ввиду мелких размеров его составных частей, не исключая и полнее других сохранившегося убора из кургана Солохи; поэтому возможна лишь частичная реконструкция его.

Исполнение описанных уборов в большинстве случаев очень несовершенно, за исключением некоторых (например, убор из северо-восточной камеры Чертомлыцкого кургана,²⁶ Верхнего Рогачика, второго Семибратнего и Луговой могилы),²⁷ которые исполнены более тщательно, чем убор из кургана Солохи, и могут быть нами, вместе с Кизерицким, приняты за греческие, тогда как убор Солохи можно считать подражанием греческой продукции. Все же считать этот тип убора греческим нет оснований, так как на мозаике он фигурирует как украшение «варвара»-перса.

Правда, это обстоятельство не может служить указанием и его персидского происхождения. Автор мозаики, по мнению Кёрте,—Филоксен из Эретрии, изобразивший, как свидетельствует Плиний, для царя Кассандра битву Александра с Дарием при Иссе,²⁸ пренебрег исторической правдой и вооружил персов длинными македонскими копьями и греческим мечом с асимметрично изогнутой рукояткой. Как бы то ни было, мы признательны художнику за детали, которыми изобилует композиция, трактующая персов, как сильно эллинизированных варваров, которые более похожи на фракийцев или скифов, как они рисуются нам на основе изучения памятников их материальной культуры: украшенный бляшками кафтан Дария, расширенные анаксириды его воинов, витые шейные обручи, браслеты, рукоять меча с загнутым концом, длинные изогнутые псалии и налобники персидских коней и т. д. Все это встречается в археологических комплексах Западного и Северного Причерноморья, в частности, в обстановке скифских погребальных сооружений или в натуре, или изображенным на найденных в них памятниках «греко-варварского» искусства, т. е. изготовленных в греческом стиле и трактующих сюжеты из быта варваров, таких, как чертомлыцкая серебряная ваза, гребень, серебряный сосуд со сценами охоты из кургана Солохи и т. п.

²³ Следует отметить, что комплекс второго Семибратнего кургана по содержанию близок Солохе, например, наличием деревянного или костяного гребня, украшенного двумя головами уток, в золотой оправе, воспроизведенного в ОАК (1876, Атлас, табл. IV, 15) как предмет вооружения; серебряного налучья с изображением оленя с детенышем (там же, табл. IV, 1—3), ошибочно определяемого как украшение панцыря; серебряного ритона (там же, табл. IV, 8), которому принадлежит и украшавшая край его золотая треугольная пластинка (там же, табл. IV, 4), неправильно определяемая исследователем как украшение колчана; не подлежит сомнению, что погребение было мужским.

²⁴ ОАК, 1876, стр. 120.

²⁵ Там же, стр. 399.

²⁶ № 233, 237 и 240 по каталогу Кизерицкого.

²⁷ № 233, 237 и 240 по каталогу Кизерицкого.

²⁸ K ö r t e. Das Alexandermosaik aus Pompeji, Römische Mitteilungen, 1907, стр. 13—14.

Ростовцев отметил, что убор из трубочек с подвесками обычен для Приднепровья;²⁹ в действительности же он встречается по всей территории Северного Причерноморья (за исключением Крыма), от Прикубанья на востоке (а может быть и от Приуралья, если найденные в погребении близ Красногорского посада более 100 золотых трубочек имели аналогичное применение, а не обрамляли край плаща, как считает Макаренко)³⁰ до Воронежа на севере (курган № 11 в группе Частых, курган первый близ с. Мастюгина) и до правобережного Приднепровья на западе (разграбленные Чигиринские курганы в урочище Криворукова № 420 и 404).³¹ Время его распространения от V в. (второй Семибратный курган) до III в. до н. э. (Луговая могила и курган Мастюгина).

Иначе, вероятно, использовались украшения в виде трубочек, найденные в кургане Красногорского посада; этот убор выходит за пределы намеченных нами хронологических рамок и представляет более позднюю локальную, восточную, разновидность; или как в кургане № 100 у с. Синявки, наоборот, представляет более раннюю локальную, западную, особенность, так как датируется курган Синявки не позднее конца VI в. до н. э. и является ближайшей аналогией Журовскому кургану № 407 сходством бронзовых спиральных гвоздеобразных серег, формой золотой булавки и бляшки в виде оленя, наличием каменного блюда и пастовых конических и так называемых рубленых бус. Подобные бусы характерны для архаических комплексов типа Моздока и Келермеса.

На основании изложенного следует, что шейный убор в виде сетки — особенность богатого мужского костюма жителей Северного Причерноморья.

К сожалению, подобные украшения из других мест неизвестны, в частности, с территории монархии Дария, представителя которой наделил таким убором автор мозаики, или из Фракии, где в настоящее время наличный материал позволяет считать установленным следующий тип нагрудного убора, близкого к описанным выше: на территории Болгарии в 11 случаях были найдены в погребениях V в. до н. э. золотые пластины удлиненной формы с рельефным (большой частью геометрическим или растительным) орнаментом и в одном случае (Башова могила) с изображением фигуры льва; все, безусловно, «варварского» стиля и техники.³²

Часть уборов в виде пластинок формы вытянутого овала или близкой к нему (длина около 17 см, ширина около 8 см) заполнена повторяющимся мелким штампованным узором из розеток или полушарий; таковы уборы из погребений Червенкова, Кукува, Мушовица, Арабаджийската и относятся к первой половине V в.

Другая часть уборов имеет округлый нижний край и вырез в средней части верхнего края (длина 13,8—38,5 см; ширина 7,5—21 см); это уборы из погребений Големата (два), Длбоки и Башова. Они датируются второй половиной V в. Особенный интерес представляет убор из Длбоки (близ Старой Загоры) в форме полукруглой пластины с вырезом в верхней части, длиной 36 см, шириной 21 см. На ней концентрическими рядами располагаются рельефные изображения, напоминающие сетчатый узор; изображения эти нанесены мелким штампом в виде головы зверя, полушарий и розетки, по нижнему округлому краю — овы (рис. 19).³³ По мне-

²⁹ Ук. соч., 314, 399.

³⁰ ОАК, 1903, стр. 127; Тр. Оренб. ученой архивной комиссии, т. XVI, стр. 82.

³¹ ИАК, 14, стр. 32—35.

³² Перечень их см. в Изв. Болг. археол. ин-та, т. 7, стр. 231.

³³ Изв. Болг. археол. ин-та, т. VI, стр. 48—49, рис. 36, 3 и 37, 1.

Рис. 16. Шейный убор из кургана Верхний Рогачик

Рис. 17. Бронзовое зеркало из Чертомлыцкого кургана

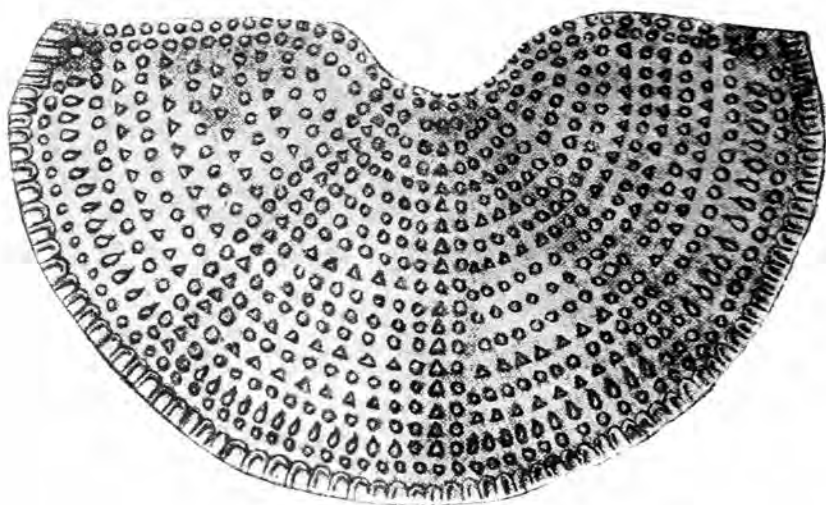

Рис 19. Детали шейных уборов

нию автора, публикующего эти предметы,³⁴ и согласно с Феттихом,³⁵ мужские нагрудные украшения отнюдь не свойственны греческому быту, в античных погребениях не встречаются и все болгарские находки, без сомнения, — продукция местных фракийских мастеров.

В Северном Причерноморье был найден единственный нагрудный убор этого типа — происходящая из Ильинецкого кургана круглая бронзовая гладкая пластина с вырезом, подобная пластине из Длбоки.³⁶

Сходство фракийских нагрудных ubоров с шейными уборами Северного Причерноморья — один из моментов культурной близости этих областей.

Можно надеяться, что в дальнейшем будут открыты новые материалы, доказывающие связи Фракии с Северным Причерноморьем, пока только намечаемые.

³⁴ Изв. Болг. археол. ин-та, т. VI, стр. 54.

³⁵ Der Schildbuckel von Herpály. Acta archaeologica, I, 1930, стр. 251, 257 сл.

³⁶ Инв. Госуд. Эрмитажа № ДН 1932 72/15.

Н. Я. МЕРПЕРТ

АКИНАК С КОГТЕВИДНЫМ НАВЕРШИЕМ

В античном отделе Музея изобразительных искусств хранится скифский меч, восстановленный почти полностью из трех обломков (рис. 20).¹ Отсутствуют лишь одна из антенн навершия и самый конец полосы. Обстоятельства находки меча неизвестны, поэтому единственным путем определения его является типологический анализ и сравнение с аналогичными экземплярами, датированными комплексами.

Меч целиком сделан из железа. Общая длина его 51.5 см, из них на полосу падает 37.5 см, на рукоятку — 14 см. Ширина полосы у перекрестия 5.3 см. Лезвия прямые, заметно сужающиеся, что придает полосе почти треугольную форму. Полоса плоская с обеих сторон, никаких признаков ребра, или дола, не наблюдается.² Такая форма полосы, как и ее размеры, весьма характерны для скифских мечей. Гинтерс в своем исследовании, посвященном скифским и сарматским мечам, указывает на два основных типа полос скифских акинаков.³ Полосы первого типа имеют параллельные, сужающиеся только у конца лезвия. Полосы второго типа имеют равномерно сужающиеся лезвия. Их общая форма близка к треугольнику. Они подобны полосе изучаемого акинака. С обеих сторон нашей полосы на поверхности имеются частицы золота. Оно принадлежало, очевидно, обкладке ножен.

Столь же характерна и форма рукоятки (рис. 22 — 1). Перекрестие имеет очень четкую сердцевидную форму, без всяких признаков схематизации; длина его — 8 см, высота — 4.2 см. Стержень и навершие сохранились плохо. Стержень в ряде мест покрыт хлорным железом, образовавшимся под воздействием разложения трупа. Это позволяет полагать, что меч найден в могиле. В разрезе стержень плоско-овальный; с обеих сторон его окаймляют валики, снабженные насечкой, что обычно для скифских рукояток. Валики ограничивают продолговатое, несколько вогнутое поле.⁴

Навершие состоит из двух антенн. Одна из них обломана у основания, другая сохранилась полностью. У основания последней можно заметить изображение глаза. Второй глаз, у основания обломанной антенны, почти

¹ Инв. № II — 1 — а — 478.

² Дол, или ребро, у скифских мечей отмечены неоднократно.

³ W. Ginters. Das Schwert der Skythen und Sarmaten in Südrussland, 1928.

⁴ В археологической литературе неоднократно высказывалось мнение, согласно которому это поле служило касетой для вставления деревянных или костяных пластин. Мне это суждение представляется полностью ошибочным. На поле много раз были отмечены изображения (рукоятки из Солохи, Елизаветовской станицы и многие другие), да и вогнутость слишком незначительна.

не сохранился. Высота антенн 3,3 см. На обеих боковых сторонах рукоятки видны продольные трещины, идущие от навершия до перекрестия. Это, очевидно, результат ржавчины и продолжительного пребывания в земле: трещины отделяют хорошо прокованные поверхностные части стержня от менее прокованной сердцевины.⁵ Перекрестие состоит из двух пластин. Оно напущено на стержень. В свое время Ленц высказал мнение, согласно которому скифское перекрестие служило для скрепления полосы с рукояткой.⁶ Вряд ли можно согласиться с подобным утверждением. Стержень рукоятки обычно выковывался вместе с полосой и в подобном скреплении не нуждался, да и не могли тонкие пластины перекрестия служить сколько-нибудь надежным скреплением полосы с рукояткой. Вместе с тем отрицание Ленцем защитной роли скифского перекрестия представляется мне необоснованным.

Обычно при исследовании и определении скифских мечей основное внимание обращается на форму рукоятки. Составные части ее — навершие и перекрестие — имеют характерные формы, которые могут быть использованы для решения таких вопросов, как датировка мечей, их территориальное распространение и пр. Другим, не менее важным объектом исследования является орнамент. Наш акинак орнамента не имеет. Но форма его рукоятки довольно характерна, хотя сама рукоятка и не может относиться к лучшим образцам подобного типа.

Начнем с навершия. Сохранившаяся антенна навершия нашего акинака не может считаться простым завитком. Форма ее несколько сложнее. Антенна как бы членится на несколько частей: эти части видны недостаточно четко вследствие плохой сохранности рукоятки. Первые два колена антенны расположены почти под прямым углом друг к другу, с внешней стороны они ограничены прямыми линиями. Далее линия округляется, загибаясь вниз. У основания антенны видно изображение глаза — окружность, в которую вписана другая, значительно меньшая. У основания второй антенны также был изображен глаз, но он сохранился много хуже.

Подобная схема навершия неоднократно отмечалась у скифских мечей. Чтобы лучше проследить ее, рассмотрим две хорошо сохранившиеся рукоятки. Первая принадлежит мечу, найденному в с. Пиликовка Орловской обл. и хранившемуся до войны в Воронежском музее (рис. 22—2). Вторая — из коллекции Щукина, место находки ее неизвестно (рис. 22—3). Оба меча имеют почти одинаковые навершия. Схема навершия, его попе-

Рис. 20. Акинак
из коллекции
ГМИИ

⁵ Может быть выдвинуто и другое объяснение — рукоятка могла состоять из трех пластин: центральной, — выкованной вместе с полосой, — и двух боковых, прикрепленных к ней. В таком случае трещины были бы результатом определенного конструктивного приема. Но аналогичных случаев я не знаю. Следов заклепок на нашей рукоятке нет, поэтому данное объяснение менее вероятно.

⁶ Ленц. Заметки о предметах вооружения из раскопок 1903 г., ИАК, № 14, стр. 63, СПб., 1905 г.

речное и продольное членение, прослеживаются здесь очень четко. Оба навершия имеют хорошо сохранившиеся изображения глаз у основания обеих антенн.⁷

Таковую же схему навершия имеют обложенные золотом рукоятки из Солохи, из Осняг, близ Бельского городища, из станицы Елизаветовской и из кургана № 2, близ Ромен. Эти четыре рукоятки весьма сходны между собой. Все они сделаны из железа и охвачены тонкими листами золота. С этой техникой связана, видимо, особенность их наверший: они

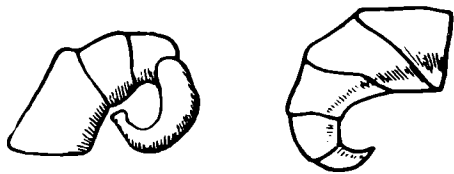

Рис. 21. Бронзовые привески в виде когтей хищной птицы

не ажурные, подобно навершию нашего меча, но сплошные. Золотая пластина набита здесь на сплошное железное навершие. Описанная нами схема антенн у этих мечей несколько усложнена. Это привело к неправильному пониманию ее А. А. Бобринским, А. А. Миллером, В. А. Городцовым.

А. А. Бобринский⁸ считал, что навершие рукоятки меча, найденной близ Ромен, изображает две сходящиеся головки грифонов. Сходную трактовку дал А. А. Миллер рукоятке меча из станицы Елизаветовской. Он пишет: «Верхушка... украшена изображением, в котором я вижу лишь общие намеки на известную стилизацию голов грифонов».⁹ Неправильное понимание, как мне представляется, привело к неправильной реконструкции рукояток обоими этими исследователями: подчеркнув второстепенные линии, линии членения, они не отметили должным образом основных граней схемы. М. И. Ростовцев, описывая меч из Солохи, склоняется к такому же объяснению схемы навершия, он считает, что антенны его «трактованы, как птичьи головы».¹⁰

Иную трактовку дал В. А. Городцов навершию меча из Осняг.¹¹ Он увидел здесь «две головы животного, вероятно тельца, выполненные очень схематично». В. А. Городцов основывался, очевидно, на сходстве внешних очертаний навершия с известной рукояткой из Чертомлыка. Но о действительном сходстве вряд ли можно говорить, с такой трактовкой согласиться трудно.

Три первых исследователя трактовали антенны одинаково: они видели в них птичьи (или грифоньи) головы. Но при таком решении вопроса остается необъяснимым расположение глаза: он не увязывается с антенной. Да и самые антенны у описанных нами мечей очень мало напоминают птичий клюв. Нам известны изображения клюва в скифском искусстве; известны также антенны наверший кинжалов и мечей, безусловно трактованные, как птичьи головы. Особенно много их в Сибири.¹² Схема этих наверший значительно отличается от описываемой. Глаз изображен на своем месте, т. е. на самой антенне, которая в этом месте расширяется.

⁷ Обе рукоятки нигде не изданы; рисунки их были предоставлены мне проф. Б. Н. Граковым, оказавшим мне большую помощь при работе над этой статьей, за что приношу ему глубокую благодарность.

⁸ А. Бобринский. Курганы и отдельные находки близ местечка Смела, т. II, стр. 164, табл. VII, СПб., 1894.

⁹ А. А. Миллер. Раскопки в районе древнего Танаиса. ИАК, 6 35, СПб., 1910 г. стр. 115, табл. V.

¹⁰ М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, Л., 1925 г., стр. 419.

¹¹ В. А. Городцов. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губ. в 1908 г. Тр. XIV Археол. съезда, т. 3, табл. III, рис. 4.

¹² Martin. L'âge de bronze, 1893; Merghard. Bronzenzeit am Elysssei; К л е м е н ц. Древности Минусинского музея, Атлас 1886 г.

Общая схема совершенно ясна: шея, голова, клюв. Ничего общего с нашей группой она не имеет.

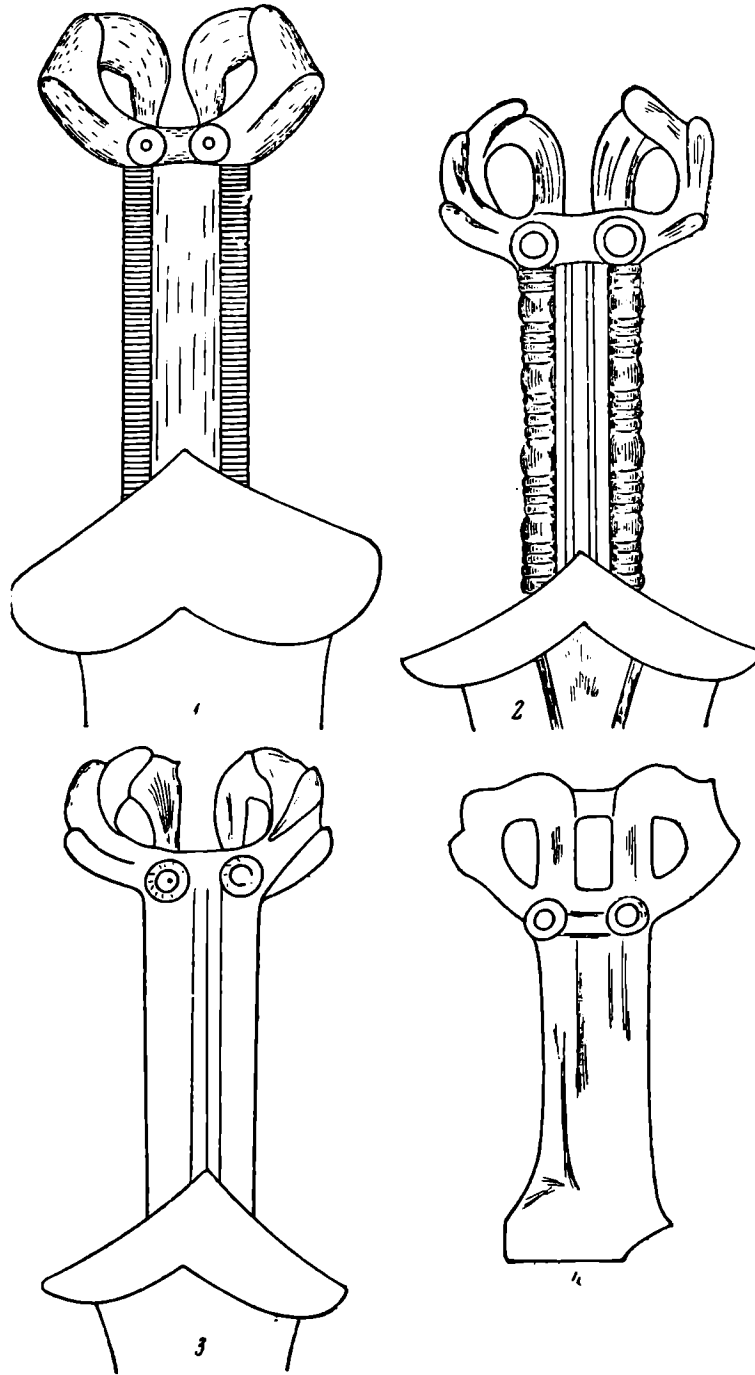

Рис. 22. Рукоятки акинака и мечей

1—рукоятка акинака из коллекции ГМИИ (реконструкция); 2—рукоятка меча из с. Паликовка Елецкого р-на Орловской обл. (Воронежский музей); 3—рукоятка меча из коллекции Щукина: (ГИМ, место находки неизвестно); 4—рукоятка меча из уроч. Стайки Верх. Раскопки Д. Я. Самохвасова

В нашей схеме мы имеем дело с другим, не менее распространенным в скифском искусстве мотивом,— с мотивом когтя. Во время раскопок в Чигиринском уезде в 1903 г., А. Бобринским в кургане С—1 были

найлены «четыре бронзовые привески в виде птичьих когтей» (рис. 21).¹³ Правильность их трактовки не вызывает сомнения. Их схема и характер членения полностью повторяются нашими антеннами (ср. с рис. 22—2—3). Вместе с тем найденные здесь же (курганы CD и CDI) бронзовые бляхи «в виде фантастической головки грифа с загнутым клювом или хоботом»¹⁴ ничего общего с нашим навершием не имеют.

Итак, наши антенны трактованы, как когти хищной птицы, скорее всего орла. Такой мотив можно связать с колюще-режущей, в основном, функцией акинака. Удар меча подобен удару орлиного когтя. Это мотив цепкости, силы удара. С ним связан второй мотив — мотив зоркости и меткости. Его символизируют изображения глаз у основания антенн.

Перейдем к вопросу о датировке нашего меча. Датировочным моментом здесь является прежде всего навершие, схему которого я пытался объяснить. Схема эта появляется сравнительно рано. Бронзовые когтевидные привески из кургана CDI Чигиринского уезда хорошо датируются киликом и остродонной амфорой с раздутым горлом первой четвертью V в. до н. э., а также ранней формой киафа.¹⁵ Во время раскопок М. Эберта в хуторе Марицыно Херсонской губ. были найдены два меча (в курганах С₁ и Т₁).¹⁶ Рукоятки этих мечей сохранились плохо, но одна из них имеет изображения глаз и такую же схему навершия, что и наш меч (из кургана Т₁). Оба кургана датируются чернолаковыми киликами и остродонными амфорами с раздутым горлом первой четвертью V в. до н. э.¹⁷ В кургане Т₁ найден лекиф того же времени.¹⁸

Наибольшее распространение наш мотив получил в IV в. до н. э. К началу IV в. или, может быть, к самому концу V в. до н. э. относится рукоятка меча из Солохи. Меч из курганов станицы Елизаветовской был неправильно датирован Боровкой V в.; он, скорее всего, относится к IV в. (по форме и клеймам найденных с ним гераклеийских амфор).¹⁹ Рукоятка из Осняг близ Бельского городища датируется по наконечникам стрел также IV в.;²⁰ IV в. датируется и рукоятка из-под Ромен, опубликованная Бобринским.

Все эти массивные, обложенные золотом рукоятки по времени ближе к IV в.²¹

Меч с нашей схемой навершия был найден Д. Я. Самоквасовым в уро-

¹³ А. Бобринский. Отчет о раскопках в Чигиринском уезде в 1903 г. ИАК, № 14, СПб., 1905 г., стр. 17, рис. 42.

¹⁴ Там же, стр. 9 и 16, рис. 9 и 39.

¹⁵ А. Бобринский. Ук. соч., рис. 34 и 37.

¹⁶ М. Ebert. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn. Praehistor. Zeitschr., 1913.

¹⁷ Там же, стр. 12, рис. 9—10.

¹⁸ Там же, стр. 16, рис. 19.

¹⁹ Миллер. Ук. соч., рис. 10, фиг. 5.

²⁰ P. Rau. Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet, 1929 г., Табл. X (a—c—стрелы из Цимбалки; табл. I f и h стрелы из Осняг).

²¹ Остается неясной датировка самого западного варианта меча с навершием в виде когтей — меча из Алдоболы (Трансильвания). Этот меч имеет весьма реалистически трактованное навершие в виде птичьих когтей; с обеих сторон перекрестия представлены лежащие на спинах пантеры. Совершенно неверную датировку его дал Bela Posta (Archäolog. Studien auf russ., Boden, стр. 96 сл.). Он относил его к началу нашей эры. Ростовцев отнес его к позднему эллинизму. Гинтерс (ук. соч., стр. 42) увидел на навершии дельфинов и исследовал этот мотив в Средиземноморье, где он встречается на вазах III в. до н. э. и особенно распространяется в архитектуре эпохи Флавиев. Гинтерс допускал и местное возникновение его. Форму полосы и длину его (112 см) он считал для скифов необычной и сблизил ее с сарматскими мечами. Поэтому и он был склонен к поздней датировке меча. Мне такая трактовка навершия представляется необоснованной: мне кажется, что его следует сблизать не с римскими архитектурными рельефами, а со скифскими когтевидными навершиями.

чище Стайкин Верх во время раскопок в Аксютинцах²² (рис. 21, 4). Вместе с ним найдены стрелы, близкие к оснягинским (около 100 штук), золотые трубки второй половины IV в.²³, золотые бусы, обычные для царских курганов.²⁴

Все рассмотренные нами примеры хронологически близки друг другу. Мотив глаза и когтя,— мотив зоркости и цепкости,— хронологически ограничен двумя веками — V и IV. Отдельные образцы мечей с подобными навершиями могли заходить и в III в., но мне они пока неизвестны. Самые антенны живут еще долго, но схема их уже совершенно иная. Они трактуются либо в виде серпа, либо в виде простого завитка. Самый поздний образец антеннового навершия найден в Зубовском хуторе на Кубани, он датируется рубежом II и I в. до н. э.²⁵

Некоторые датирующие сведения может дать и перекрестие нашего меча. Оно имеет четкую сердцевидную форму; верхние грани скошены; нижний вырез довольно глубок.

Сердцевидное перекрестие впервые появляется и распространяется в архаической группе скифских мечей. Таковы перекрестия мечей из Мельгуновского и Келермесского курганов, из кургана близ Томаковки и др. Эта же форма доживает без принципиальных изменений до конца IV в. Правда, к этому времени некоторые мечи заменяют это традиционное перекрестие простой трапецией. Таков меч из склепа Мирзы Кекуватского. Но это лишь отдельные исключения. Сердцевидная схема продолжает жить, пример тому мечи из III и V гробниц Чертомлыка.

И все же некоторую общую схематизацию перекрестия в Причерноморской Скифии проследить можно. К III в. оно приближается к правильной треугольной форме. Его вырез и, соответственно, округлость нижних граней становятся меньшими. У перекрестия нашего меча никаких признаков схематизации еще нет. С другой стороны, скошенные грани не позволяют сопоставлять его с архаическими перекрестиями. Из рассмотренных нами примеров к нему ближе всего перекрестие меча из кургана T₁ близ хутора Марицына. Таким образом, и форма перекрестия служит некоторым подтверждением хронологических рамок, установленных нами по типу навершия. Наш меч не может быть моложе IV в. Наиболее вероятной датой его является V в.

Остается сказать несколько слов о территориальном распространении нашего типа мечей. Основным признаком и здесь является навершие. Большинство найденных до сих пор рукояток с таким типом навершия относится к Причерноморской Скифии, но отдельные экземпляры встречаются на обширной территории как на западе (Трансильвания), так и на востоке (Оренбургская обл.).²⁶ Можно предполагать, что для востока они не характерны,— там обычны рукоятки с орлиными головами. На юге же, в Причерноморской Скифии, наоборот,— необычны орлиные головы, здесь распространены навершия, трактованные, как орлиные когти.

²² Д. Я. Самоквасов. Каталог коллекции древностей, стр. 31, могила 3, № 1517.

²³ Аналогичные найдены в кургане № 5 Рыжановской группы, где они датируются золотым статером 20-х гг. V в. (по Зографу).

²⁴ По определению Б. Н. Гракова.

²⁵ По золотым статерам из аналогичного комплекса из станицы Северской. Меч хранится в Эрмитаже под № 11382.

²⁶ МАР, № 37, табл. VII рис., 14—15, П. 1918.

К. Ф. С М И Р Н О В

САРМАТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ

Известные нам погребения ранних кочевников в степях Южного Приуралья обычно датируются эллинистическим или более ранним временем. Первое место среди них занимают курганы у с. Прохоровки б. Оренбургского уезда, давшие название культуре сарматов Приуралья III—II вв. до н. э.¹ К прохоровской культуре относятся также погребения, исследованные Б. Н. Граковым в 1927 г. в окрестностях пос. Нежинского б. Оренбургского уезда² и большинство сарматских погребений близ гор. Орска, вскрытых К. В. Сальниковым в 1936 г.³ Публикуемые ниже погребения относятся к двум последующим стадиям сарматской культуры: среднесарматской (I в. до н. э.—I в. н. э.) и позднесарматской (II—IV вв.).⁴

Во время археологических исследований ГИМ под руководством Б. Н. Гракова в 1927—1929 гг. в окрестности поселков Нежинского и Благословенского (близ гор. Чкалова, бывший Оренбург) было вскрыто семь сарматских погребений этого периода.⁵

В 1927 г. Б. Н. Граковым был исследован курган высотой 1.60 м и диаметром 31.60 м на Алебастровой горе, в 3 км к ССВ от пос. Нежинского. Погребения этого кургана были опубликованы Б. Н. Граковым и отнесены им к прохоровской культуре.⁶ Однако одно из этих погребений — впускное погребение № 3 — отличается от остальных и по своему погребальному ритуалу, и по составу могильного инвентаря. Позволю себе подробнее на нем остановиться.

Погребение находилось на запад от центра кургана. Могила, ориентированная с севера на юг, представляла собою довольно узкую с сильно округленными углами и глубокую яму. Длина ямы 2.10 м, ширина в северном конце — 1 м, в южном — 1.10 м и глубина (от горизонта) — 2.18 м. Она нарушила более древнее погребение в широкой прямоугольной

¹ М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской обл. эпохи раннего и позднего эллинизма. МАР, вып. 37, П., 1918.

² Б. Н. Граков. Курганы в окрестностях пос. Нежинского Оренбургского уезда по раскопкам 1927 г. Тр. секции археол., РАНИОН, т. IV, М., 1928.

³ К. В. Сальников. Сарматские курганы близ Орска. Материалы и исследования по археологии СССР, вып. 1, М.—Л., 1940.

⁴ К. Ф. Смирнов. Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья. Доклады и сообщения истфака МГУ, вып. 5, 1947 г., стр. 75 и сл.

⁵ Приношу большую благодарность Б. Н. Гракову за разрешение опубликовать данные памятники сарматской культуры.

⁶ Б. Н. Граков. Ук. соч.

яме. Погребение было потревожено. От костяка *in situ* сохранилась только согнутая в локте левая рука.

Судя по расположению костей, погребенный был ориентирован головой на север. Под его локтем лежал обломок железного ножа с серповидным лезвием (рис. 23). В юго-западном углу находился темный лощеный сосуд, раздавленный землей (рис. 24); другой лепной горшок в таком же состоянии был у западной стенки могилы (рис. 25).

Около первого сосуда лежали череп жеребенка, два его позвонка и лопатка с плечевой костью. В засыпке могилы оказались гнилушки дерева, уголь и кости лошади, повидимому, от разрушенного более древнего погребения. В насыпи кургана над могилой сохранились остатки наклонно стоящего колеса с обгорелой осью.

Рис. 23. Железный нож из погребения № 3, курган № 1 на Алебастровой горе

Рис. 24. Чернолощенный горшок из погребения № 3, курган № 1 на Алебастровой горе

Это погребение отличается от обычных погребений прохоровской культуры прежде всего северной ориентировкой костяка. Прохоровская куль-

тура Южного Приуралья дает, как правило, южную ориентировку. На среднесарматской стадии (I в. до н. э.— I в. н. э.) все чаще встречаются случаи северной ориентировки. Обычай покрывать могилу колесом от легкой кочевнической повозки прослежен в ряде случаев в сарматских погребениях Поволжья II в. до н. э.— I в. н. э.⁷

Рис. 25. Горшок из погребения № 3, курган № 1
Алебастровой горы

Глиняная посуда вышеописанного погребения резко отличается по форме и орнаменту от известной нам посуды прохоровской культуры. Эти сосуды ближе всего стоят к Поволжской группе сарматских лепных горшков с шаровидным туловом и узким цилиндрическим горлом.⁸ В отличие от поволжских горшков этой группы, у нежинского шаровидный корпус плав-

⁷ См. погребение № 1 Сусловского могильника. П. С. Рыков, Сусловский курганный могильник, Саратов, 1925. Погребение № 1, VI курганной группы у ст. Шипово. П. Рыков, Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском крае летом 1925 г. Изд. Краеведческого ин-та изучения Южновожской обл., Саратов, 1926 г. Погребение № 1, III курганной группы у с. Харьковки Саратовской обл. раскопок Б. Н. Гракова 1926 г. (материал ГИМ). Погребение № 2 в кургане 2 у с. Макаровка (р. Карамыш), И. В. Саницын, Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья, Саратов, 1947 г., стр. 77, рис. 50.

⁸ См. сосуды из погребения В4 у хутора Шульц. P. Rau, Die Hügelgräber römischer Zeit an der unteren Wolga. Pokrowsk, 1927, стр. 35, рис. 47; стр. 14, рис. 9В.

но переходит в узкое горло с сильно отогнутыми краями. Резной орнамент второго нежинского сосуда в виде ломаной линии по плечу, заключенной между двумя параллельными бороздками, встречается и на поволжской посуде среднесарматской стадии. Первый горшок, имеющий темное лощение, не находит точных аналогий по своей форме в сарматской посуде Поволжья. Однако его орнаментальный мотив в виде бороздок, спускающихся вниз по бокам сосуда, на сарматской лощеной посуде имеет широкое распространение вплоть до Приднепровья.

Таким образом, вся совокупность приведенных данных позволяет отнести наше погребение ко II—I вв. до н. э.

В 1928 г. Б. Н. Граков открыл два погребения несколько более позднего времени в IV курганный группе на Маячной горе в 3 км к ЮВ от пос. Благословенского и одно погребение в VI группе у того же поселка. Два первых погребения одинаковы по своему погребальному обряду. Они относятся к погребальному типу в узких могилах с южной ориентировкой костяков. Третье погребение было в узком подбое с южной ориентировкой костяка. Оба погребальных типа характерны для среднесарматской стадии Поволжья (I в. до н. э. — I в. н. э.).

В кургане № 3 (IV группа) под насыпью высотой 0.45 м и диаметром 11.30 м находилось погребение ребенка в могиле, ориентированной с СВ на ЮЗ, длиной 1.85 м, шириной 0.67 м и глубиной 1.20 м. Кости ребенка почти истлели. Сохранились лишь кости левой ноги. Покойник

Рис. 26. Горшок из кургана № 3 Маячной горы

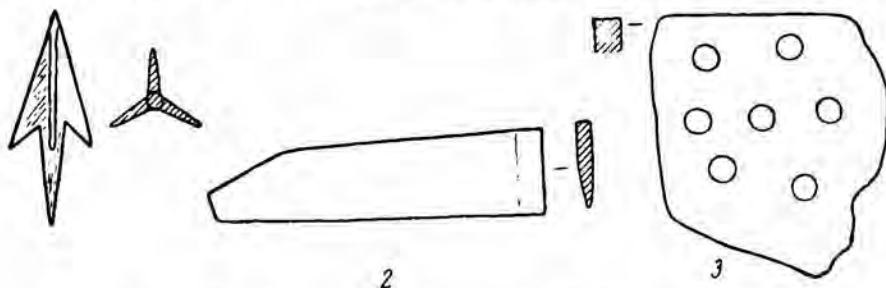

Рис. 27. Находки из кургана № 3 Маячной горы
1—железный наконечник стрелы; 2—железный нож; 3—черепок от бортика сосуда

лежал головой на ЮЗ. У головы стоял небольшой горшок (рис. 26), у кисти левой руки — пучок скипевшихся железных черешковых трехлопастных наконечников стрел (рис. 27—1), в ногах — железный нож с прямой спинкой (рис. 27—2) и черепок глиняного сосуда с отверстиями (рис. 27—3). Погребенный был положен на меловую подсыпку, покрывавшую все дно могилы. В засыпке могилы сохранился мел от деревянного покрытия.

Другое погребение этой группы в кургане № 4 оказалось впускным в насыпь высотой 0.37 м, диаметром 14 м. Могила ориентирована с ЮЮЗ на ССВ; ее длина 1.90 м, ширина 0.60 м и глубина 0.80 м. В могиле была погребена пожилая женщина, она лежала вытянуто на спине. Она лежала на подстилке из осокоря и была им покрыта сверху. У колена правой ноги стоял горшок (рис. 28). Дно могилы было посыпано мелом и золою. В засыпке могилы оказалось много угля.

Рис. 28. Горшок из кургана № 4 Маячной горы

лежавшие вдоль входа в подбой. Покойник ориентирован на юг. В грабительской яме оказались отдельные кости погребенного, кусок ремня с медной заклепкой и комочек белой глины. Несмотря на полное ограбление, по форме подбоя и по отдельным чертам погребального ритуала (южная ориентировка, меловая посыпка) это погребение относится к группе поволжских подбойных могил I в. до н. э.— I в. н. э.

Открытие Б. Н. Граковым первых погребений начала н. э. в Приуралье представляет большой интерес. Оно расширяет далее на восток территорию сарматской культуры Поволжья I в. до н. э.— I в. н. э., объединяя Поволжье и степное Приуралье в единую область одной и той же культуры, повидимому, также однородную и этнически.

В 1929 г. Б. Н. Граков исследовал три позднесарматских погребения с искусственно деформированными черепами в урочище Бис-Оба на земле аула № 1 на СВ от пос. Благословенского. Все три кургана (№ 3, 4, 6) находились в одной курганной группе, на возвышенности холма у его северо-западного склона.

Два соседних кургана (№ 3 и 4) имели оригинальную форму в виде длинных насыпей, вытянутых с запада на восток, с округлыми возвышенностями на концах (рис. 29). Погребения открыты в западных концах этих насыпей. В восточных концах не было никаких следов погребений.

Западная насыпь кургана № 3 была высотой 0.50 м, диаметром 14.30 м.

В кургане № 2 (VI группа) под насыпью высотой 0.70 м, диаметром 18 м находилась подбойная могила, ориентированная с севера на юг. Могильный вход был 1.90 м длины, 0.50 м ширины и 1.70 м глубины. Подбой вырыт в западной стенке, к которому дно входной ямы опускалось ступенькой шириной 0.70 м, высотой 0.20 м. Длина самого подбоя 2 м, ширина 0.70 и высота 0.90 м. Дно подбоя и входной ямы было посыпано мелом или известью. Погребение оказалось разграбленным. Кости покойника лежали в полном беспорядке. *In situ* сохранились лишь правая рука и бедро правой ноги,

Восточная насыпь была несколько меньше: высота 0.40 м, диаметр 12 м. Ширина насыпи между этими курганообразными возвышенностями 11 м при высоте 0.10 м. Общая длина всей насыпи кургана № 3 — 58 м.

Узкая и глубокая могила была ориентирована с севера на юг. Ее длина — 2.70 м, ширина — 0.70 м и глубина — 2.30 м. В могиле погребен мужчина. Он лежал в гробу из луба, вытянуто на спине, головой на север. Слева от погребенного лежал железный кинжал рукояткой у затылка, острием у локтя (рис. 30—2). Ниже кинжала, вдоль костяка от локтя до колена лежал длинный и массивный железный меч в деревянных ножнах, покрытых сверху тонкой красной кожей (рис. 30—1). Длина меча — 1,06 м.

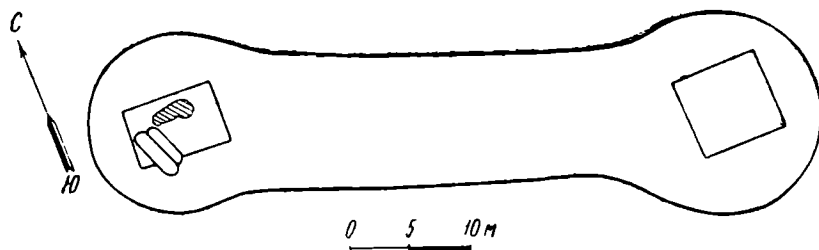

Рис. 29. План насыпи и погребения, курган № 4 Бис-Оба

При мече найдена португеза; остатки от нее, в виде ремня с серебряной пряжкой и небольшой обоймой, лежали на левом плече и рядом с ним (рис. 30—6, 7). У середины локтевой кости левой руки лежал ремень, разрезанный продольно на два конца, с серебряной застежкой (рис. 30—5). Под кистью левой руки находились остатки кистеня, от которого сохранился конец деревянного прута с медной обоймой (рис. 30—8А). Этот прут был обвит ремнями и прослеживался до нижней части голени, заканчиваясь массивной граненой гайкой (рис. 30—8Б). У подъема левой ноги лежали две железные пряжки; ниже — массивные железные кольца, соединенные друг с другом (рис. 30—4). На головке правого бедра среди остатков ткани найдена серебряная фибула (рис. 30—9); у правого колена — железный нож (рис. 30—3).

Могила сверху имела деревянное покрытие, от которого сохранились отдельные гнилушки в верхней части могильной засыпки.

Курган № 4 с подобной же длинной насыпью (рис. 29) имел длину 61.60 м; его западное возвышение имело высоту 0.65 м, диаметр 14 м; восточное возвышение высотой 0.40 м и диаметром 14 м. Высота промежуточной насыпи 0.10 м, ширина 9 м. В западном конце насыпи было открыто погребение молодой женщины в узкой и глубокой подбойной могиле, ориентированной с севера на юг. Длина могильного входа 2.60 м, ширина — 0.65 м, глубина — 2.05 м. Подбой в западной стенке был углублен на 0.15 м ниже дна могильного входа. Погребение было полностью разграблено; кости скелета разбросаны. Судя по отдельным костям, сохранившимся *in situ*, покойница была положена на спине головой на север. Могила сверху была покрыта деревом.

В кургане № 6, высотой 0.45 м и диаметром 12 м, в его южной части находилась узкая подбойная могила, ориентированная с севера на юг. Входная яма имела длину 2.10 м, ширину сверху — 0.65 м, по дну — 0.45 м, глубину — 1.36 м. Подбой с низким дуговидным сводом был вырыт в западной стенке могилы; его длина — 2.50 м, ширина — 0.65 м, высота 0.70 м. Дно подбоя на 0.09 м ниже дна могильного входа. Погребенный был положен вытянуто на спине головой на север. Под его тазом сохранился чер-

ный тлен от подстилки; такой же тлен был сверху на костях. Вещей не оказалось, кроме комка желтой краски, лежащего перед лонным сращением.

Все три погребения относятся к позднесарматской стадии и по способу погребения (в узком подбое или узкой яме, головой на север), и по инвентарю не отличаются от сарматских погребений Поволжья того же времени.

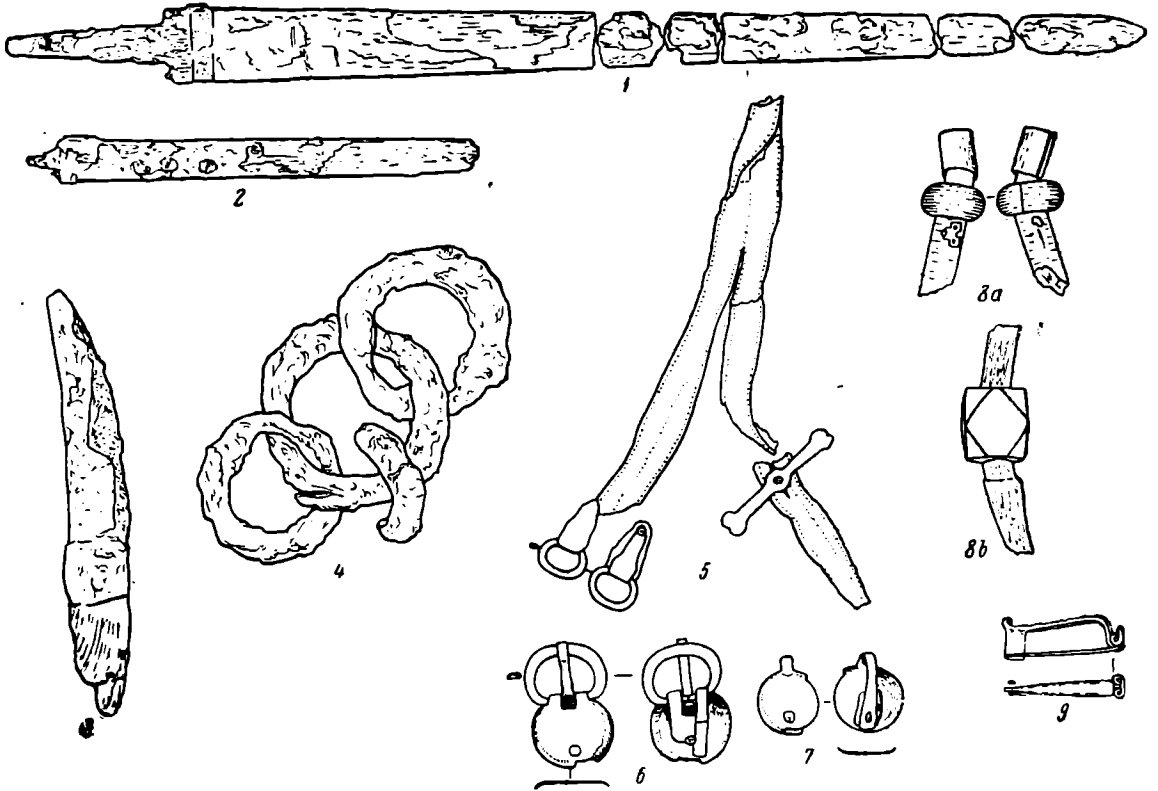

Рис. 30. Находки из кургана № 3 Бис-Оба

1—железный меч; 2—железный кинжал; 3—железный нож; 4—железные путы; 5—конец гожаного ремня с серебряной пряжкой от портупей меча; 6, 7— части портупей меча; 8—остатки кистеня; 9—серебряная фибула

Погребение в длинном кургане № 3 должно быть отнесено к группе наиболее поздних погребений этой стадии, т. е. к концу III — началу IV в., так как в его инвентаре мы имеем поздний тип фибулы с прямой широкой дужкой и наиболее поздний вариант длинного сарматского меча с массивным черенком и лезвием.

Кроме Бис-Обинских погребений в Южном Приуралье, сарматское погребение с деформированным черепом было открыто К. В. Сальниковым у аула Джанатан близ Орска (курган № 9).⁹ По обряду погребения и по инвентарю оно аналогично позднесарматским поволжским. Следовательно, и на позднесарматской стадии степные районы Южного Приуралья и Поволжья являлись областью кочевания одного и того же народа, этническим признаком которого был обычай искусственной деформации головы.

⁹ К. В. Сальников. Сарматские курганы близ Орска. МАР, вып. 1, М.—Л., 1940, стр. 127—130.

СОКРАЩЕНИЯ К ВЫП. XXII ИИМК

- ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗЕО — Записки Восточного отделения русского археологического общества
ЗООИД — Записки Одесского общества истории древностей
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИРАИМК — Известия Российской Академии Истории материальной культуры
МАР — Материалы по археологии России
ОАК — Отчет археологической комиссии
ПМИИ — Памятники Музея изящных искусств
РАИМК — Российская академия Истории материальной культуры
RLV — Reallexikon der Vorgeschichte, M. Ebert'a
СА — Советская археология
ТМАО — Труды Московского археологического общества
-

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр</i>
Борис Владимирович Фармаковский (биографическая справка, составленная А. Н. Карасевым)	5
I. ДОКЛАДЫ НА ЗАСЕДАНИЯХ СЕССИИ УЧЕНОГО СОВЕТА ИИМК, ПОСВЯЩЕННЫХ 50- ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ НАЧАЛА РАСКОПОК Б. В. ФАРМАКОВСКИМ В ОЛЬВИИ (АПРЕЛЬ 1946 г.)	
<i>В. Д. Блаватский.</i> Б. В. Фармаковский—исследователь античного мира	8
<i>М. М. Кобылина.</i> Б. В. Фармаковский—историк античного искусства	14
<i>В. В. Павлов.</i> Высказывания Б. В. Фармаковского о египетском искусстве	17
Список печатных работ Бориса Владимировича Фармаковского (составлен Т. И. Фармаковской)	21
<i>А. Н. Карасев.</i> Оборонительные сооружения Ольвии.	25
<i>Б. Н. Граков.</i> Литейное и кузнечное ремесло у скифов	38

II. СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

<i>И. Б. Зеест.</i> О типах гераклейских амфор.	48
<i>Н. Н. Бритова.</i> Образ всадника на рельефах Фракии и Боспора	53
<i>Т. В. Блаватская.</i> О финансовых коллегиях Ольвии и Истрии	57
<i>Н. М. Лосева.</i> Фрагмент краснофигурного килика из Фанагории	59
<i>Н. Н. Погребова.</i> Грифон в искусстве Северного Причерноморья в эпоху архаики	62
<i>А. П. Манцевич.</i> Шейные уборы скифского периода	68
<i>Н. Я. Мерперт.</i> Акинак с когтевидным навершием	74
<i>К. Ф. Смирнов.</i> Сарматские погребения Южного Приуралья	80

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Академии Наук СССР

*

Редактор издательства С. Т. Попова. Технический редактор М. Л. Темерлин
Корректоры Э. Корах и В. Гарди.

*

РИСО АН СССР № 2901. А — 00399. Издат. № 1370. Тип. заказ № 309. Подп. к печ. 27/V 1948 г.
Формат бум. 70×108¹/₁₆. Печ. л. 5¹/₁₆+3 вкл. Уч.-издат. 7,6. Тираж 3000

2-я типография Издательства АН СССР. Москва, Шубинский пер., д. 10

ΟΠΕЧАТΚИ

<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
17 св. 5 сн. —19 св. 12 сн. 14 св.	<p>время.¹⁵ technique Καραγοδυашха méridionate, 4. Κεφαλή ἐφῆβον ἐκ τοῦ ἐν Ἀθῆναιξ ἐθνικοῦ Μουσειον. Ἀθῆναι</p>	<p>время.^{15a} technique Καραγοδεуашха méridionale, 4. Κεφαλή ἐφῆβου ἔκ τοῦ ἐν Ἀθῆναις ἐθνικοῦ Μουσείου. Ἀθῆναι.</p>
11 сн. 5 сн. 8 сн. 7 сн. 6 сн. 5 св.	<p>καλῶξ, καλή. М. П. Ростовцева Ειλανός Στυφνος, Σκύτας οἰδδέκα</p>	<p>καλός, καλή. М. И. Ростовцева Σιλανός Στύφων, Σκύθας οἰ δέκα</p>